

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2022

Сборник материалов
VIII Международной научной конференции

(г. Белгород, 14–15 апреля 2022 г.)

Белгород 2022

УДК 81'374
ББК 81.054
Л 43

Рецензенты:

О.В. Сергушкова, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования
«Мозырский государственный педагогический университет имени И.П.Шамякина»,
Республика Беларусь;

С.А. Кошарная, доктор филологических наук, профессор
(НИУ «БелГУ», Белгород, Россия)

Редакционная коллегия:

ответственный редактор

А.П. Седых, доктор филологических наук, профессор;

члены редколлегии:

А.М. Аматов, доктор филологических наук, профессор;

Е.А. Огнева, доктор филологических наук, профессор;

И.А. Котенева, кандидат филологических наук, доцент;

Е.Е. Иванов, доктор филологических наук, профессор

(Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова, Беларусь)

Ж. Прюво, доктор филологических наук, профессор

(Университет Сержи-Понтуаз, Франция);

Ю.Е. Балабаева, ст. преподаватель

Л 43   **Лексикография и коммуникация – 2022**: сборник материалов
VIII Международной научной конференции (г. Белгород, 14–15 апреля
2022 г.) / отв. ред. А.П. Седых. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»,
2022. – 158 с.

ISBN 978-5-9571-3274-5

В сборнике представлены материалы докладов VII Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2022». Сборник призван способствовать обмену новейшей информацией в области теории и практики лексикографии и коммуникации, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает три раздела – «Лингвистические и методологические аспекты лексикографии», «Текст, дискурс, коммуникация: категории описания» и «Методика преподавания иностранных языков и словари».

Адресуется студентам, аспирантам, учителям школ и преподавателям вузов, магистрантам филологических специальностей и всем, кто интересуется проблематикой взаимодействия словарного дискурса и коммуникации.

УДК 81'374
ББК 81.054

ISBN 978-5-9571-3274-5

© НИУ «БелГУ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

РАЗДЕЛ 1. Лингвистические и методологические аспекты лексикографии

Afonitschewa Ljubow Igorewna, Kudryavtseva Natalia Borisovna (Belgorod, Russland) COMPUTERLEXIKOGRAPHIE: ERSTELLUNG VON ELEKTRONISCHEN WÖRTERBÜCHERN	8
Бодоньи Марина Алексеевна (Краснодар, Россия) СОСТАВЛЕНИЕ СЛОВАРЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АУТЕНТИЧНОГО ОЦЕНИВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ	11
Буримова Кристина, Седых Аркадий Петрович (Белгород, Россия) ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КУЛИНАРОНИМЫ ФРАНЦИИ: «RAIN AU CHOCOLAT» И «CHOCOLATINE»	15
Зуева Ольга Борисовна (Москва, Россия) ОСОБЕННОСТИ ОРФОГРАФИИ ЯЗЫКА ПАЛЕНКЕРО В КОЛУМБИИ	19
Kalashnik Alina Sergeevna, Natalya Borisovna Kudryavtseva (Belgorod, Russland) MODERNE ONLINE-WÖRTERBÜCHER DES DEUTSCHEN JUGENDSLANGS	26
Костева Дарья Алексеевна (Белгород, Россия) ФРАНЦУЗСКИЕ ФАМИЛИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	31
Котенева Инна Анатольевна, Кривчикова, Нэля Леонидовна (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЙ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ	36
Rudtschuk Anna Michailowna, Kudryavtseva Natalia Borisovna (Belgorod, Russland) WÖRTERBUCHARBEIT IM DEUTSCHUNTERRICHT	39
Siniakova Anastasia Dmitrievna, Kudryavtseva Natalia Borisovna (Belgorod, Russland) MODERNE LEXIKOGRAPHIE: STATUS UND ENTWICKLUNGSRICHTUNGEN	42
Смирнов Никита Николаевич (Белгород, Россия) СПЕЦИФИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА	48
Ткачева Ксения Андреевна, Кривчикова, Нэля Леонидовна (Белгород, Россия) ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ХОРЕОГРАФИИ И БАЛЕТА	52
Трещёва Наталья Васильевна, Пащинская Софья Антоновна (Белгород, Россия) ЛЕКСИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ	56
Schestakowa Assja Efimowna, Kudryavtseva Natalia Borisovna (Belgorod, Russland) ELEKTRONISCHE WÖRTERBÜCHER ALS EIN PRODUKT DER MODERNEN LEXIKOGRAPHIE	61

РАЗДЕЛ 2. Текст, дискурс, коммуникация: категории описания

Балабаева Юлия Евгеньевна, Мельникова Юлия Николаевна, Чурова Анастасия Александровна (Белгород, Россия) ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ С НАЗВАНИЯМИ ОДЕЖДЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	65
Бонадысенко Екатерина Александровна (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТФИЛЬМА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТИНТИНА»)	70
Бузинова Людмила Михайловна, Журавлева Дарья Андреевна (Москва, Россия) ЛИНГВОЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭЗИИ А. БЛОКА: СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «КРАСОТА»	74

Власенко Кристина Александровна, Котенёва Инна Анатольевна (Белгород, Россия) ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ В РОМАНЕ С. ДЕ БОУАРА «ПРЕЛЕСТНЫЕ КАРТИНКИ»	78
Волкова Анастасия Игоревна (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРФЕЙСА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР (НА МАТЕРИАЛЕ ИГРЫ «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»)	82
Voronina Larissa Vladimirovna, Skokova Tatjana Nikolaevna (Belgorod, Russland) DISKURS UND KOGNITIVE ASPEKTE SEINER WAHRNEHMUNG	87
Даниленко Илья Александрович (Белгород, Россия) ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ФОРМИРУЮЩИХСЯ КОНЦЕПТОВ	92
Данилова Елизавета Александровна (Белгород, Россия) СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	96
Koteneva Inna Anatolievna, Krivchikova Nelya Leonidovna (Belgorod, Russie) CORPUS TERMINOLOGIQUE DES DOCUMENTS LÉGISLATIFS FRANÇAIS	99
Кураш Сергей Борисович (Мозырь, Республика Беларусь) МЕТАФОРА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ: В ПОИСКАХ «ГРАНИЦЫ ТЕКСТА»	102
Новикова Юлия Дмитриевна (Белгород, Россия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	107
Огнева Елена Анатольевна (Белгород, Россия) ПРОКСЕМНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «SHADOW» В ТЕКСТОВОМ ИНФОРМАТИВНОМ КОДЕ РОМАНА ДЖ. КОНРАДА «NOSTROMO»	110
Осипова Валерия Александровна, Кривчикова Нэля Леонидовна (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО КОММЕРЧЕСКОГО ПИСЬМА	116
Седых Аркадий Петрович (Белгород, Россия) ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ФИЛОСОФА: СОКРАТ И СОВРЕМЕННОСТЬ	119
Тугуз Тамара Руслановна (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ КОГНИТИВНЫХ СЦЕН (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г. ДЖЕЙМСА «КРЫЛЬЯ ГОЛУБКИ»)	124
Ющенко Валерия Ивановна, Федотова Ольга Владимировна (Белгород, Россия) О СРЕДСТВАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА <i>CLOTHES</i>	129

РАЗДЕЛ 3. Методика преподавания иностранных языков, перевод и словари

Ермакова Ольга Александровна, Ермаков Антон Игоревич, Носова Марина Валериевна (Белгород, Россия) МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОМАНОВ ДЖ. РОУЛИНГА О ГАРРИ ПОТТЕРЕ	135
Мацькив София Романовна, Пашковская Наталья Дмитриевна (Москва, Россия) О ВЗАИМОСВЯЗИ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ В ЭКОСИСТЕМЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	139
Янутик Стелла Яновна, Клян Мария Алексеевна (Белгород, Россия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ.....	143
Янутик Стелла Яновна, Мирошниченко Ангелина Николаевна (Белгород, Россия) ФОРМИРОВАНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ НАВЫКОВ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОВЫМ МАТЕРИАЛОМ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	147
Янутик Стелла Яновна, Щукина Алина Олеговна (Белгород, Россия) ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ.....	152

CONTENT

Preface	7
---------------	---

SECTION I. Linguistic and methodological aspects of lexicography

Afonitschewa Ljubow Igorewna, Kudryavtseva Natalia Borisovna (Belgorod, Russland) COMPUTERLEXIKOGRAPHIE: ERSTELLUNG VON ELEKTRONISCHEN WÖRTERBÜCHERN	8
Bodony Marina Alekseevna (Krasnodar, Russia) CREATING A DICTIONARY AS A TOOL FOR AUTHENTIC ASSESSMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCES IN PHILOLOGICAL EDUCATION	11
Burimova Kristina, Sedykh Arkadiy (Belgorod, Russia) FRANCE TERRITORIAL COOKING NAMES: «PAIN AU CHOCOLAT» AND «CHOCOLATINE»	15
Zueva Olga Borisovna (Moscow, Russia) FEATURES OF THE SPELLING OF THE PALENQUERO LANGUAGE IN COLOMBIA	19
Kalashnik Alina Sergeevna, Natalya Borisovna Kudryavtseva (Belgorod, Russland) MODERNE ONLINE-WÖRTERBÜCHER DES DEUTSCHEN JUGENDSLANGS	26
Kosteva Daria Alekseevna (Belgorod, Russia) FRENCH SURNAMEN: LINGUO-CULTURAL ASPECT	31
Koteneva Inna Anatolievna, Krivchikova Nelya Leonidovna (Belgorod, Russia) PECULIARITIES OF FRENCH AND RUSSIAN PROVERBS IN THE LANGUAGE SYSTEM	36
Rudtschuk Anna Michailowna, Kudryavtseva Natalia Borisovna (Belgorod, Russland) WÖRTERBUCHARBEIT IM DEUTSCHUNTERRICHT	39
Siniakova Anastasia Dmitrievna, Kudryavtseva Natalia Borisovna (Belgorod, Russland) MODERNE LEXIKOGRAPHIE: STATUS UND ENTWICKLUNGSRICHTUNGEN	42
Smirnov Nikita (Belgorod, Russia) NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF FRENCH MILITARY TERMINOLOGY AND DIFFICULTIES IN TRANSLATION.....	48
Tkacheva Ksenya Andreevna, Krivchikova Nelya Leonidovna (Belgorod, Russia) BORROWINGS FROM THE FRENCH LANGUAGE IN THE FIELD OF CHOREOGRAPHY AND BALLET	52
Trescheva Natalya Vassilyevna, Paschinskaya Sofia Antonovna (Belgorod, Russia) VOCABULARY OF THE ECONOMIC CRISIS IN THE FRENCH PRESS	56
Schestakowa Assja Efimowna, Kudryavtseva Natalia Borisovna (Belgorod, Russland) ELEKTRONISCHE WÖRTERBÜCHER ALS EIN PRODUKT DER MODERNEN LEXIKOGRAPHIE	61

SECTION II. Text, discourse, communication: description category

Balabaeva Yuliya Evgenyevna, Melnikova Julia Nikolaevna, Churova Anastasia Aleksandrovna (Belgorod, Russia) PHRASEOLOGICAL UNITS OF GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES WITH CLOTHING NAMES	65
Bonadysenko Ekaterina Aleksandrovna (Belgorod, Russia) PECULIARITIES OF CONVERSATION IN THE FRENCH ANIMATION DISCOURSE (BY THE MATERIAL OF THE CARTOON «LES AVENTURES DE TINTIN»).....	70
Buzinova Lyudmila, Zhuravleva Darya (Moscow, Russia) LINGUOAESTHETIC ASPECTS IN THE POETRY OF A. BLOK: WAYS OF VERBALIZING T HE CONCEPT «BEAUTY».....	74
Vlasenko Kristina, Koteneva Inna Anatolievna (Belgorod, Russia) EXISTENTIALISM IN THE NOVEL S. DE BEAUVOIR «LES BELLES IMAGES»	78

Volkova Anastasia (Belgorod, Russia) FEATURES OF THE LOCALIZATION OF THE USER INTERFACE OF COMPUTER GAMES (ON THE MATERIAL OF THE GAME «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»)	82
Voronina Larissa Vladimirovna, Skokova Tatjana Nikolaevna (Belgorod, Russland) DISKURS UND KOGNITIVE ASPEKTE SEINER WAHRNEHMUNG	87
Danilenko Ilya (Belgorod, Russia) DIACRONIC APPROACH TO THE STUDY OF ARTISTIC CONCEPTS AS A WAY TO REVEAL THE EMERGING CONCEPTS	92
Danilova Elizaveta (Belgorod, Russia) STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF SLANG IN CONTEMPORARY FRENCH	96
Koteneva Inna Anatolievna, Krivchikova Nelya Leonidovna (Belgorod, Russie) CORPUS TERMINOLOGIQUE DES DOCUMENTS LÉGISLATIFS FRANÇAIS	99
Kurash Sergey Borisovich (Mozyr, Republic of Belarus) METAPHOR AND REALITY: IN SEARCH OF THE «TEXT BORDER»	102
Novikova Julia (Belgorod, Russia) THE USE OF ADJECTIVES OF COLOR IN PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE FRENCH LANGUAGE	107
Ogneva Elena Anatolievna (Belgorod, Russia) PROXEMAL LITERARY CONCEPT «SHADOW» IN THE TEXT INFORMATIVE CODE OF J. KONRAD'S «NOSTROMO»	110
Osipova Valeria, Krivchikova Nelya Leonidovna (Belgorod, Russia) FEATURES OF FRENCH COMMERCIAL WRITING	116
Sedykh Arkadiy (Belgorod, Russia) PHILOSOPHER'S LANGUAGE PERSONALITY: SOCRATES AND MODERNITY	119
Tuguz Tamara Ruslanovna (Belgorod, Russia) SPECIFIC FEATURES OF USING DIFFERENT TYPES OF COGNITIVE SCENES IN H. JAMES'S «THE WINGS OF THE DOVE»	124
Ushchenko Valeriya Ivanovna, Fedotova Olga Vladimirovna (Belgorod, Russia) MEANS OF REPRESENTATION OF THE <i>CLOTHES</i> CONCEPT	129

SECTION III. Methods of teaching foreign languages, translation and dictionaries

Ermakova Olga Aleksandrovna, Ermakov Anton Igorevich, Nosova Marina Valerievna (Belgorod, Russia) METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE CYCLE OF NOVELS ABOUT HARRY POTTER BY J.K. ROWLING	135
Matskiv Sofia Romanovna, Pashkovskaia Natalia Dmitrievna (Moscow, Russia) TEACHING LANGUAGE AND CULTURE IN THE ECOSYSTEM OF FOREIGN LANGUAGE LESSONS	139
Yanutik Stella Yanovna, Klyan Maria (Belgorod, Russia) THE USE OF LEXICAL MEANS IN THE PROCESS OF MASTERING SPEECH ACTIVITY IN ENGLISH IN SECONDARY SCHOOL	143
Yanutik Stella Yanovna, Miroshnichenko Angelina (Belgorod, Russia) FORMATION OF AUTOMATED SKILLS PROFICIENCY IN LANGUAGE MATERIAL AT THE MIDDLE STAGE TEACHING ENGLISH	147
Yanutik Stella Yanovna, Shchukina Alina (Belgorod, Russia) METHODS OF TEACHING LISTENING IN ENGLISH LESSONS IN ELEMENTARY SCHOOL	152

ПРЕДИСЛОВИЕ

На факультете иностранных языков Педагогического института 14-15 апреля 2022 года прошла традиционная, вот уже восьмая Международная научная конференция «Лексикография и коммуникация – 2022». Конференция была организована Белгородским государственным национальным исследовательским университетом и Московским международным университетом (Россия), при участии Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина (Беларусь), Университета Сержи-Понтуаз (Франция) и Севастопольского государственного университет (Севастополь).

В связи со сложной международной обстановкой конференция прошла в онлайн-режиме с ограниченным количеством участников. Тем не менее, в онлайн-состав команды вошли учёные из Белоруссии и России. Общее количество участников составило

Главной задачей данной конференции явилось обсуждение и обмен мнениями по актуальным вопросам современной лексикографии и коммуникации, изучение перспектив адекватного словарного отражения состояния национального языка и коммуникативных процессов в современном меняющемся мире.

Почётным гостем и активным участником конференции является **Жан ПРЮВО** – ведущий французский лингвист, Командор Ордена академических пальм, Кавалер ордена Искусств и изящной словесности, профессор, доктор филологических наук (Сержи-Понтуаз, Франция). В этот раз Жан Прюво выступил в роли члена редколлегии сборника статей.

Несмотря на ограниченное число участников, темы докладов вызвали живой интерес слушателей и активную дискуссию после выступления ораторов, среди которых на пленарном заседании выступили:

Профессор, доктор филологических наук **Кожемякин Евгений Александрович** (Белгород, Россия) представила доклад «ПРОБЛЕМА СЕМИОТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА ЭЛЕМЕНТОВ МЕДИАТЕКСТА: СЛОВО И ШРИФТ».

Профессор, доктор филологических наук **Седых Аркадий Петрович** (Белгород, Россия) с докладом «ФИЛОСОФСКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЗНАНИЯ МИРА».

По следам конференции выходит данный сборник, в котором собраны статьи по широкому спектру вопросов теории и практики лексикографирования и коммуникации, дескриптивной лингвистики и дискурсологии, методики преподавания иностранных языков и использования словарей.

Свои исследовательские материалы предоставили не только ведущие учёные и преподаватели вузов, но и учителя школ, аспиранты, магистранты, студенты. Надеемся, что сборник восьмой Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2022» найдёт своего вдумчивого и заинтересованного читателя.

Оргкомитет

Раздел 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81

COMPUTERLEXIKOGRAPHIE: ERSTELLUNG VON ELEKTRONISCHEN WÖRTERBÜCHERN

Afonitschewa Ljubow Igorewna

Studentin des Lehrstuhls für Deutsch und
Französisch,
Belgoroder Staatliche Forschungsuniversität,
Belgorod, Russland / Lubov.99@mail.ru

Kudryavtseva Natalia Borisovna

Dr. phil., Dozentin,
Belgoroder Staatliche Forschungsuniversität,
Belgorod, Russland / nkud@bsu.edu.ru

Zusammenfassung

In diesem Artikel werden der Platz der Computerlexikographie in der modernen Linguistik, die Gründe für die Entwicklung der Computerlexikographie, der Status und der Beitrag der Computerlexikographie zur Entwicklung der modernen Linguistik untersucht. Wir werden die Aufgaben und Probleme der modernen Computerlinguistik definieren und zeigen, mit welchen Konzepten die Computerlinguistik arbeitet. Es werden Merkmale elektronischer Wörterbücher, ihr Platz in der Computerlexikografie und die Vor- und Nachteile elektronischer Wörterbücher genannt. In diesem Artikel werden auch Algorithmen für die Erstellung von elektronischen Wörterbüchern, Programme und Toolkit sowie der Prozess der Erstellung elektronischer Wörterbücher behandelt. Es werden auch die Phasen der Erstellung von elektronischen Wörterbüchern mit Hilfe der traditionellen Computertechnologie und der Verwendung von Computerprogrammen betrachtet.

Schlüsselwörter: Computerlexikographie, elektronische Wörterbücher, Erstellung von elektronischen Wörterbüchern, Computerprogramme, Technologien

In der heutigen Welt sind die Menschen bestrebt, so viele Lebensbereiche wie möglich zu automatisieren. Die moderne Technologie bietet diese Möglichkeit für verschiedene Bereiche der Wissenschaft, einschließlich der Lexikographie. Die Lexikographie ist ein wesentlicher Bestandteil der Sprachwissenschaft. Wörterbücher, die in verschiedenen Bereichen weit verbreitet sind, können nicht nur als Forschungsmaterial verwendet werden, sondern auch als Endresultat, als praktisches Ergebnis wissenschaftlicher Tätigkeit. Infolge dieses Prozesses ist die Computerlexikographie besonders gefragt, die es ermöglicht, eine Datenbank (Wörterbuch) in einer bequemen und aktuellen Form zu erstellen. Dank der Computertechnologie bleibt das Material, das zuvor in instabiler Form vorlag (Kartotheken, handschriftliche Quellen, Disketten, Kassetten usw.), erhalten und erleichtert die weitere Arbeit mit den Informationen.

Die Computerlexikografie ist ein "Ableger" der Lexikografie, einer angewandten wissenschaftlichen Disziplin, die sich mit der Nutzung der Computertechnologie zur Erstellung von Wörterbüchern befasst. Die Disziplin entstand im Zuge des Übergangs von der handschriftlichen Lexikographie zur papierlosen Informationstechnologie.

Der Begriff "Computerlexikographie" tauchte Mitte der 1960er Jahre auf und bezog sich auf die Untersuchung von maschinenlesbaren (elektronischen) Wörterbüchern. Bei einem maschinenlesbaren Wörterbuch handelt es sich um elektronisch gespeicherte Wörterbuchdaten, die mit Hilfe von Computertechnologie verarbeitet und recherchiert werden können [Chepik, 2006: 275].

Die ersten Schritte in der Entwicklung der Computerlexikographie wurden Ende des 20. Jahrhunderts unternommen, als die Computertechnologie für den Durchschnittsnutzer zugänglicher wurde. Die ersten Heimcomputer kamen Mitte der 1990er Jahre auf den Markt, zur gleichen Zeit, als das Internet aufkam. Dank der Fähigkeit der Massen, die moderne Technologie zu nutzen, gewann die Computerlexikographie an Popularität. Die führende Position auf dem Gebiet der Computerlexikographie nehmen Länder wie die USA, Großbritannien, Russland und Frankreich ein. Diese Länder haben in diesem Bereich die größten Erfolge erzielt.

Die Aufgabe der Computerlexikographie besteht nicht nur darin, elektronische Wörterbücher zu erstellen, sondern auch lexikalische Polysemie zu lösen, Informationen zu extrahieren, Frage-Antwort-Systeme zu erstellen, Texte automatisch zu abstrahieren, Sprache zu erkennen und zu synthetisieren [Litkowski, 2005:8].

Unter Wortsinn – Disambiguierung (WSD) versteht man die Aufgabe, die Bedeutung oder den Sinn eines polysemen Wortes in Abhängigkeit von dem Kontext, in dem es vorkommt, auszuwählen [Litkowski, 2005:8]. Informationsextraktion ist der Prozess der automatischen Extraktion von Daten aus unstrukturierten Dokumenten und deren weitere Strukturierung [Litkowski, 2005:9].

Ein Frage – Antwort – System ist das System, das Fragen in einer natürlichen (zur Kommunikation verwendeten, nicht absichtlich geschaffenen) Sprache beantwortet [Litkowski, 2005:9].

Unter automatischer Zusammenfassung versteht man die Reduktion einer Datenmenge, um einen Text zu erstellen, der die wichtigsten und relevantesten Informationen enthält [Litkowski, 2005:10]. Spracherkennung ist der automatische Prozess der Umwandlung eines Sprachsignals in digitale Informationen und wird verwendet, um Wörter in elektronischen Wörterbüchern zu entziffern [Litkowski, 2005:11].

Die Sprachsynthese ist der umgekehrte Prozess der Spracherkennung, also die Bildung eines Sprachsignals aus einem gedruckten Text [Litkowski, 2005:11].

Die wichtigste Aufgabe der Computerlexikographie war und ist aber zunächst die Erstellung von Wörterbüchern. Elektronische Wörterbücher werden auf die gleiche Weise klassifiziert wie gedruckte. Die traditionelle Klassifizierung unterteilt Wörterbücher in sprachwissenschaftliche Wörterbücher, enzyklopädische Wörterbücher, länderspezifische Wörterbücher und terminologische Wörterbücher.

Bevor man mit der Erstellung eines elektronischen Wörterbuchs beginnt, sollte man sich die Vorteile dieser Art von Wörterbuch vor Augen führen:

1) Einsatz von Multimedia. In elektronischer Form kann ein Wörterbuch durch audiovisuelle Informationen ergänzt werden;

2) Einsatz moderner Technologien wie Spracherkennung und Sprachsynthese;

3) Bequeme und schnelle Suche: Die Funktionen eines elektronischen Wörterbuchs helfen dem Benutzer, die irgendwo in den Eingeweiden des Wörterbuchs enthaltenen Informationen schnell wiederzufinden. Die erhaltenen Informationen werden die vom Benutzer formulierte Anfrage auf benutzerfreundliche Weise genau beantworten;

4) Aktualität und Dynamik: Die Daten im elektronischen Wörterbuch können sich bei jeder Aktualisierung des Wörterbuchs entsprechend den neuen Informationen ändern. Diese Dynamik ist in einem Papierwörterbuch nicht möglich;

5) Möglichkeit eines größeren Wortschatzes: Die meisten elektronischen Wörterbücher haben einen größeren Wortschatz als Papierwörterbücher;

6) Variabilität der Nutzung: Online – und Offline – Wörterbuchfunktionen;

7) Vielseitigkeit: Elektronische Wörterbücher enthalten in der Regel Informationen in zwei oder mehr Sprachen. So erhalten elektronische Wörterbücher einen breiten Anwendungsbereich: nicht nur Linguistik, sondern auch Programmierung, Architektur usw.

Schauen wir uns nun den Algorithmus zur Erstellung eines elektronischen Wörterbuchs an. Der erste Schritt ist die Bildung eines Textkorpus und die Erstellung eines Vokabulars. In der Linguistik ist ein Korpus eine Menge von Texten, die nach bestimmten Regeln ausgewählt und bearbeitet werden. Das Vokabular ist eine Liste von Wörtern, die in ein Wörterbuch aufgenommen werden sollen, ein Satz von Stichwörtern in einem Wörterbuch.

Der zweite Schritt ist die automatische Generierung eines Beispielkorpus.

Die dritte Stufe ist das Schreiben der Vokabelbeiträge. Ein Wörterbucheintrag besteht aus einem Stichwort mit einem etymologischen Hinweis (Informationen über den Ursprung des Wortes), einer Interpretation und Beispielen für die Verwendung des Wortes. Manchmal gibt der Autor des Wortes statt einer ausführlichen Erklärung einen Verweis auf einen anderen Wörterbucheintrag.

Die nächsten Schritte sind die Arbeit mit der Datenbank: Eingabe der zuvor erstellten Vokabeleinträge in die Datenbank, auf deren Grundlage das elektronische Wörterbuch erstellt wird, Bearbeitung der Vokabeleinträge in der Datenbank, Korrektur des Textes [Kunze, Lemnitzer, 2007: 12]. Die letzten Schritte sind die textliche Bearbeitung des Wörterbuchs, die Gestaltung des Modells des Wörterbuchs und der Betrieb.

Ein anderer Algorithmus zur Erstellung eines lexikografischen Produkts wie eines elektronischen Wörterbuchs umfasst sechs Schritte:

Die erste Phase ist die Sammlung von Material, das die Grundlage für das künftige Wörterbuch bilden wird. Dazu gehören die Wörterbucheinträge, die bereits im vorangegangenen Handlungsalgorithmus erwähnt wurden.

Die zweite Phase ist die Entwicklung eines allgemeinen Konzepts für das Wörterbuch, die Wahl der Form des Wörterbuchs und die Auswahl der Software, mit der das Wörterbuch erstellt werden soll.

Der dritte Schritt besteht in der Identifizierung der funktionalen Aufgaben, der detaillierten Beschreibung der Aufgabenstellung auf der Grundlage der aktuellen Aufgabe und der Erstellung der Wörterbucheinträge für das elektronische Wörterbuch.

Der vierte Schritt – in dieser Phase arbeiten Linguisten und Programmierer zusammen, um die Architektur einer Computeranwendung mit mehreren Optionen für die Gruppierung des Materials zu entwerfen.

Der fünfte Schritt ist die Entwicklung einer Softwareplattform für das Wörterbuch, die eine intuitive Navigation ermöglicht.

Die sechste und letzte Phase ist die Prüfung des elektronischen Wörterbuchs [Agapowa, Kartofelewa, 2014: 9].

Das elektronische Wörterbuch wird mit lexikografischen und programmtechnischen Mitteln erstellt. Die Etappen der lexikografischen Wörterbucherstellung wurden bereits erläutert. Kommen wir nun zu den Programmierwerkzeugen, mit denen wir ein elektronisches Wörterbuch erstellen können.

Fast alle elektronischen Wörterbücher werden mit der GoldenDict – Plattform erstellt. GoldenDict ist ein kostenloses Computerprogramm, eine "Hülle" für elektronische Wörterbücher. Dieses Programm kann als Grundlage für ein eigenes Wörterbuch dienen, da es dem Benutzer ermöglicht, Wörterbücher von Drittanbietern in das Programm zu laden und darin zu suchen. Das Programm unterstützt das dsl-Format.

In den letzten Phasen der Wörterbucherstellung geht es immer darum, ein Programm zu erstellen, in dem die Wörterbuchdatenbank gespeichert wird. Die Datenbank kann jedoch nicht einfach im Textformat eingegeben werden. Um ein gewöhnliches, handgeschriebenes Wörterbuch in ein elektronisches zu verwandeln, verwendet man die DSL (Dictionary Specification Language), entwickelt von ABBYY.

Eine der unbestrittenen Stärken von DSL ist die relative Leichtigkeit, mit der sie erlernt werden kann, die geringe Anzahl der zu kennzeichnenden Tags und die Möglichkeit, ein Wörterbuch von Grund auf zu erstellen von jedem Benutzer in einem einfachen Texteditor erstellt werden. Nachdem ein Wortlistendokument erstellt wurde, muss es in einem Wörterbuch als dsl-Datei gespeichert werden. Eine Anmerkungsdatei kann als separate Datei im ann-Format erstellt werden, mit Informationen über den Autor, den Verlag usw.

Die Werkzeuge zur Erstellung eines Wörterbuchs sind also die Programmiersprache und das in der Datenbank gesammelte Material. In der Programmiersprache DLS werden Werkzeuge wie Tags verwendet. Dies sieht folgendermaßen aus:

```
#NAME "Name des Wörtrebuchs"  
#INDEX_LANGUAGE "Wörterbuchsprache"  
#CONTENTS_LANGUAGE "Übersetzung Sprache"
```

Jede Vokabelkarte sollte einen Kopfteil haben, in dem das Wort steht, und einen Text, in dem der eigentliche Wörterbucheintrag steht. Die Zeile, die auf die Zeile mit dem Wort folgt, muss durch Tabulatoren getrennt sein (Tabulator-Taste Leerzeichen). Zur Kennzeichnung der

Карты werden spezielle Markup-Tags verwendet. Um also alle gesammelten Informationen in einem Wörterbuch zusammenzufassen, muss man jedes Wort mit Tags versehen.

Schließlich muss man keine Programmierkenntnisse haben, um ein elektronisches Wörterbuch zu erstellen. Die moderne Technik bietet viele kostenlose und kostenpflichtige Internetressourcen zur Erstellung eines eigenen kleinen Wörterbuchs. Aber diese Wörterbücher sind jedoch mehr für den persönlichen Gebrauch geeignet.

Zusammenfassend lässt sich also sagen, dass die Computerlexikographie über eine breite Palette von Möglichkeiten verfügt, mit denen sich geistige Operationen im Zusammenhang mit der Lexikographie realisieren lassen. Die Computerlexikographie ist ein vielversprechender und sich entwickelnder Bereich der Computerlinguistik, da die von ihr erstellten elektronischen Wörterbücher vielfältig und multimedial sind, die neuen Technologien widerspiegeln und relevante Informationen enthalten, die den Bedürfnissen des Benutzers entsprechen. Die Computerlexikographie und die Erstellung von elektronischen Wörterbüchern sind für die klassische Lexikographie von großem Interesse.

Literaturverzeichnis

1. Agapowa N. A., Kartofelewa N. F. Über die Prinzipien der Erstellung eines elektronischen Wörterbuchs vom sprachlich – kulturellen Typ // Vestnik der Staatlichen Universität Tomsk, 2014. №382. – S. 6-10
2. Chepik E.Y. Computerlexikographie als eine der Richtungen der modernen angewandten Linguistik // Taurian National University, 2006. № 3-4. – S. 274-279
3. Kunze Claudia, Lemnitzer Lothar. Computerlexikographie. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2007. – 352 S.
4. Litkowski K. Computerwortschatz und Wörterbücher. – Oxford: Elsevier Publishers, 2005. №2. – S. 1-14.

УДК 82.085

СОСТАВЛЕНИЕ СЛОВАРЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АУТЕНТИЧНОГО ОЦЕНИВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ¹

Бодонья Марина Алексеевна

заведующий кафедрой прикладной лингвистики и новых информационных технологий,
кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Краснодар, Россия / m.bodony@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается лексикографическая деятельность студентов-филологов как способ реализации аутентичного оценивания формируемых профессиональных компетенций. Анализируемый подход ориентирован на активизацию комплекса знаний, умений, способностей и готовности обучающихся, что определяется деятельностным характером оценочного задания. Оценка профессиональных компетенций учитывает как процессуальные характеристики, проявляющиеся в ходе разработки словарей, так свойства уже готового продукта как результата деятельности. Особое внимание в статье уделяется организации деятельности студентов по составлению учебных словарей для изучающих иностранные языки как форме аутентичного оценивания профессиональных компетенций студентов-филологов.

Ключевые слова: лексикография, словари, лексикографическая деятельность, аутентичная оценка, формирующее оценивание, проектная деятельность, компетентностный подход

---

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта, реализуемого победителем Конкурса на предоставление грантов преподавателям магистратуры благотворительной программы «Стипендиальная программа Владимира Потанина» Благотворительного фонда Владимира Потанина.

CREATING A DICTIONARY AS A TOOL FOR AUTHENTIC ASSESSMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCES IN PHILOLOGICAL EDUCATION

Bodony Marina Alekseevna

Head of the Department of Applied Linguistics and New Information Technologies, Candidate
of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Kuban State University
Krasnodar, Russia / *m.bodony@mail.ru*

Abstract

The article considers the lexicographic activity of philology students as a way to implement an authentic assessment of the formed professional competencies. The analyzed approach is focused on activating the complex of knowledge, skills, abilities and readiness of students, which is determined by the activity nature of the assessment task. The assessment of professional competencies takes into account both the procedural characteristics that appear during the development of dictionaries, and the properties of an already finished product as a result of activity. Particular attention is paid to the organization of students' activities in compiling educational dictionaries for students of foreign languages as a form of authentic assessment of the professional competencies of philology students.

Keywords: lexicography, dictionaries, lexicographic activity, authentic assessment, formative assessment, project activity, competence-based approach

Подготовка специалистов-филологов направлена на развитие общепрофессиональных и профессиональных компетенций, обеспечивающих решение задач в рамках научно-исследовательского, педагогического, прикладного и проектно-организационного видов профессиональной деятельности. Представленные задачи определяют направленность развития компетенций как результатов освоения образовательной программы, что также становится условием для отбора и применения соответствующего оценочного инструментария. В проводимом нами исследовании, реализуемом в рамках проекта «Аутентичная оценка формируемых компетенций: технологии и инструменты», внимание фокусируется на магистерской филологической подготовке. Поиск приемов, форм и средств оценивания, моделирующих реальные условия профессиональной деятельности выпускников, определяет обращение к учебной лексикографической деятельности, которая в полной мере отражает требования и специфические характеристики общепрофессиональных, представленных в ФГОС ВО, и профессиональных компетенций по направлению подготовки 45.04.01 Филология. Вовлечение студентов в лексикографическую деятельность становится фактором глубокого осмысления филологической проблематики в контексте вопросов функционирования лексики, лексикографического описания, разработки концепции словаря, интерпретации языкового материала в соответствии с принятой концепцией и т.п. По мнению Е.В. Генераловой, рассматриваемый вид деятельности определяется как «важное звено в профессиональной подготовке филолога» [1, с. 1213]. Т.Г. Никитина и Е.И. Роголёва указывают на необходимость «увлечь молодежь трудоемким и требующим особой тщательности «словарным делом» [2, с.70]. Таким образом, работа в области лексикографии в качестве практико-ориентированной подготовки студентов определяет возможности ее использования в качестве инструментария для оценки степени сформированности профессиональных компетенций.

Проводимое нами исследование направлено на моделирование лексикографической деятельности студентов, обучающихся в магистратуре по направлению Филология, и определению возможностей обращения к данному виду деятельности как способу реализации аутентичного подхода к оценке общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Для решения указанной цели представляется важным ориентировать лексикографический опыт обучающихся на те виды профессиональной деятельности, которым они готовятся, а также обосновать критерии оценки как собственно лексикографической деятельности, так и ее продуктов.

Аутентичный подход при отборе методов и средств оценивания основан на мониторинге результатов учебной деятельности обучающихся в условиях максимально приближенных к реальной профессиональной деятельности, что также становится фактором актуализации компетентностного подхода к организации учебного процесса. Действительно, лексикографическая деятельность требует комплекса способностей, знаний, умений обучающихся, которые обеспечивают создание продукта учебной деятельности. Оценка профессиональных компетенций, таким образом, становится ориентированной как на процессуальные характеристики (ход работы, преодоление трудностей, взаимодействие участников деятельности и т.п.), так и на продукт как результат деятельности. Аутентичный характер оценки соотносится с особым дизайном процесса и процедур мониторинга, анализа и интерпретации результатов учебной деятельности студентов, что обеспечивается ее деятельностным характером, т.е. вовлеченностью обучающихся в определенный вид деятельности, актуализирующий в комплексе способности, знания, умения, готовности и т.п. Г. Уиггинс, обосновывая характеристики аутентичной оценки, указывает на проблематичность и ненадежность оценки только на основе активизации распознавания соответствующей информации, что реализуется, например, при обращении к тестам [3]. Кроме того, задания, ориентированные на реальный контекст, основаны на так называемых слабо структурированных задачах, предполагающих сложность принятия решения, неоднозначность выбора стратегий, многообразие факторов, влияющих на разработку продукта деятельности и т.п. – все то, что в полной мере отражает реальную действительность [3]. В условиях подготовки специалистов филологов реализация лексикографических проектов, связанных с ведущими видами профессиональной деятельности (например, педагогическим или прикладным), становится той формой аутентичности, которая моделирует реальную профессиональную деятельность и определяет высокую степень надежности и валидности оценки формируемых профессиональных компетенций.

Студенты реализуют лексикографическую деятельность в рамках проектов, которые они выполняют в ходе изучения курса лингводидактики. Курс лингводидактики направлен на освоение теории и практики обучения иностранным языкам, что определяет специфику лексикографической деятельности студентов – разработку учебных словарей, ориентированных на разные группы изучающих иностранный язык и на разные трудности, связанные с употреблением лексической единицы. Реализация указанной деятельности требует от студентов комплекса знаний. Прежде всего, это касается собственно знания на высоком уровне иностранного языка и его лексического фонда, понимание особенностей функционирования лексической единицы в разных условиях, контекстах, дифференциация стилистических, комбинаторных, грамматических и т.п. характеристик лексики. Также представляется очевидным необходимость владения методикой преподавания иностранных языков и, в частности, осмысление трудностей освоения лексической единицы изучающими иностранный язык. Особую роль в реализации лексикографической деятельности выполняет приобретение знаний в области лексикографии: применительно к области изучения иностранных языков «словарь востребован обществом как едва ли не самая удобная, компактная, приближающаяся к объективной, рубрицированная форма представления различных сведений» [1, с. 1211]. Для расширения знаний студентов в области учебных словарей, используемых в практике изучения и использования иностранных языков, один из тематических модулей в курсе Лингводидактики посвящен анализу учебных словарей, их типологии, их качественным характеристикам. Также подчеркнем, что работа над лексикографическими проектами проходит после учебной педагогической практики, в ходе которой студенты наблюдают за учебным процессом и, в частности, за использованием разных словарей. Идеи создания учебных словарей для изучающих иностранные языки основаны на результатах наблюдений, противоречиях, возникающих между лексикографическими средствами,

имеющимися в доступе у обучающихся, и их эффективностью для конкретной возрастной (уровневой) группы.

Нами были выделены следующие признаки, которые становятся основой для составления студентами учебных словарей для изучающих иностранный язык в рамках проектной деятельности, что позволяет выделить разные типы словарей в зависимости от принципа, положенного в основу для представления лексических единиц:

- 1) тематический принцип;
- 2) трудности комбинаторного плана;
- 3) отнесенность к определенной категории (словообразовательные элементы, фразовые глаголы, фразеологические единицы);
- 4) особенности представления лексической единицы;
- 5) фонетические трудности;
- 6) ложные друзья переводчика.

С точки зрения процедур оценивания, критерии оценки проектов рассматриваются в двух планах:

- критерии работы над проектом по этапам его реализации;
- критерии оценки готового продукта.

Критерии работы над проектом по этапам его реализации включают деятельность студентов:

- на этапе перед инициацией лексикографического проекта, что ориентировано на оценку потребностей, трудностей, противоречий, возникающих в процессе обучения иностранному языку и использованию лексикографических учебных источников;

- на этапе инициации лексикографического проекта, что ориентировано на определение целей, задач и первичного видения продукта;

- на этапе разработки плана проекта, что охватывает конкретизацию действий для реализации проекта;

- на этапе выполнения работ по проекту, предполагает детальную проработку всех составляющих учебного словаря, отбор лексики, анализ и разработку словарных статей и т.п.;

- на этапе завершения проекта, включающем оценку полученного продукта и деятельности по его разработке.

Критерии оценки готового продукта касаются эффективной композиции словаря, понимание лексикографических параметров, необходимых при создании учебного словаря для определенных целей, приемы подачи информации о лексических единицах. Также обращается внимание на макрокомпозиционные, охватывающие общую структуру учебного словаря, и микрокомпозиционные параметры, относящиеся к структуре словарной статьи. И, безусловно, важным является ориентированность разработанного учебного словаря на определенную группу изучающих иностранный язык или на предупреждение/ сокращение лексических трудностей.

Таким образом, реализация подобных проектов в курсе теоретической и практической подготовки к преподаванию иностранных языков становится формой аутентичного формирующего оценивания, которое позволяет не только проводить мониторинг, анализ и интерпретацию формируемых профессиональных компетенций, но и вносить изменения и улучшать сам проект и развивать способности и умения студентов в условиях моделирования профессиональной деятельности.

Литература

1. Генералова Е.В. Лексикографическая практика как важное звено в подготовке филолога-русиста // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2018. – № 6. – С. 1210–1214.
2. Никитина Т.Г., Роголёва Е.И. Проекты вузовской лексикографической лаборатории: сотрудничество и сотворчество преподавателя и студента // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2021. – № 1 (1). – С. 69–78.

3. Wiggins G. The Case for Authentic Assessment // Practical Assessment, Research, and Evaluation. – 1990. – Vol. 2. – Art. 2. – DOI: <https://doi.org/10.7275/ffb1-mm19>

References

1. Generalova E.V. Lexicographic practice as an important link in the training of a Russian philologist. *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*. No. 6 (2018): 1210-1214.

2. Nikitina T.G., Rogaleva E.I. Projects of the university lexicographic laboratory: cooperation and co-creation of a teacher and a student *Verba. Northwestern Linguistic Journal*. No. 1 (2021): 69–78.

3. Wiggins G. The Case for Authentic Assessment. *Practical Assessment, Research, and Evaluation*. Vol. 2, Art. 2 (1990). DOI: <https://doi.org/10.7275/ffb1-mm19>

УДК 811.133.1

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КУЛИНАРОНИМЫ ФРАНЦИИ: «PAIN AU CHOCOLAT» И «CHOCOLATINE»

Буримова Кристина

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / 1129403@bsu.edu.ru

Седых Аркадий Петрович

доктор филол. наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Лингвогастрономические параметры текста представляют собой неисчерпаемый материал для инновационных исследований. Гастрономическая эстетика является неотъемлемой частью национальной культуры, в частности – лингвокультуры. В коллективном сознании носителей национального языка гастрономический аспект текста генерируют лингвоэстетическую картину мира, свойственную каждому языковому сообществу. В статье рассматриваются некоторые аспекты гастрономической коммуникации и соответствующей картины мира с учетом территориальных аспектов лингвогастрономии. Выдвигается рабочая гипотеза о том, лингвогастрономия французского языка обладает высокой степенью активности в современном французском национальном дискурсе и соответственно в языковой картине мира. Намечаются перспективы исследования лингвоэстетики гастрономии и концептуальной картины мира.

Ключевые слова: гастрономическая эстетика, кулинароним, кулинарный дискурс, французский язык, лингвогастрономическая картина мира, территориальный вариант национального языка.

FRANCE TERRITORIAL COOKING NAMES: «PAIN AU CHOCOLAT» AND «CHOCOLATINE»

Burimova Kristina

master student of the department of German and French languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 1129403@bsu.edu.ru

Sedykh Arkadiy

Dr. filol. sciences, professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

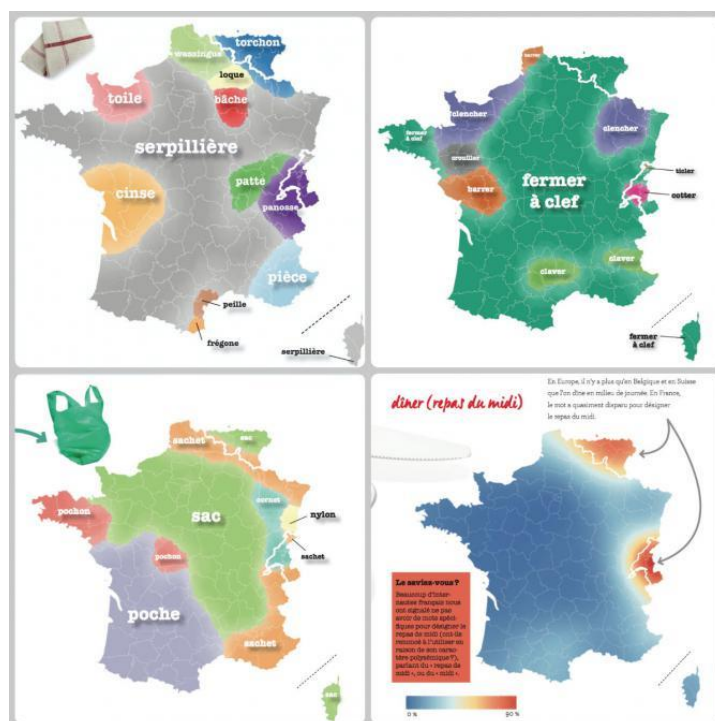
Abstract

The linguistic and gastronomic parameters of the text are inexhaustible material for innovative research. Gastronomic aesthetics is an integral part of national culture, in particular, linguistic culture. In the collective consciousness of the speakers of the national language, the gastronomic aspect of the text generates a linguo-aesthetic picture of the world, characteristic of

each linguistic community. The article discusses some aspects of gastronomic communication and the corresponding picture of the world, taking into account the territorial aspects of linguo-gastronomy. A working hypothesis is put forward that the linguo-gastronomy of the French language has a high degree of activity in modern French national discourse and, accordingly, in the linguistic picture of the world. Prospects for the study of linguo-aesthetics of gastronomy and the conceptual picture of the world are outlined.

Keywords: gastronomic aesthetics, culinary names, culinary discourse, French language, linguo-gastronomic picture of the world, territorial version of the national language.

В последние десятилетия во французской лингвокультуре отмечается тенденция к более бережному отношению к территориальным вариантам национального языка [2]. Это касается и традиционной территориальной дифференциации локальных наименований ряда реалий в частности французской гастрономической экзистенции. Согласно лингвистическим картам общей региональной терминологии Франции существуют следующие территориальные варианты прагматонимов потребительского пространства страны. Приведём некоторые из них:

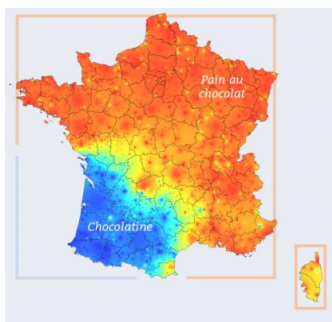

Extraits de *l'Atlas du français de nos régions* de Mathieu Avanzi [https://information.tv5monde.com/culture/pain-au-chocolat-couque-au-chocolat-ou-chocolatine-chacun-son-francais-203330]

Как видим, «территориальные претензии» региональных наименований остаются «непреодоленными» и по сей день.

Рассмотрим специфику семиотического функционирования номинантов «*pain au chocolat*» и «*chocolatine*», которые можно перевести с учётом регионального варианта соответственно «*булочка (слойка) с шоколадом*» и «*шоколатина*». Не представляется возможным сделать точный перевод данного кулинаронима, так как, во-первых, в русской выпечной традиции нет подобного продукта, а во-вторых – рассматриваемые номинанты обозначают идентичный референт, то есть обозначают одно и то же.

Информация этой карты показывает, что слово «*pain au chocolat*» занимает доминантные позиции во французской номинативной системе. Тем не менее, эта «гастрономическая» проблема занимает умы французов не одно столетие [1; 2; 3]. Возможно, это даже больше, чем раскол между левыми и правыми, больше, чем конфликт между *iPhone* и *Android* и даже больше, чем война «кланов» *Coke* и *Pepsi*.

Итак, о чём собственно идёт речь? «*Pain au chocolat*» и «*chocolatine*» – это выпечка из дрожжевого слоеного теста, обычно прямоугольной формы, с начинкой из шоколада. Сама не зная почему, эта маленькая сладость наших пекарен произвела во Франции настоящий раскол, непоправимый перелом. С одной стороны, большинство населения называет её «*pain au chocolat*», с другой, оплот несгибаемых южан называет её «*chocolatine*», также как и жители канадской провинции Квебек.

Как указано выше, большинство населения Франции использует слово «*pain au chocolat*». «*Chocolatine*» зарезервирован для регионов Бордо и Тулуза. В Бельгии более охотно используется слово «*Couque au chocolat*», но также бельгийцам конечно известно о существовании слова известно «*pain au chocolat*», а номинант «*chocolatine*» занимает маргинальные позиции. А вот в Квебеке маргинальный в Европе «*chocolatine*» побеждает в этой борьбе, так как это почти официальный термин по ту сторону Атлантики.

Попробуем разобраться в происхождении терминов, иными словами – какой термин старше.

Мы уже выяснили, что «булочка (слойка) с шоколадом» и «шоколатина» – это выпечка. Этот термин (*pain au chocolat*) начал использоваться в 19 веке во Франции для обозначения выпечки в венском стиле. Действительно, в этот период культурные обмены между Австрией и Францией были довольно сильными: Королевство Франции и Австрийская империя были двумя главными европейскими державами, которые также были связаны союзом (Мария-Антуанетта Австрийская была королевой Франции всего несколькими десятилетиями раньше). Первая «Венская булочная» (*Boulangerie Viennoise*) была открыта во Франции в 1830-х годах на улице Ришелье, 92 (в нынешнем втором округе, недалеко от фондовой биржи), и ею руководил австриец Огюст Цанг. Именно он по-настоящему принесет в Париж моду на венскую выпечку, как свидетельствует историк кулинарии Джим Шевалье в своей книге «*Огюст Цанг и французский круассан: как венская выпечка пришла во Францию*» [5].

Эти венские пирожные в то время готовились из теста для бриошей, и среди них мы находим знаменитый австрийский круассан (*Kipferl*, который станет в дальнейшем круассаном), императорский хлеб (*Kaisersemmel*) и даже круассан с шоколадной начинкой (*Schokoladencroissant*).

Наиболее вероятная гипотеза происхождения названия «*chocolatine*» исходит от австрийского кондитера. Слыша, как Огюст Цанг произносит слово «*Schokoladencroissant*» с австрийским акцентом, французы постепенно трансформировали это слово в «*chocolatine*» (*Schokoladen* – шоколад). Для австрийских пекарей слово «*pain au chocolat*» вызывает в памяти нечто совершенно иное. Речь скорее идёт о номинанте *Schokoladebrot*, который больше похож на шоколадный торт.

Вполне вероятно, что первым термином для обозначения кондитерских изделий с шоколадной начинкой был «*chocolatine*» из-за указанной выше лингвистической

деформации. И это тоже вполне логично, ведь особенность этой выпечки прежде всего в том, что оно шоколадное (оно быстро потеряло форму полумесяца). Что касается термина «*pain au chocolat*», то он появился совсем недавно. По словам Николя Бергера, автора энциклопедии шоколада («Шоколад, слова и жесты»), опубликованной Аленом Дюкассом, слово «*pain au chocolat*» первоначально обозначало хлеб, который был начинен кусочком шоколада и предназначался для школьного полдника [6].

Когда в начале двадцатого века французские кондитеры подхватили и переосмыслили венскую выпечку, в частности, с использованием слоеного теста, некоторые воспользовались этим термином. Постепенно использование исходного слова «*chocolatine*» сохранилось только на юго-западе Франции, вероятно, из-за его морфологической близости к окситанским корням.

Теперь попробуем разобраться, какое слово является адекватным техническим термином. Мы знаем, что сегодня в школах кондитеров употребляют номинант «*pain au chocolat*». Так что, казалось бы, этот термин и является верным и адекватным рассматриваемому продукту. Надо отметить, что в традиционной французской выпечке, начиная с Антуана Карема и его «Элементарного и практического трактата о современной и древней выпечке», все тесто с начинкой называется «маленький хлеб» или «хлеб». Так, Мари-Антуан Карем даже назвал профитроли «булочками», хотя к хлебу это не имеет никакого отношения [4].

Несколько слов о венской слоёнке с шоколадом. Предлагаем посмотреть на состав «шоколадной» Вены. То, что в кондитерских изделиях называют «хлебом» (*pain*), обычно делают из теста для хлеба на молоке или, в лучшем случае, из теста для булочек: например, в случае с хлебом из молока или венским хлебом. Однако для приготовления *pain au chocolat* используется дрожжевое слоеное тесто, более близкое к тому, которое используется в круассанах, волованах¹ или (*croissants, vol-au-vent, les galettes des rois*). Следовательно, по логике мы должны говорить «*pain au chocolat*» для выпечки из теста для молочного хлеба и использовать другой термин для обозначения выпечки из дрожжевого слоеного теста. Это повод вернуться к изначальному термину «*chocolatine*».

Ответим на вопрос: Как используются рассматриваемые термины за границей?

Известно, что во франкоязычной Канаде говорят «*chocolatine*». В немецкоязычных странах чаще используется термин «*Schokoladencroissant*» (шоколадный круассан). В англоязычных странах, особенно в США, Австралии, Новой Зеландии, используют термин «*chocolate croissant*» (шоколадный круассан), особенно в таких крупных брендах, как Starbucks. В Испании местный эквивалент продается под названием «*Napolitanas*», а в Мексике и Латинской Америке, его называют «*chocolatine*». В противном случае почти везде мы находим термин «*pain au chocolat*» по-французски без перевода.

Проблема в том, что с лингвистической точки зрения слово «*pain au chocolat*» не имеет смысла. Это также вводит в заблуждение многих иностранцев. Когда мы переводим термин «*pain au chocolat*» на эти языки, то это больше напоминает торт или хлеб, чем выпечку. Доказательство тому, что фирма Starbucks, например, на своем сайте даже обязана пояснять перевод французского «шоколадного хлеба».

Французы единственные в мире употребляют эту неточную формулировку: именовать хлебом то, что к хлебу не имеет никакого отношения. Это и не молочное тесто, и не хлебное, и даже не пряничное. Так почему же французы продолжают говорить «*pain au chocolat*»? Термин «*chocolatine*» – это уникальный национальный термин, собственный французский оригинальный термин.

Таким образом, изначальный термин «*chocolatine*» более актуален с кулинарной точки зрения, более логичен и к тому же, номинант «*pain au chocolat*» для обозначения кондитерских изделий, не имеет смысла. С лингвистической точки зрения следует говорить «*chocolatine*», но ясно, что никто не будет переучивать больше половины французов, употребляющих первый термин. При этом возникает вопрос о сохранении

---

¹ слоёный пирог с начинкой из мяса, рыбы или грибов

культурного наследия, поскольку французские депутаты в 2018 году предложили включить в Сельскохозяйственный кодекс сохранение региональных обозначений, таких как «*chocolatine*». Вопрос остаётся открытым не только для широко распространённого термина «*pain au chocolat*», но и ряда других территориальных кулинаронимов (*pain au raisin, floron, pomme-cannelle*).

Наконец, говорить на региональном языке – это в некотором роде продолжать исконные национальные языковые традиции. Желание сохранить эти языки в частности локальные кулинаронимы означает желание сохранить их историю. Это подразумевает долг наследия и долг памяти по отношению к своему языку. Французы очень привязаны к своей истории, что выражается в актуальной тенденции и стремлении сохранить региональные языки. Однако, как и сам французский язык, диалекты со временем эволюционировали, особенно именно благодаря непосредственному контакту с французским языком. Например, окситанский язык, на котором говорили 50 лет назад, отличается от того, на котором говорят сегодня. В любом случае будущее покажет, каким образом будет развиваться французский язык в корреляции с региональными языками и диалектами

Литература

1. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.
2. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: БГУ, 1998. 160.
3. Седых А.П., Багана Ж. Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации языковой личности // Вопросы филологии. 2008. № 3 (30). 31-37.
4. Carême A. Le pâtissier royal parisien, Traité élémentaire, pratique de la pâtisserie ancienne et moderne (Éd.1815). Paris: Hachette Livre BNF, 2016. 583.
5. Chevallier J. August Zang and the French Croissant: How Viennoiserie Came to France. Kindle Edition, 2020. 96.
6. Ducasse A. Chocolat, mots et gestes. Paris: Ducasse Edition, 2013. 151

References

1. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2018) *Tekst, kontekst, intertekst: sintez smyslopороzhdениja* // *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki* [Text, context, intertext: synthesis of the generation of meaning // Scientific Result. Theoretical and Applied Linguistics]. Т. 4. № 3, 21-35.
2. Sedykh A.P. *Kontekst. Znak. Obraz* [Context. Sign. Image]. Belgorod: BGU, 1998. 160.
3. Sedykh A.P., Bagana Zh. *Lingvisticheskie osnovy idiojetnicheskoy interpretacii jazykovoj lichnosti* [Linguistic foundations of the idioethnic interpretation of a linguistic personality] // *Questions of Philology*. 2008. No. 3 (30). 31-37.
4. Carême A. *Le pâtissier royal parisien, Traité élémentaire, pratique de la pâtisserie ancienne et moderne* (Éd.1815). Paris: Hachette Livre BNF, 2016. 583.
5. Chevallier J. *August Zang and the French Croissant: How Viennoiserie Came to France*. Kindle Edition, 2020. 96.
6. Ducasse A. *Chocolat, mots et gestes*. Paris: Ducasse Edition, 2013. 151.

УДК 81'72

ОСОБЕННОСТИ ОРФОГРАФИИ ЯЗЫКА ПАЛЕНКЕРО В КОЛУМБИИ

Зуева Ольга Борисовна

старший преподаватель

кафедры иностранных языков и речевой коммуникации

Московский Международный Университет

Москва, Россия / o.zueva@mtu.ru

Аннотация

В статье делается попытка проанализировать особенности орфографии языка Паленкero, одного из сохранившихся на территории Колумбии креольских языков. Язык паленкero сформировался более трехсот лет назад на основе испанского языка, на

котором говорили колонизаторы на территории современной Колумбии, и под влиянием бантуанских языков, родных для рабов, привезенных туда из Африки. Беглые рабы основали первое в Америке свободное поселение с собственным языком. Будучи креольским языком, паленкero стремится к упрощенным структурам, что отражается в том числе и в орфографии. В настоящей статье сделана попытка дать характеристику письменности языка паленкero и сравнить ее с современной испанской орфографией. Как известно, в основе орфографии паленкero лежит испанский алфавит. Бантуанские языки кикондо и кимбундо оказали весомое влияние через фонетику на письменность паленкero в Колумбии. Теоретические выводы данной статьи подкрепляются таблицами, в которых приведены примеры написания одних и тех же слов на испанском языке и на языке паленкero с переводом на русский язык.

Ключевые слова: Паленкero, креольский, Колумбия, орфография, Африка, испанский, банту, киконго.

FEATURES OF THE SPELLING OF THE PALENQUERO LANGUAGE IN COLOMBIA

Zueva Olga Borisovna

Senior lecturer

of the Department of foreign languages

Moscow International University

Moscow, Russia / *o.zueva@mmu.ru*

Abstract

The article attempts to analyze the peculiarities of the orthography of the Palenquero language, one of the Creole languages preserved in Colombia. The Palenquero language was formed more than three hundred years ago on the basis of the Spanish language spoken by colonizers in the territory of modern Colombia, and under the influence of Bantuan languages native to slaves brought there from Africa. Runaway slaves founded the first free settlement in America with their own language. Being a Creole language, Palenquero strives for simplified structures, which is reflected in the spelling, among other things. In this article, an attempt is made to characterize the writing of the Palenquero language and compare it with modern Spanish spelling. As you know, Palenquero's orthography is based on the Spanish alphabet. The Bantuan languages Kikondo and Kimbundo had a significant influence through phonetics on the Palenquero script in Colombia. The theoretical conclusions of this article are supported by tables that provide examples of writing the same words in Spanish and in Palenquero with translation into Russian.

Keywords: Colombia, Creole, Spelling, Africa, Spanish, Bantu, Kikongo.

Паленкero – один из старейших сохранившихся креольских языков на испанской основе, на котором по сей день говорят колумбийцы африканского происхождения, проживающие в небольшом поселении Паленке-де-Сан-Басилио на побережье Карибского моря в департаменте Боливар поблизости от города Картахена-де-Индиас на территории Колумбии. Язык Паленкero, или просто «язык», как говорят о нем жители самого поселения, является высоко структурированным афро-иберийским контактным языком с мощным влиянием языков банту, а именно, киконго и кимбундо, португальского языка и испанской лексики. [Lipski 2012: 21]

В настоящей работе делается попытка проанализировать особенности письменности креольского языка Паленкero в сравнении с современным испанским языком.

Первым к изучению языка и культуры паленкерос обратился известный колумбийский антрополог Акилес Эскаланте Поло, его дело продолжили знаменитые ученые-лингвисты Карлос Патиньо Роселли, Нина Фридман, Херман де Гранада, Хосе Хоакин Монтеc в Колумбии, а также Армин Швеглер, Джон Липски и другие филологи главным образом в США. В России язык паленкero до настоящего момента был мало изучен.

В Колумбию в эпоху колонизации новых земель «Из Африки были привезено 20 миллионов человек, принадлежавших сотням разных этносов» [Roux 1992: 15]. «Большинство из них были родом из центральных областей Конго, Анголы, Мали, Ганы, Гвинеи, Нигерии и других стран Африки. Представители этих территорий продолжали говорить на своих языках и после прибытия в Колумбию, где они расселялись главным образом на побережье Тихого и Атлантического океанов, ... Порт Картахена в Колумбии стал основным портом прибытия для рабов, приплывающих в Новый Свет с африканского континента». [Зуева 2020: 100]

Беглые рабы «маруны» в начале 17го века основали в труднодоступном для европейцев районе Колумбии поселении Сан-Басилио-дель-Паленке. Паленке в переводе с испанского языка означает «забор, частокол, огороженное место, место сбора местных жителей». По словам исследователя Роберто Аграсола, считается первым свободным народом Америки. [Arrázola 1970: 35] задолго до обретения независимости Колумбией и многими другими странами Нового Света.

Маруны и их потомки говорили на собственном языке, отчасти с целью не быть понятыми угнетателями и посторонними, и отчасти с целью сохранить и беречь собственный язык как, в первую очередь, язык религиозных культов, устного народного творчества, фольклора и в целом как язык национальной идентичности, который передавался из поколения в поколение. Но многие годы язык паленкero воспринимался вне границ Паленке-де-Сан-Басилио как «плохой испанский язык», а в середине двадцатого века едва не оказался на грани декреолизации и практически полного исчезновения. Глобализация не способствовала сохранению этого малого языка. Однако в конце 20го века местными активистами была предпринята попытка спасти язык паленкero, которая увенчалась успехом: государство приняло программы по сохранению языка паленкero, на нем официально обучают детей в школах, проводятся католические мессы. Был издан Словарь Паленкero (Cásseres Estrada 2005), Грамматика Палекеро (Simarra Reyes/Triviño Doval 2008) и Глоссарий Паленкero с комментариями (Simarra Obeso et al. 2008). [Lipski, 2016: 26]

В 2005 ЮНЕСКО признало Сан-Басилио-дель-Паленке Нематериальным Культурным Наследием Человечества. Сегодня на языке паленкero говорят 4000 человек. (в 2005 году было 1500 говорящих, согласно Патиньо Роселли). В 2012 году Сан-Басилио-дель-Паленке посетил президент США Барак Обама. Сейчас это поселение с каждым днем привлекает все больше туристов, которые интересуются в первую очередь его культурным наследием, а также языком.

Язык паленкero очень многогранен и представляет большой интерес для исследования. В настоящей работе будет сделана попытка сравнительного анализа орфографии языка паленкero и орфографии современного испанского языка. В основе письменности паленкero лежит испанский алфавит, но в упрощенной форме, и заметно влияние бантуанского субстрата.

Общие черты креольских языков – это упрощенная грамматика, фонетика и доминирование аналитических форм. [Зуева, 2021: 130]

Мы можем утверждать, что в орфографии языка паленкero используется фонетический принцип, согласно которому, слова пишутся так, как они произносятся. Фонетическое написание максимально передает звучание слова, буквой в данном случае обозначается не фонема, а звук, буквы приближены к фонетической транскрипции. Это подтверждают примеры в следующих таблицах.

Согласные испанского алфавита C, H, Ll, Q, V, W, X, Z не используются в письменности паленкero, их заменяют следующие согласные:

На примере данной таблицы можно сделать следующий вывод: орфография языка паленкero максимально отображает фонетику этого языка. Сами паленкero часто повторяют, что пишут, как говорят, и наоборот. Поэтому некоторые буквы испанского

алфавита полностью отсутствуют в алфавите языка паленкero (W, X), а некоторые заменяются на буквы, передающие максимально близко аналогичные звуки.

Испанский язык	Язык паленкero	Испанский язык	Язык паленкero	Русский язык
C: ca, co, cu C: ce, ci	K: ka, ko, ku K: se, si	Cabello Cantar Comprar Corazón Cuchillo Cuerpo Cerrar Cementerio Cimarrón Cintillo	Kabéo Kandá Komblá Kolasó Kuchío Kuéro Selá Simiterio Simaló Sindío	Волосы Петь Покупать Сердце Нож Тело Закрывать Кладбище Марун Лента
H	I J	Historia Hilo Hambre Hembra Hebra	Itória Iú Jambré Jembrá Jebrá	История Нить Голод Самка Волокно
Ll	Ñ	Lllamar Lllamador	Ñamá Ñamaró	Звать Звонок
Q: que, qui	K; ke, ki	Querер Quien	Kelé Kiéne	Любить Кто
V	B	Verdad Vida Vestido	Belá Bilá Bitilo	Правда Жизнь Платье
W	-	-	-	-
X	-	-	-	-
Z	S	Zafra Zamba	Safra Samba	Уборка сахарного тростника Косолапая

Как я любой другой креольский язык, паленкero стремится к упрощению форм, то есть, если звучит одинаково и всем понятно, то вполне возможно написать K вместо Q (Kelé вместо Querer – Любить), использовать только букву B, а не B и V (Bilá вместо Vida – Жизнь) или отменить H (Itória вместо Historia – История).

В орфографии этого языка нашло отображение фонетическое явление сесео (Safra вместо Zafra – Уборка сахарного тростника), отмечается палатализация (Ñamar вместо Lllamar – Звать), аспирация H (Jambré вместо Hambre – Голод).

В приведенной ниже таблице можно увидеть, как на письме в языке паленкero отображаются такие фонетические явления, как ротацизм [d] – [r], лалация [r]-[l], гиперкоррекция [f]-[x], палатализация [n]-[ɲ]:

Испанский язык	Язык Паленкero	Испанский язык	Язык Паленкero	Русский язык
D	R	Doctor De Deuda Día Dios	Rottó Ri Rebrá Ría Ríoso	Доктор Из Долг День Бог
R	L	Rosa Rezar Remedio Rosario Ratón	Losá Lesá Lemerio Losario Lató	Роза Молиться Средство Четки Мышь
F	J	Fue Fumar Fulano	Jué Jumar Julano	Был Курить Некто
N	Ñ	Nieto Nudo Nervio Nido	Ñéto Ñúro Ñébbo Ñíro	Внук Узел Нерв Гнездо

В паленкero существует удвоение согласных Bb, dd, gg, kk, mm, nn, pp, tt в середине слова на письме, в отличие от испанского языка:

Испанский язык	Язык паленкero	Испанский язык	Язык паленкero	Русский язык
lv	bb	Olvidar	Obbirá	Забывать
Ld rd	dd	Caldero Acordar Tarde	Kaddero Akoddá Tadde	Кастрюля Помнить Вечер
lg	gg	Algún	Aggú	Некоторый
Rc rc	kk	Mazorca Mercado	Masokká Mekkao	Кукурузный початок Рынок
lm	mm	Palma	Pamma	Пальма
rn	nn	Pierna Ternero	Piénna Tennéro	Нога Теленок
P	pp	Papaya	Pappajá	Папайя
Lt rt	tt	Cultura Muerto	Kuttura Muétto	Культура Мертвый

Редукция гласных на примере O, E:

Испанский язык	Язык паленкero	Испанский язык	Язык паленкero	Русский язык
O	U	Como Nosotros Rodilla Comer Cocido Coger	Kumo Suto Luria Kumé Kusilo Kujé	Как Мы Колено Кушать Вареный Брать
E	I	Enseñar	Insiñá	Обучать, показывать

Эллипсис согласных D, S, R, N в середине и в конце слова в языке паленкero:

Испанский язык	Язык паленкero	Испанский язык	Язык паленкero	Русский язык
D	-	Todo Lado Cadera Verdad	Tó Láo Kaéra Belá	Все Сторона Бедро Правда
S	-	Vestido Costilla Mismo Después	Bitilo Kotia Memo Repué	Платье Ребро Тот же После
R	-	Puerta Partir Comer	Puéta Patí Kumé	Дверь Делить Кушать
N	-	Chicharrón También Carbón	Chichaló Tambié Kabbó	Шкварка Также Уголь

Для языка паленкero характерно явление преназализации, то есть препозиция буквы N буквам Bb, Dd, Gg, Ss, что характерно для бантуанских языков Киконго и Кимбундо, и подчеркивает их прямую связь с креольским языком паленкero.

Испанский язык	Язык паленкero	Испанский язык	Язык паленкero	Русский язык
B	Mb	Burro Bollo Bolsillo	Mbulo Mboyo Mbosio	Осел Булка Карман
D	Nd	Duro	Ndúlo	Твердый
G	Ng	Gallina	Ngaina	Курица
S	Ns	Cielo	Nsulú	Небо

В ходе проведенного исследования были сделаны выводы о том, что в орфографии языка паленкero используется фонетический принцип, то есть слова пишутся так, как они произносятся. Фонетическое написание максимально передает звучание слова. Как и любой другой креольский язык, паленкero стремится к упрощению фонетики и, как следствие, орфографии. Многие согласные буквы испанского алфавита не используются в паленкero, некоторые заменяются на другие, более «простые». В орфографии отображены такие фонетические явления, как сесео, палатализация, аспирация, лалация, гиперкоррекция, ротацизм, удвоение и эллипсис согласных, а также редукция некоторых гласных. В письменности паленкero отображено фонетическое явление преназализации, характерное для языков киконго и кимбундо, которые легли в основу языка паленкero.

Литература

1. Зуева О.Б. Влияние африканских языков на национальный колумбийский вариант испанского языка. // Лексикография и коммуникация – 2020: Сборник материалов VI Международной конференции. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ». 2020. С. 99-103
2. Зуева О.Б. Язык паленкero в Колумбии: вчера, сегодня, завтра. // Лексикография и коммуникация – 2021: Сборник материалов VII Международной конференции. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ». 2021. С. 129-136
3. Arrázola, Roberto. Palenque, primer pueblo libre de América. Historia de las sublevaciones de los esclavos en Cartagena. Cartagena: Ediciones Hernández, 1970
4. Bickerton, Derek, Escalante, Aquiles. Palenquero: A Spanish Based Creole of Northern Colombia // Lingua, Amsterdam, 1970 – № 24. С. 254-267

5. Castillo Mathieu, Nicolás del. El léxico negro-africano de San Basilio de Palenque. Bogotá: ICC, 1984
6. Castillo Mathieu, Nicolás del. Esclavos negros en Cartagena y sus aportes léxicos. Bogotá: ICC, 1982
7. Cultural space of Palenque de San Basilio, 2008 URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?pg=00011&RL=00102> (дата обращения 29.03.2022).
8. Escalante, Aquiles. Palenques en Colombia. // Revista del CESLA. Varsovia, 2005 – № 7, C. 385-390.
9. Granada, Germán de. Los esclavos en el Chocó. Su procedencia africana (siglo XVIII) y su posible incidencia lingüística en el español del área. // Thesaurus. Bogotá, 1988, tomo XLIII, № 1. C. 73
10. Lipski, John M. The “New” Palenquero: revitalization and re-creolization. // Lingüística Iberoamericana. Madrid, 2012 – № 50. C. 21-33
11. Moñino, Yves. Convergencias lingüísticas iberocongolesas en Palenquero: ¿integrarse a la sociedad mayoritaria o distinguirse de ella? // Language Contact and Language Change in the Caribbean and Beyond/Lenguas en contacto y cambio lingüístico en el Caribe y más allá. Frankfurt, 2007 – C. 37-57.
12. Patiño Roselli, Carlos. El habla en El Palenque de San Basilio // Lengua y sociedad en El Palenque de San Basilio. Bogotá, 1983. C. 85-287.
13. Roux, Gustavo I de. Carta a un viejo luchador negro a propósito de la discriminación. // Documentos de Trabajo. Cali, 1992 – № 09. C. 15.
14. Schwegler, Armin. A Fresh Consensus in the Marking: Plural *ma* and Bare Nouns in Palenquero. // Language Contact and Language Change in the Caribbean and Beyond/Lenguas en contacto y cambio lingüístico en el Caribe y más allá. Frankfurt, 2007 – C. 59-75.
15. Silverman, Daniel. Optional, conditional, and obligatory prenasalization in Bafanji, // Journal of West African Languages. Cambridge, 1995 – T. 25 C. 57–62
16. Valdés Bernal, Sergio. Visión lingüística del Africa al sur del Sahara. La Habana: Editorial de ciencias sociales, 1990

References

1. Zueva O.B. (2020) *Vlijanije afrikhanskih jazykhov na nacional'nyj kholumbijskij variant ispanskogo yazykha* [The influence of African languages on the national Colombian version of Spanish]. // *Leksikografija i kommunikhatzija – 2020*, Belgorod, P. 99-103
2. Zueva O.B. (2021) *Jazykh Palenkerov v Kholumbii: vchera, segodnya, zavtra* [Palenquero language in Colombia: yesterday, today, tomorrow]. // *Leksikografija i kommunikhatzija – 2021*, Belgorod, P. 129-136
3. Arrázola, Roberto. (1970) *Palenque, primer pueblo libre de América. Historia de las sublevaciones de los esclavos en Cartagena* [Palenque, the first free people of America. History of the slave uprisings in Cartagena]. Cartagena: Hernández Editions
4. Bickerton, Derek, Escalante, Aquiles. (1970) Palenquero: A Spanish Based Creole of Northern Colombia // *Lingua*. № 32. P. 254-267
5. Castillo Mathieu, Nicolás del. (1984) *El léxico negro-africano de San Basilio de Palenque* [The Black-African lexicon of San Basilio de Palenque]. Bogotá: ICC
6. Castillo Mathieu, Nicolás del. (1982) *Esclavos negros en Cartagena y sus aportes léxicos* [Black slaves in Cartagena and their lexical contributions]. Bogotá: ICC
7. Cultural space of Palenque de San Basilio, 2008 <https://ich.unesco.org/en/RL/cultural-space-of-palenque-de-san-basilio-00102> (last visited 29.03.2022).
8. Escalante, Aquiles. (2005) *Palenques en Colombia* [Palenques in Colombia]. // *Journal of CESLA*. Warsaw, № 7, P. 385-390.
9. Granada, Germán de. (1988) *Los esclavos en el Chocó. Su procedencia africana (siglo XVIII) y su posible incidencia lingüística en el español del área* [The slaves in el Chocó. Its African

- origin (eighteenth century) and its possible linguistic incidence in the Spanish area] // Thesaurus. Bogotá, volume XLIII, № 1. P. 73
10. Lipski, John M. (2012) The "New" Palenquero: revitalization and re-creolization. // Ibero-American Linguistics. Madrid, № 50. P. 21-33
11. Moñino, Yves. (2007) *Convergencias lingüísticas iberocongolesas en Palenquero: ¿integrarse a la sociedad mayoritaria o distinguirse de ella?* [Iberocongolese linguistic convergences in Palenquero: to integrate into the majority society or to distinguish oneself from it?] // Language Contact and Language Change in the Caribbean and Beyond. Frankfurt, P.37-57
12. Patiño Roselli, Carlos. (1983) *El habla en El Palenque de San Basilio* [The speech in the Palenque de San Basilio]. // Language and society in the Palenque de San Basilio. Bogotá, P. 85-287
13. Roux, Gustavo I. de. (1992) *Carta a un viejo luchador negro a propósito de la discriminación* [Letter to an old black fighter about discrimination]. // Working Papers. Cali, № 09. P.15
14. Schwegler, Armin. (2007) A Fresh Consensus in the Marking: Plural *ma* and Bare Nouns in Palenquero. // Language Contact and Language Change in the Caribbean and Beyond. Frankfurt, P. 59-75
15. Silverman, Daniel (1995) Optional, conditional, and obligatory prenasalization in Bafanji, // Journal of West African Languages. Cambridge, T. 25. P. 57–62
16. Valdés Bernal, Sergio. (1990) *Visión lingüística del África al sur del Sahara* [Linguistic vision of Africa south of the Sahara]. Havana: Social Sciences Editorial.

УДК 81

MODERNE ONLINE-WÖRTERBÜCHER DES DEUTSCHEN JUGENDSLANGS

Kalashnik Alina Sergeevna

Studentin des Lehrstuhls für Deutsch und
Französisch
Belgoroder Staatliche Forschungsuniversität
Belgorod, Russland / al18ka@yandex.ru

Natalya Borisovna Kudryavtseva

Dr. phil., Dozentin
Belgoroder Staatliche Forschungsuniversität
Belgorod, Russland / nkud@bsu.edu.ru

Zusammenfassung

Der Artikel weist auf die Relevanz der Verwendung und des Studiums der deutschen Jugendsprache hin und nennt gedruckte Wörterbücher für Slangismen wie "Jugenddeutsch von A bis Z" von G. Küpper; "Affengeil", "Oberaffengeil", "Voll konkret", "Endgeil" von G. Emann; "Wörterbuch der Szenesprachen", "Das neue Wörterbuch der Szenesprachen" vom Duden Verlag. Darüber hinaus geben wir einen Überblick über die populärsten, in Deutschland entwickelten Online-Wörterbücher der modernen deutschen Jugendsprache, wie "Jugendwort.de", "Sprachnudel. Wörterbuch der Jetztsprache", "Superslang.de", "Mundmische. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Sprichwörtern". Die Studie konzentriert sich auf die Gestaltung und den Inhalt der Internetressource Jugendwort.de und beschreibt deren Aufbau und Funktionsweise. Die Studie konzentriert sich auf das Slangwort des Jahres 2021 und liefert weitere Beispiele für pfiffige und kreative Wörter und Ausdrücke, die in der Jugendsprache am häufigsten vorkommen. Der Beitrag schließt mit einem detaillierten Vergleich von gedruckten und Online-Wörterbüchern der deutschen Jugendsprache und weist auf deren Vor- und Nachteile hin.

Stichworte: Lexikon, Jugendsprache, Online-Wörterbuch, Internet, Slang

Die Sprache des Volkes verändert sich ständig und entwickelt sich weiter, um die zeitgenössische Realität lebendiger und genauer zu vermitteln. Die Sprache wird, wie die Welt, immer breiter und vielfältiger, ebenso wie die Menschen, die sie sprechen. Sie passt sich an alle Altersgruppen, sozialen Situationen, Lebens- und Arbeitsbereiche an. Deshalb hat sie ihr eigenes Vokabular, ihren eigenen Slang und Jargon in einer sich ständig weiterentwickelnden Sprache.

Wörter verändern ihre ursprüngliche Bedeutung, passen sich der Situation an, in der sie verwendet werden, werden charakteristisch für eine bestimmte soziale Gruppe (Beruf, Alter, Klasse).

Neue Wörter in Form von Slang tauchen in allen Lebensbereichen auf, vom Vokabular beispielsweise der Ärzte bis hin zu dem der Programmierer und Gamer. In allen Gesellschaftsschichten haben sich umgangssprachliche Wörter und Redewendungen eingebürgert und sind fester Bestandteil des Sprachgebrauchs der Menschen in allen Sprachen der Welt. Die Umgangssprache ist für die Menschen, die sie verwenden, ein ganz natürliches Attribut. Die neuesten Ausdrücke und Wörter werden in der mobilsten Altersgruppe verwendet, die den Slang übernimmt, beibehält und perfektioniert – den jungen Menschen.

In der Jugendsprache ist der Slang besonders relevant, er ist in der Sprache verwurzelt und wird verwendet, um diese oder jene Information genau zu vermitteln, um neue lebendige und bunte Farben in ihren Wortschatz einzuführen, um Informationen zu kodieren, die zum Beispiel nicht für Eltern oder andere Personen bestimmt sind, die nicht verstehen sollten, was die moderne Generation kommuniziert [Kryuchkova, Narumov, 1991: 52].

Die Wortkunst der modernen Generation interessiert nicht nur einen kleinen Kreis von Wissenschaftlern und Linguisten, und mit jedem Tag wächst ihre Popularität. Einer der wichtigsten Faktoren bei der Untersuchung von Jugendlichen ist die Untersuchung ihres Charakters und ihrer Kommunikationsweise, die Untersuchung ihres Lexikons. Lexikographen in aller Welt befassen sich mit dem zeitgenössischen Wortschatz der jungen Generation und versuchen, die Jugendsprache als sprachliches Phänomen zu beschreiben. Die Dokumentation des zeitgenössischen Jugendwortschatzes in jedem Entwicklungsstadium ist eine wichtige Tatsache, um die Entstehung, Entwicklung und Funktionsweise seines Hauptmassivs zu beobachten [Rossikhina, 2010: 160].

Das 21. Jahrhundert gilt als das Jahrhundert der Technologie, und so sind auch Wörterbücher vom Prozess der Digitalisierung nicht unberührt geblieben. Aufgrund der rasanten Entwicklung des World Wide Web ersetzen Online-Wörterbücher immer mehr Wörterbücher der Jugendsprache auf Papier. Online-Wörterbücher sind eine leichter zugängliche und bequemere Version ihrer gedruckten Pendanten, sie sind immer griffbereit und nehmen keinen Platz in der Tasche weg, und sie sind in der Regel auch billiger. So sind die bekannten gedruckten Wörterbücher "Jugenddeutsch von A bis Z" von G. Küpper [Küpper, 1970]; G. Ehmann ("Affengeil" [Ehmann, 1992], "Oberaffengeil" [Ehmann, 1996], "Voll konkret" [Ehmann, 2001], "Endgeil" [Ehmann, 2005]) ; Die Duden-Verlage "Wörterbuch der Szenesprachen" [Wippermann, 2000] und "Das neue Wörterbuch der Szenesprachen" [Wippermann, 2009] brachten verbesserte Versionen von Online-Slang-Wörterbüchern [Kolomiets, 2005: 326] für die moderne deutschsprachige Jugend heraus, die durch ihre originelle Präsentation des Wortschatzes, Kreativität und Vielfalt des Wortschatzes und die Leichtigkeit des Auffindens des gewünschten Wortes und seiner Bedeutung – einfach in die Suchleiste eingeben und mit der Maus klicken – überzeugen. Beliebte Wörterbücher für Jugendslang im Internet sind "Jugendwort.de" [Langenscheidt. URL: <https://www.langenscheidt.com/jugendwort-des-jahres>], "Sprachnudel. Wörterbuch der Jetztsprache" [Sprachnudel. URL: <http://www.sprachnudel.de>], "Superslang.de" [Superslang. URL: <http://www.superslang.de>], "Mundmische. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Sprichwörtern" [Mundmische. URL: <https://www.mundmische.de>] und andere.

"Jugendwort.de" ist ein Online-Wörterbuch. Es ist der herausragendste Vertreter des zeitgenössischen jugendlichen Internet-Lexikons und bietet mit seiner enormen sprachlichen Basis einen vielschichtigen und einzigartigen Einblick in das Phänomen des Jugendslangs. Das Wörterbuch wurde vom Langenscheidt Verlag entwickelt, der in der deutschsprachigen Gemeinschaft großes Ansehen genießt und mit vielen Jugendpublikationen zusammenarbeitet. Dank dieser Zusammenarbeit wird das Online-Wörterbuch regelmäßig mit neuen Redewendungen und Ausdrücken aktualisiert und kann als aktuell und trendy angesehen werden.

Für viele ist Jugendwort.de eine interessante Online-Ressource, weil dort eine Umfrage zum beliebtesten Jugendwort der Woche/des Monats/des Jahres durchgeführt wird. Das beliebteste Jugendwort des Jahres ist: "cringe", was übrigens auch unter russischsprachigen Jugendlichen sehr beliebt ist und übersetzt "vor Ekel erschauern" bedeutet. Das englische Wort "cringe" wird heute in der deutschen Jugendsprache in einer Vielzahl von Situationen verwendet. Cringe drückt ein Gefühl der Scham für andere aus und kann auch als Adjektiv verwendet werden. Wenn Erwachsene zum Beispiel Jugendslang verwenden, um cool zu wirken, kann die Situation "cringe" oder "cringy" wirken. Das Wort "Cringe" wird jedoch auch verwendet, um Unbehagen zu beschreiben und wird oft benutzt, wenn die Situation peinlich ist. Die Umfrage wurde nicht nur auf der Website des Wörterbuchs durchgeführt, sondern auch auf Websites, mit denen das Wörterbuch zusammenarbeitet, wie z. B. der deutschen Jugendzeitschrift "Bravo" [Bravo. URL: <https://www.bravo.de>] und "Yaez" [Yaez. URL: <http://www.yaez.de>]. Am Ende waren es 1,2 Millionen Sätze. Aus dieser riesigen Zahl von Wortvorschlägen wurden Mitte August 2021 die Top 10 der am häufigsten vorgeschlagenen und beliebtesten Wörter und Ausdrücke aus der Jugendsprache zusammengestellt. Dieses Top enthielt Wörter wie:

- **sheesh**: Der Ausdruck "sheesh" drückt in erster Linie Überraschung aus. Es wird meist vor oder nach einem Satz verwendet, um diesen zu dramatisieren. Der Begriff kann z. B. als Synonym für "Du meine Güte!", "oha" oder "auch wirklich" verwendet werden.

Verwendungsmöglichkeiten im Deutschen:

- Wenn zum Beispiel etwas angenehm Überraschendes passiert und man ausruft: "Das ist dein neues Auto? Sheesh, das ist ja eine geile Karre!"

- Der Ausdruck kann auch in einem negativen Kontext verwendet werden: "Gestern hatte ich fast einen Unfall! Sheesh, das hätte bitter ausgehen können!"

- **wild / wyld**: eine Variante des deutschen und englischen Wortes "wild". Der Ausdruck wird für Situationen verwendet, die besonders, seltsam oder angespannt sind. Neben Überraschung oder Bewunderung kann das Wort auch als Zeichen der Verwirrung verwendet werden, z. B. anstelle von "Wie heftig!"

Verwendungsmöglichkeiten im Deutschen:

- Mit dieser Äußerung kann man zum Beispiel einen bestimmten Moment einer Party beschreiben, in dem etwas Außergewöhnliches passiert ist: "Philipp hat gestern auf der Tanzfläche plötzlich einen Backflip gemacht, das war wyld!"

- In einem negativen Kontext könnte man sagen: "Bei der Fahrprüfung hatte ich fast einen Unfall und bin durchgefallen. Die Prüfung war zu wyld."

- **Digga / Diggah**: Der Ausdruck ist eine Abwandlung des Wortes "Dicker" und wird verwendet, um einen Freund oder Kumpel zu bezeichnen. Das Wort kommt ursprünglich aus der Hamburger Jugend- und Umgangssprache.

Verwendungsmöglichkeiten auf Deutsch:

- Um einen Freund oder Bekannten zu begrüßen: "Ey, Digga, was geht?"

- **sus**: Abkürzung für "suspekt" oder englisch "suspicious" oder "suspect". Diese Redewendung wurde vor allem durch das Online-Spiel "Among Us" bekannt und wird immer dann verwendet, wenn etwas zweifelhaft ist.

Mögliche Verwendungen im Deutschen:

- Person A: "Ein ehemaliger Schulfreund mit dem ich seit Jahren keinen Kontakt habe möchte mir auf Instagram folgen."

Person B: "Hört sich lowkey sus an, wenn du mich fragst."

- Person A: "Mein Tinder-Match möchte fürs erste Date eine Nachtwanderung machen."

Person B: "Yikes, das ist doch sus af."

- **Cringe**: ist ein Ausdruck, der aus dem Englischen ins Deutsche kommt und mit "zusammenzucken" oder "erschauern" übersetzt werden kann. Sie soll Gefühle der Scham über andere ausdrücken.

Verwendungsmöglichkeiten auf Deutsch:

- Wenn zum Beispiel ein Erwachsener ganz offensichtlich versucht, "cool" zu sein, indem er absichtlich Teenagerslang verwendet, kann dies von Jugendlichen als "cringe" empfunden werden.

- **akkurat:** Das Wort "akkurat" wird in der Jugendsprache als Zeichen der Zustimmung verwendet. In der Alltagssprache wird das Wort seit langem verwendet und ist ein gängiger Begriff für Genauigkeit und Zustimmung.

Verwendungsmöglichkeiten auf Deutsch:

- Akkurat als es fünf Uhr war, klingelte es an der Tür.
- Seine Mutter sieht akkurat wie seine Geliebte aus. Aber nicht nur äußerlich gleichen sie sich, auch ihr Charakter ist in vielen Dingen nahezu identisch.

- **same:** Auch dieser Begriff ist ein Ausdruck der Zustimmung. Sie dient hauptsächlich dazu, Ihrem Gesprächspartner zu zeigen, dass Sie seinen Standpunkt teilen.

Mögliche Verwendungen im Deutschen:

- Wenn Sie feststellen, dass Sie dasselbe fühlen oder denken wie jemand anderes, können Sie auf die Aussage Ihres Gesprächspartners einfach "same" antworten. Der Ausdruck ist jedoch umgangssprachlich und eignet sich eher für lockere Gespräche.

- **papatastisch:** Der Begriff wird als Synonym für Wörter wie "schön" oder "fantastisch" verwendet. In die deutsche Jugendsprache kam das Wort dank der Community von Papaplatte, einem deutschsprachigen Youtuber und Streamer auf Twitch.

Verwendungsmöglichkeiten auf Deutsch:

- In der Familienkommunikation bedeutet "papatastisch", dass Papa toll ist oder dass das, was Papa macht, toll ist. Als Variante zur Beschreibung der Mutter und ihrer Handlungen kann auch "mamatastisch" verwendet werden.

- **Geringverdiener:** Das Wort "Geringverdiener" ist eine scherzhafte Bezeichnung für Verlierer. Der Begriff ist angelehnt an das Mem mit dem Ausdruck "Aus dem Weg, Geringverdiener! Aufgrund des stark abwertenden Charakters des Wortes wird der Ausdruck als beleidigend angesehen.

- **Mittwoch:** ist ein inoffizieller oder satirischer Feiertag auf einigen Plattformen in der Meme- und Netzkultur, mit dem die Trivialität des dritten Tages der Woche gefeiert wird. Es gibt keinen wirklichen Grund, diesen besonderen Wochentag zu feiern, der sich weder auf den Anfang noch auf das Ende der Woche bezieht, weshalb er wie so vieles andere in der Meme-Kultur gefeiert wird.

Verwendungsmöglichkeiten auf Deutsch:

- Das Wort "Mittwoch" ist in der Online-Kultur viel verbreiteter als in der Offline-Welt, denn im Internet, vor allem auf Online-Plattformen wie Reddit oder 9Gag, gilt der Mittwoch als Feiertag und wird dementsprechend gefeiert, mit Bildunterschriften wie "Es ist Mittwoch, meine Kerle!", Bildern oder Videos von Kröten, die von den Nutzern hochgeladen werden. Auf einigen Plattformen ist es daher schon seit einigen Jahren Tradition, dass man mittwochs mehr Bilder und Videos von Fröschen sieht.

Die Abstimmung über die Top 3 der beliebtesten Slangwörter begann als nächstes und dauerte bis zum 13. September 2021. Am 20. September wurden die drei Gewinner ermittelt, zu denen die Wörter "sheesh", "sus" und "cringe" gehörten. Anschließend wurde erneut eine Abstimmung angekündigt, die jedoch bis zum 18. Oktober andauerte, um das Gewinnerwort zu ermitteln. So wurde am 25. Oktober 2021, nach viermonatiger Abstimmung, "cringe" zum Slangwort des Jahres 2021.

Zusammenfassend lässt sich sagen, dass die oben erwähnten Online-Wörterbücher nicht die einzigen im Internet sind und jedes von ihnen seine eigenen Vor- und Nachteile hat. Die unbestreitbaren Vorteile von Online-Wörterbüchern sind die hellen und kreativ gestalteten Seiten, die mit ihrem originellen Look and Feel den Strom der Nutzer anziehen. Die Kürze des Designs macht Online-Wörterbücher auch für jedermann intuitiv und erleichtert den nahtlosen Übergang von einer Rubrik zur nächsten. Ein weiteres Vorteil des Online-Wörterbuchs ist, dass jeder zu seinem Wortschatz beitragen und eine kleine Spur im Internet hinterlassen kann, denn

jeder kann ein Wort vorschlagen, ein Beispiel für seine Verwendung geben oder einen Kommentar hinterlassen, der die Tragweite eines bestimmten Slangworts oder Ausdrucks aufzeigt. Ein weiterer Vorteil des Online-Wörterbuchs ist die schnelle Suche nach dem gewünschten Wort und seiner Bedeutung: Geben Sie einfach das gewünschte Wort in das Suchfeld ein und "klicken" Sie auf "Suchen". Ein weiterer Pluspunkt ist die ständige Aktualisierbarkeit der Wörterbücher, in denen immer wieder aktuelle Jugendwörter und -sätze auftauchen.

Ein offensichtlicher Nachteil dieser Webressourcen, der für viele gedruckte Lexika der Jugendsprache typisch ist, ist das Fehlen von Transkriptionen (auch für Lehnwörter) und in den meisten Fällen von grammatikalischen Informationen, insbesondere von Angaben zum Geschlecht und zu Pluralformen von Substantiven, was manchmal gewisse Schwierigkeiten bereitet. Ein weiterer klarer Nachteil ist, dass diese Online-Vokabulare nur genutzt werden können, wenn eine Internetverbindung vorhanden ist, was selbst im Zeitalter der Hochtechnologie leider nicht immer machbar ist. Daher ist es ratsam, sowohl traditionelle (gedruckte) Publikationen als auch moderne Online-Lexika der deutschen Jugendsprache zu verwenden, die sich gegenseitig ergänzen.

Literaturverzeichnis

1. Kolomiets E.A. Russisch-Deutsches Wörterbuch des Jugendjargons: ca. 2000 Wörter und Ausdrücke. – Moskau: AST: Vostok-West, 2005. – 326 c.
2. Kryuchkova T.B., Narumov B.P. Ausländische Soziolinguistik: Deutschland, Spanien. – Moskau: Nauka, 1991. – C. 50-55.
3. Rossikhina M. Reflexion des Jugendslangs in der russischen und deutschen Lexikographie des XIX-XXI Jahrhunderts. Monographie. – Brjansk: "Kursiv", 2010. – 186 c.
4. Rossikhina M.Y. Deutsch-Russisches Wörterbuch des modernen Jugendjargons / Hrsg. von V.D. Bondaletov. – Brjansk: Kursiv, 2011. – 184 c.
5. Ehmann H. Affengeil. Ein Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 1992. – 156 S.
6. Ehmann H. Oberaffengeil. Neues Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 1996. – 158 S.
7. Ehmann H. Voll konkret. Das neueste Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 2001. – 160 S.
8. Ehmann H. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 2005. – 180 S.
9. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bd. VI. Jugenddeutsch von A bis Z. – Düsseldorf – Hamburg: Claassen Verlag, 1970. – 438 S.
10. Wippermann P. (Hg.) Wörterbuch der Szenesprachen. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2000. – 221 S.
11. Wippermann P. (Hg.) Das neue Wörterbuch der Szenesprachen. Mannheim-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2009. – 207 S.
12. Notiz eines Studenten [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: <http://student.zoomru.ru/ino/osobnostimolodjozhnogo-zhargona-v-germanii/7747.75350.s1.html>
13. Bravo [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: <http://www.bravo.de/>
14. Jugendwort.de [Elektronische Ressource]. – Art des Zugangs: <http://www.jugendwort.de/>
15. Mundmische. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Sprichwörtern [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: <http://www.mundmische.de/>.
16. Sprachnudel. Wörterbuch der Jetztsprache [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: <http://www.sprachnudel.de/>.
17. Superslang.de [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: <http://superslang.de/>.
18. Yaez [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: <http://www.yaez.de/>

Reference

1. Kolomiets E.A. Russian-German dictionary of youth jargon: about 2000 words and expressions. – Moscow: AST: Vostok-West, 2005. – 326 c.

2. Kryuchkova T.B., Narumov B.P. Foreign sociolinguistics: Germany, Spain. – Moscow: Nauka, 1991. – С. 50-55.
3. Rossikhina M. Reflection of youth slang in Russian and German lexicography of the XIX-XXI centuries. Monograph. – Bryansk: "Kursiv", 2010. – 186 с.
4. Rossikhina M.Y. German-Russian dictionary of modern youth jargon / edited by V.D. Bondaletov. – Bryansk: Kursiv, 2011. – 184 с.
5. Ehmann H. Affengeil. A lexicon of youth language. – Munich: Beck, 1992. – 156 p.
6. Ehmann H. Oberaffengeil. New lexicon of youth language. – Munich: Beck, 1996. – 158 p.
7. Ehmann H. Voll konkret. The latest lexicon of youth language. – Munich: Beck, 2001. – 160 p.
8. Ehmann H. Endgeil. The fully correct lexicon of youth language. – Munich: Beck, 2005. – 180 p.
9. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Vol. VI. Youth German from A to Z. – Düsseldorf – Hamburg: Claassen Verlag, 1970 – 438 p.
10. Wippermann P. (ed.) Wörterbuch der Szenesprachen. Mannheim-Leipzig-Vienna-Zurich: Dudenverlag, 2000. – 221 p.
11. Wippermann P. (ed.) The new dictionary of scene languages. Mannheim-Vienna-Zurich: Dudenverlag, 2009. – 207 p.
12. Note from a student [Electronic resource]. – Accessed at: <http://student.zoomru.ru/ino/osobennostimolodjzohnogo-zhargona-v-germanii/7747.75350.s1.html>
13. Bravo [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.bravo.de/>
14. Youthword.com [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.jugendwort.de/>
15. Mouth mish. Dictionary of German slang and fun proverbs [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.mundmische.de/>.
16. Language noodle. Dictionary of Jetztsprache [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.sprachnudel.de/>.
17. Superslang.de [Electronic resource]. – Access mode: <http://superslang.de/>.
18. Yaez [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.yaez.de/>.

УДК 81'72

ФРАНЦУЗСКИЕ ФАМИЛИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Костева Дарья Алексеевна

студентка кафедры немецкого и французского языков
факультет иностранных языков педагогического института
НИУ «БелГУ»

Белгород, Россия / kostewa.dasha@yandex.ru

Аннотация

С появлением любой общности людей антропонимы играют особую роль среди различных видов имен собственных и служат для индивидуального обязательного обозначения каждого члена коллектива. Необходимость четко обозначить и выделить огромное число индивидов при ограниченном количестве имен, приводит к образованию целой системы личных именований, включающей в себя все виды и формы антропонимов в соответствии с уровнем общественного менталитета данного этноса на данном этапе его развития. Фамилии являются важной составляющей как истории отдельной семьи, так и культуры народа. Они несут в себе историю своего появления. Многие современные французские фамилии имеют латинские корни. В статье рассматриваются различные аспекты происхождения французских фамилий.

Ключевые слова: антропонимика, ономастика, происхождение, прозвища, фамилии, латинский язык.

FRENCH SURNAMES: LINGUO-CULTURAL ASPECT

Kosteva Daria Alekseevna

Faculty of Foreign Languages

Belgorod State University

Belgorod, Russian Federation / kostewa.dasha@yandex.ru

Abstract

With the advent of any community of people, anthroponyms play a special role among the various types of proper names and serve for the individual mandatory designation of each member of the team. The need to clearly identify and identify a huge number of individuals with a limited number of names leads to the formation of a whole system of personal naming, which includes all types and forms of anthroponyms in accordance with the level of social mentality of a given ethnic group at a given stage of its development. Surnames are an important component of both the history of an individual family and the culture of the people. They carry the history of their appearance. Many modern French surnames have Latin roots. The article discusses various aspects of the origin of French surnames.

Key words: anthroponymy, onomastics, origin, nicknames, surnames, latin language.

Каждый человек должен знать историю своего происхождения, историю своего рода и фамилии. В прошлом люди относились к этому с особым трепетом. Важно было гордо нести фамилию рода и прославлять её. В настоящее время эта тенденция не утрачивает свою значимость, возрастает необходимость получения знаний о своих корнях. Люди, незнающие историю своей семьи – не уделяют внимание изучению истории своего народа. А люди, утратившие знания о своём народе и истории, к сожалению, не имеют будущего.

Многие отечественные и зарубежные учёные рассматривали проблемы функционирования антропонимов в своих исследованиях [Седых 2011]. Термин «антропоним» имеет следующее значение: «это имя собственное, обозначающее вторые и последующие имена, отчества, патронимы, фамилии, вторые фамилии, клички, прозвища, а также уличные фамилии».

Исследования в области антропонимики и ономастики доказывают неоднородность групп онимов. Учёные выделяют различные особенности реализации и идентификации функций имён собственных. Так, в работе, посвящённой теоретическим основам ономастики, А. Гардинер высказывает мнение о том, что имена собственные необходимо разделять на воплощённые и развоплощённые. Согласно этой теории, воплощённые имена – это имена, принадлежащие конкретным объектам, а развоплощённые отражают те же имена, но несвязанные с денотатом [Gardiner 1954].

М.А. Кронгауз рассматривал имена собственные воплощённые и развоплощённые более детально. Описывая имена воплощённые, он утверждал, что «такие имена неразрывно связаны с определённым объектом, и точно описывают как сам объект, так и его свойства. В то время как невоплощённые имена – «это имена, которые абстрактно относятся к объекту, лишь называют его, они условны» [Кронгауз 1987]. Таким образом, имя может выступать и как воплощённое, и как развоплощённое, в одном случае может конкретизировать человека, а в другом просто называть его: «Cet ouvrier Michel » et « Le nom Michel était courant au siècle dernier ».

Большинство имён, используемых в настоящее время в западном мире происходят из пяти языков: еврейского, германского, греческого, латинского и кельтского. Ссылаясь на эти языки можно классифицировать имена по отдельным категориям. Так иврит создал библейские имена, которые носит около половины англоязычного населения. В числе этих имён самые распространённые Mary (Marie), John (Jean).

Германские языки дали нам имена, которые связаны с характеристиками воина. Так имя Charles имело значение "свободный человек". Латинский, греческий и кельтские языки создали имена, которые демонстрируют физические характеристики и абстрактные

качества. Например, греческое имя Андрей (André) означает «мужественный», а греческое имя Доротея (Dorothee) означает «дар Божий». На латыни Виктор (Victor) означает «победа в бою», а Лаура (Laura) значит «лавр». Имена кельтского происхождения достаточно поэтичны. Так Морган (Morgane) «житель моря».

Существуют имена, которые произошли от титулов. Так Эсквайер (Esquire)-титул рыцаря. В древности использовался после имени и указывал на то, что человек был уважаемым, на ступень ниже рыцаря. Или такой титул как Gentleman был ещё на ступень ниже рыцаря. А такие варианты имени как Senior et Junior означали титулы «хороший человек» или «хорошая жена». Применялись такие варианты чаще к домовладельцу.

Процесс образования французских фамилий зарождается в галльский период. В результате большого количества исследований данного языкового материала, были выявлены его общие характерные черты. Отчасти они могут быть объяснены их общей латинской этимологией. Многие французские имена и фамилии заимствовались из латыни. Так, в III-I веках из латинского языка в французский пришли имена August, Romulus, Victor. С возникновением христианства в французской культуре стали всё чаще использоваться такие имена как Philippe, David, Jean, Antione, Daniel.

Одной из функций имени является юридическая функция – идентифицировать человека в обществе. В разных народах существуют свои определённые этнические и культурные традиции выбора имени. В антропонимах некоторых народов существует устоявшаяся закономерность перехода от одноимённой антропонимической системы к многоимённой. Основу каждого национального фонда антропонимики составляют имена родного языка, а также вошедшие и укоренившиеся в этноязыковом сознании имена на всех языковых уровнях. Структура надления имени является официально утверждённой. Обращаясь ко многим народам мира можно заметить наличие двухкомпонентного онима: имя и фамилия. У некоторых народов Африки и Азии встречалась древняя трёхкомпонентная антропонимия. Такая схема включала в себя имя, отчество и дедичество.

Германцы и галлы, которые со временем заселили территорию Франции, носили только одно имя. У римлян имя идентифицировалось по трём составляющим: имя, прозвище, фамилия. С появлением во французском королевстве христианства стали появляться новые имена. Это были имена христианских святых, которые люди получали при крещении. При употреблении таких имён возникали свои трудности: имена очень часто повторялись. Поэтому возникла необходимость дополнительного именованья для конкретизации человека. Так стали появляться прозвища, основу которых составляло описание каких-либо особенностей человека. Именно прозвища и стали нынешними фамилиями.

Некоторые имена сохранили своё христианское происхождение: Pierre, Luc, Paul, Marie. Самая распространённая фамилия во Франции была Martin. Большая часть фамилий происходит от прозвищ, которые основаны на физических и моральных особенностях предка-основателя фамилии: Legros, Petit, Lebon. Другой характеристикой по которой давались фамилии была принадлежность к определённой профессии: Lemarchand (le marchand – торговец); Tisserand (le tisserand – ткач); Menier (le menier – мельник). Происхождение имени может напоминать о месте где жил предок: Lenormand (normand – нормандец); Lebreton (Breton – бретонец). Эти и многие другие фамилии видоизменялись, образуя новые варианты. В результате трансформации одна и та же фамилия на различных региональных языках звучала по-разному.

Происхождение гасконцев вызывает и до сих пор вызывает споры среди ученых. Есть мнение, что гасконцы – настоящие иберийцы, населявших прежде равнину вплоть до Гаронны. Заселяя вершины Пиренеев или испанские склоны, изолированные от других народов, они всегда сохраняли как чистоту своей расы, так и свою независимость. [Рылов 2006].

Гасконское происхождение можно найти в отчестве Lacaze. В центре сельского хозяйства она становится фермой и дает начало фамилии Laborde (второе по распространенности имя в Атлантических Пиренеях), уменьшительному имени Labourdette (маленькая ферма). Дом также может быть важным или даже благородным

особняком в окситанском Lassalle, Salles, баскском Sallabertry. Наконец, можно наблюдать проживание людей с фамилией Loustaunau вблизи общежития (l'auberge neuve) или больницы (hôpital – Ospital, Dospital).

С древнейших времен человек применял методы разграничения своей территории. Отсюда и широкое распространение имен Лафит, Лафит, Лахит, которые на окситанском языке обозначают границы (Латинская фикта = посаженный камень), в то время как Ламарк упоминает границу, границу. Этот человек также рыл рвы, часто для защиты своей укрепленной деревни (Барат и его уменьшительное сокращение Барадат). Его пастырская деятельность привела к тому, что он построил приюты в горах (хижины). Его религиозный пыл заставил его посадить кресты (гасконец Лакру, баскский Курутше, эти два имени также могут вызывать перекресток).

Германские вторжения, обрушившиеся на Галлию в 4-м и 5-м веках, вызвали повальное увлечение франкскими именами. Система германских наименований в значительной степени состоит из имен, состоящих из лестных наименований: Hrod-bert, «великолепно блестящий», переходящее к имени Robert, или Berin-hardt, «сильный медведь», который становится Bernard. В IX веке почти вся северная Франция получила названия германского происхождения [Dauzat 1950].

Сегодня такие имена, как Richard – Ричард, «который правит сильным», Robert – Роберт, «блестящая ворона» или Бернар, обогнали такие имена, как Дюпон, среди самых распространенных французских фамилий.

Происхождение имени Dupont на самом деле происходит от мостов, чтобы обозначить, кто жил рядом с мостом, кто двигался рядом с мостом или, кто отвечал за сбор платы за проезд, установленный лордом. Многие французские фамилии имеют топонимы, такие как Dubois, Dumont, Laval ou Duval (vivant dans le val- (живущий в долине), Dufour (vivant près d'un four – живущий возле печи), Dumas (vivant près d'un mas – живущий возле хутора), Dupuis, Durieu ou Duru (près d'un ruisseau – у ручья), Dupin или даже Duchêne, для обозначения дерева, характеризующего дом или его окрестности, Dumarais (marais – болото), Duchamp (champ – поле), Dubourg (bourg – поселение, местечко), Dupré (gré – луг) и т. д.

Со временем в различных народах закрепилось официальное употребление фамилии. Её развитие было обусловлено социальными, а также экономическими изменениями в обществе. Важными функциями фамилии, как одного из видов антропонимов, являются определяющая, объединяющая и идентифицирующая. Благодаря этим функциям фамилия помогает объединять членов одной семьи или рода, различать членов одной социальной группы от другой, а также идентифицировать человека в обществе. Фамилия связана с именем или прозвищем. Являясь одной из составляющих этих понятий, она имеет право перехода к последующим поколениям.

С развитием общества всё чаще с именами стали использовать клички и прозвища, которые отражали специфические характеристики человека, род его занятий, территорию его владений. Для определения родства человека как во многих языках, так и в частности во французском, использовались суффиксы. Так суффикс – enos говорил о принадлежности к галлам (Toutissienos – fils de Toutissa), в то время как суффикс – escu относился к романским языкам (Basilescu – fils de Basile).

На протяжении многих столетий французы различали фамилии по слуховому значению. И лишь в 1539 году появились приходские книги, которые официально фиксировали фамилии. Имена и фамилии запрещено было менять. Человек являлся «владельцем» своей фамилии. Были созданы специальные реестры, которые фиксировали все акты крещения и смерти. В этих документах было разрешено исправлять написание фамилий, разумеется при согласии человека. Однако раньше это было строго запрещено. При Генрихе II был создан указ, в котором говорилось о том, что имя и оружие менять нельзя. В противном случае на людей налагали штраф и лишали титулов и привилегий. Позже подобный документ подписал и Людовик XIII.

В речевом контексте для определения рода у французских имён и фамилий возникают трудности на системно-языковом уровне. В некоторых случаях для того, чтобы определить откуда произошла фамилия нужно посмотреть на орфографию слова. Так люди с фамилией *Bouchez* в разных регионах Франции могут наблюдать ее модификацию: *Boucher, Bouché, Bouchet*.

Фиксирование фамилий в официальных документах нередко приносило свои тонкости. Каждый священник по-разному писал имена собственные. Случались нередкие ошибки при переписи фамилий, а также при расшифровке подчёрка. В таких обстоятельствах у фамилии был риск измениться. И люди одной родственной цепи документально могли стать людьми от разных предков.

Существует зафиксированный факт допущения грубой ошибки при написании фамилии. Такой случай произошёл с французским лингвистом *Albert Dauzat*. Во время регистрации акта рождения ребёнка отец дал ему фамилию *Zoé* и произнёс отчётливо буквы *Z, O, E*. Регистратор так и записал фамилию: *Zoézédoé*. После долгих лет борьбы правописание было восстановлено.

Фамилии могут трансформироваться не только орфографически, но и фонетически. В этом случае стоит обратить внимание на частицы. При рассмотрении фамилий *Delacroix, de la Croix, Lacroix, Croix* можно заметить переход или вовсе исчезновение частицы *le*.

По мнению А.В. Суперанской: «Ономастическая система непрерывно изменяется и преобразуется. Особенно это заметно при смене этнического и языкового состава населения определённой территории. Этот процесс может происходить как при смене политических влияний, так и идеологий» [Суперанская 1973].

Таким образом, процесс преобразования ономастики будет развиваться и дальше. Будут появляться новые слова, новые значения, может быть и титулы. Всё это в будущем может привести к тому, что от этих слов образуются новые фамилии. Они будут отражать именно наше время, характеризуя различные черты современного нам общества.

Литература

1. Кронгауз М. А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987. С. 118–135.
2. Мишкевич М. В. Этимологические типы французских антропонимов // Актуальные вопросы языкознания и интенсификации преподавания иностранных языков. Минск, 1993. 76–85.
2. Рылов, Ю. А. Из истории становления антропонимических систем // Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика: курс лекций по межкультурной коммуникации. 2006. 58-69.
3. Седых А.П. О персонификации французской культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 154-156.
4. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. 74-76.
5. Dauzat A. Les noms de personnes. Origine et évolution. Prénoms – Noms de famille – Surnoms – Pseudonymes. Paris, 1950. 81 – 85.
6. Gardiner A. The theory of proper names: A controversial essay. – London: Oxford univ. press, 1954. 94 – 96.

References

1. Krongauz M. A. Nom propre « incarné » et « non incarné » : quelques aspects de référence // Méthodes expérimentales en psycholinguistique. Moscou, 1987, p. 118–135.
2. Mishkevich M. V. Types étymologiques des anthroponymes français // Questions d'actualité linguistique et intensification de l'enseignement des langues étrangères. Minsk, 1993. 76–85.
2. Rylov, Yu. A. De l'histoire de la formation des systèmes anthroponymiques // Noms propres dans les langues européennes. Romance et anthroponymie russe: un cours de conférences sur la communication interculturelle. 2006. 58-69.

3. Sedykh A.P. (2011) *O personosfere francuzskoj kul'tury // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [On the personosphere of French culture // Philological sciences. Questions of theory and practice] № 2 (9). 154-156.
4. Superanskaya, A.V. *Théorie générale du nom propre*. – M., 1973. 74-76.
5. Dauzat A. *Les noms de personnes. Origine et évolution. Prenoms – Noms de famille – Surnoms – Pseudonymes*. Paris, 1950. 81 – 85.
6. Gardiner A. *La théorie des noms propres : un essai controversé*. – Londres : Université d'Oxford. presse, 1954. 94 – 96.

УДК 81'72

ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЙ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

Котенева Инна Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
Белгород, Россия / koteneva@bsu.edu.ru

Кривчикова, Нэля Леонидовна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
Белгород, Россия / krivchikova@bsu.edu.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются такие устойчивые фразеологические единицы, как поговорки, в состав которых входят преимущественно пословицы и поговорки. Будучи живыми и яркими единицами, которые активно используются в речи любого языка, они хранят в себе накопленный за историю человечества опыт, знания и представления о менталитете и культуре разных народов.

Ключевые слова: пословица, поговорка, фразеологизмы, культура, народ.

PECULIARITIES OF FRENCH AND RUSSIAN PROVERBS IN THE LANGUAGE SYSTEM

Koteneva Inna Anatolievna
Associate Professor, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / koteneva@bsu.edu.ru

Krivchikova Nelya Leonidovna
Associate Professor, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / krivchikova@bsu.edu.ru

Abstract

This article considers such stable phraseological units as proverbs, which mainly include proverbs and sayings. Being lively and vibrant units that are actively used in the speech of any language, they store the experience, knowledge and ideas about the mentality and culture of different peoples accumulated over the history of mankind.

Key words: proverb, saying, phraseological units, culture, people.

Общеизвестно, что язык – это одно из главных средств человеческого общения, с помощью которого мы можем передавать наши мысли и чувства. Вместе с тем язык можно назвать хранителем национальной культуры народов, так как единицы языка способны фиксировать содержание, восходящее к образу жизни людей являющимися его носителями.

Национально-культурная семантика языка, под которой подразумевается языковое содержание, отражающее опыт, менталитет, накопленные знания в области экономики, политики, литературы, науки, фольклора, а также передающие их из поколения в поколение, очень важна в любом языке, в частности во французском и русском. Владение и использование в речи фразеологических единиц помогает не только украсить

и разнообразить речь, но и лучше воспринимать культуру и менталитет других стран. В связи с большим количеством заимствований фразеологизмов в родном языке повышается эффективность обучения и усвоения лексики, грамматических форм, а также в целом происходит обогащение всего спектра окружающей жизни стран изучаемого языка [Седых, Марабини 2021].

В настоящее время передача информации осуществляется в виде письменных источников, аудионосителей, электронных вариантов. Однако еще в древности, до появления письменности, люди преимущественно делились опытом, используя собственный язык. Таким образом сформировались послания предков, которые дошли до нас в виде сказаний, песен, обрядов. Самыми информативными и используемыми по сей день являются пословицы и поговорки, имеющие глубокий смысл и несущие самобытность, мудрость и многовековой опыт. Они учат нас нравственности, духовности, умению отличать добро от зла, воспринимать с уважением отличные религиозные, эстетические взгляды, передавая тем самым особенности социальной жизни.

Всем известно, что для людей разных культур характерны разные ценности. Таким образом, выявление культурных ценностей с помощью языка пословиц помогает нам понимать культурные различия, следовательно, воспринимать и интерпретировать речь других народов.

Вне зависимости от жилья, уровня жизни и образования каждый человек в среднем использует около 200 пословиц в течение всей своей жизни, что происходит благодаря закреплению вышеперечисленных фразеологических единиц в языке народов.

Наряду со схожестью между этими двумя жанрами фольклора в краткости, художественной выразительности, яркости и образности суждений существуют и различия.

Так, В.А. Жуков считает, что поговорку от пословицы отличает более яркая цель в выражении чувств говорящего [Жуков 1991]. Поговорки – это, чаще всего, широко распространенные выражения, которые характеризуют жизненные явления. В них нет определенного вывода, они не закончены. Пословицы же имеют законченную грамматическую структуру с подлежащим и сказуемым, иначе говоря, это краткие суждения, несущие смысл и отражающие характер народа, некие народные афоризмы.

В качестве примеров поговорок приведем следующие:

«Лучше поздно, чем никогда» – «*Mieux vaut tard que jamais*»;

«Когда рак на горе свистнет» – «*Quand les poules auront des dents*» [Аникин 1988, 176].

Приведем примеры пословиц:

«Тому лгать легко, кто был далеко» – «*À beau mentir qui vient de loin*»;

«На всякий горшок найдется своя крышка» – «*A chaque pot son couvercle*»;

«Au besoin on connaît l'ami» – «Друг познается в беде» [Tougan-Baranovskaia 1980, 17].

Так, по форме пословицы представляют собой законченное и устойчивое предложение, чаще всего распространенное: «*Le temps perdu ne se rattrape jamais*» – «Потерянное время не воротит», реже встречаются сложносочиненные («*L'amour fait passer le temps, et le temps fait passer*» – «Любовь проходит со временем, и время уходит») и сложноподчиненные («*Je prends mon bien où je le trouve*» – «Хорошей мыслью не грешно воспользоваться»).

Однако перевод представляется достаточно трудным, так как важно отразить специфику и смысл выражения, найдя аналог и сохранив семантическую структуру.

Наиболее характерной особенностью пословицы или поговорки является не их формальное лингвистическое выражение, а именно содержательная форма высказывания. Как известно, пословица или поговорка отличается особым способом произнесения, характеризующимся краткостью и лаконичностью. Само высказывание, взятое за чистую монету, представляет собой образец, который может быть успешно использован для других высказываний. Так, особенность использования пословицы заключается в том, что фактическая формулировка становится шаблоном, который не нуждается в новой

формулировке для расширения значения, являющимся контекстным. Другими словами, пословица предполагает одновременное применение двух значений: номинального или первичного значения и расширенного значения, извлеченного из контекста, но ограниченного номинальным значением. Можно сказать, сама пословица становится сосудом, в который вливается новое содержание. Фактическая формулировка пословицы, ее первичный смысл сужает поле возможных расширений значения, то есть заполнения формы. Вот почему мы можем рассматривать пословицу как образец мысли. Так происходит во всех остальных случаях на любом другом уровне лингвистических исследований. Абстрактные формулы предлагают более широкий спектр возможных применений для практических целей, чем конкретные слова, хотя и имеют ту же цель [Гак 1998, 583].

Чаще всего пословицы и поговорки характеризуются переносным смыслом, их редко можно встретить с прямым значением, так, например, «*Ne laissez pas croître l'herbe sur le chemin de l'amitié*» – «*Легко друзей найти, да трудно сохранить*».

Важнейшими средствами закрепления пословиц в народе являются звуковая организация и синтаксическая структура. Так, например, благодаря некоторым синтаксическим фигурам пословицы и поговорки обладают экспрессивностью и легко запоминаются.

Среди них выделяют антитезу (например, в пословицах «*Лучше горькая правда, чем сладкая ложь*», «*L'homme propose et Dieu dispose*» – «*Человек предполагает, а Бог располагает*»; лексический повтор («*Tout passé, tout casse, tout lasse*» – «*Ничто не вечно под луной*»; «*Chagrin partagé, chagrin diminué*» – «*Горем поделиться легче станет*»), оксюморон («*Les poules pondent par le bec*» – «*Не подмажешь, не поедешь*») [Критская 1963, 278].

Будучи единицами фольклора, французские пословицы обладают динамичностью, они могут вычлениваться из текстов и становиться самостоятельными и часто употребляемыми фразами. Так, выражение «*Revenons à nos moutons*», принадлежащее герою средневекового фарса «Адвокат Пьер Патлен» глубоко укореняется во французском языке. Фраза означает побуждение вернуться к основной теме разговора.

Особенностью пословиц является их метафоричность, такие виды метафор, как номинативные, образные, когнитивные, общезыковые, традиционно-пословичные используются в пословицах и поговорках, придавая им яркость: «*Mains froides, cœur chaud*» – «*Холодные руки, горячее сердце*»; «*Bien danse à qui la fortune chante*» – «*Хорошо смеется тот, кому удача поет*») [Костелянц 1972, 51].

Пословица – это зеркало множества жизненных ситуаций. Языковая вселенная ярких и живых образов проста и популярна, часто она отличается этническим характером. В то же время она включает в себя отражение повседневной жизни человека, членов семьи, частей тела, наиболее важных природных явлений, одежды, домашней утвари, домашних и диких животных, отличающихся своим поведением.

Особенный же интерес в пословицах и поговорках представляет использование аллегории при создании типичных образов, отражающих менталитет и характер людей при сравнении людей с животными, например, ослом: «*On ne saurait faire boire un âne s'il n'a soif*» – «*Осла нельзя заставить пить, если он того не хочет*» или волком «*Il faut hurler avec les loups*» – «*С волками жить, по-волчьи выть*» [Костелянц 1972, 49].

В русском и французском языках встречаются идентичные по используемому образу животных пословицы:

«*Le chat parti, les souris dansent*» – «*Кот из дома, мыши в пляс*»;

«*Quand le foin manque au râtelier, les chevaux se battent*» – «*У пустого корыта и кони грызутся*» [Критская 1963, 278].

Интересным является тот факт, что в пословицах на разных языках используются образы разных животных, чтобы выразить одну и ту же мысль:

«*La chèvre a pris le loup*» – «*И то бывает, что овца волка съедает*»;

«*Ce que le lion ne peut, le renard le fait*» – «*Лиса семерых волков проведет*»;

«N'éveillez pas le chat qui dort» – «Не буди спящего пса»;
«Deux moineaux sur un épi ne sont pas longtemps amis» – «Две кошки в одном мешке
дружбы не заведут».

Таким образом, пословицы и поговорки являются коммуникативной частью жизни человека. Со временем они могут подвергаться авторским изменениям, однако останутся важным культурным фундаментом, сохраняя накопленный человеческий опыт и передавая его потомкам. Несмотря на меняющиеся нравы и взгляды в разные временные эпохи, они останутся актуальными в жизненных ситуациях. Уместное использование пословиц и поговорок в речи поможет принять верное решение или раскрыть особенности родного языка в общении с другими народами.

Литература

1. Аникин В.П. К мудрости ступенька: О русских песнях, сказках, пословицах, загадках, народном языке: Очерки // В.П. Аникин. 1988. 176 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования // В.Г. Гак. – Изд-во: Школа «Языки русской культуры». М., 1998. 83 с.
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 4-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1991. 534 с.
4. Костелянц Б.Л. Вопросы французской фразеологии // Б.Л. Костелянц. М., 1972. С. 48-53.
5. Критская О.В. Французские пословицы и поговорки // О.В. Критская. М, 1963. 278 с.
6. Седых А.П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки. Учебно-методическое пособие. Белгород, 2021. 252.
7. Tougan-Baranovskaia В. Proverbes et dicions russes. 1980. С. 17-18.

References

1. Anikin V.P. *K mudrosti stupenjka: O ruskih pesnyah, skazkah, poslovitsah, zagadkah, narodnom jazike: Otcherki* [«A step to wisdom: On Russian songs, fairy tales, proverbs, riddles, folk language: Essays»]. – 1988. – 176 p.
2. Gak V.G. *Yazikovyie preobrazovanyia* [«Language conversions»] Publisher: School «Languages of Russian Culture», 1998. 583 p.
3. Jukov V.P. *Slovar rusских poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian Proverbs and sayings] – М.: Russkii yazik, 1991. 534 p.
4. Kostelyants B.L. *Voprosi frantuzskoiy frazeologii* [«Questions of French phraseology»] 1972. pp. 48-53.
5. Kritskaya O.V. *Franzuzskiye poslovitsi i pogovorki* [«French proverbs and sayings »] – 1963. 278 p.
6. Sedykh A.P., Marabini A. (2021) *Frazeologija i perevod: francuzskij, ital'janskij i russkij jazyki. Uchebno-metodicheskoe posobie* [Phraseology and translation: French, Italian and Russian. Study guide]. Belgorod. 252.
7. Tougan-Baranovskaia В. Proverbes et dicions russes. 1980. pp. 17-18.

УДК 81

WÖRTERBUCHARBEIT IM DEUTSCHUNTERRICHT

Rudtschuk Anna Michailowna
Studentin des Lehrstuhls für Deutsch und
Französisch
Belgoroder Staatliche Forschungsuniversität,
Belgorod, Russland / annarudchuk@mail.ru

Kudryavtseva Natalia Borisovna
Dr. phil., Dozentin
Belgoroder Staatliche
Forschungsuniversität,
Belgorod, Russland / nkud@bsu.edu.ru

Zusammenfassung:

Dieser Artikel soll den Leser mit den Grundlagen der Verwendung von Wörterbüchern im Deutschunterricht vertraut machen. In dem Artikel werden die Gründe für die Verwendung

des Wörterbuchs in verschiedenen Phasen des Sprachlernprozesses aufgezeigt. Der Artikel basiert auf Wörterbüchern als Informationsquelle für Deutschlerner, die helfen, die Bedeutung von Wörtern, ihre Grammatik und Verwendungsmerkmale zu verstehen, den Wortschatz erheblich zu erweitern und die Sprache der Lernenden zu verbessern. Der Artikel enthält sowohl eine Liste von Wörterbucharten, die für das Erlernen einer Fremdsprache verwendet werden können, als auch Empfehlungen für Lehrkräfte zur Arbeit mit Wörterbüchern im Deutschunterricht. Hier wird die Nützlichkeit von Übungen, die darauf abzielen, die Effektivität der Nutzung von Wörterbüchern im Deutschunterricht zu erhöhen unterstrichen.

Schlüsselwörter: Wörterbucharbeit, Wörterbücher, Deutschunterricht, Deutschlernen, Wortschatz, Schülerbetreuung

"Wörterbücher sind wie eine Uhr. Selbst die schlechtesten sind besser als keine, und selbst von den besten kann man keine absolute Genauigkeit erwarten." - Samuel Johnson

Der Wortschatz spielt eine wichtige Rolle beim Erwerb einer Fremdsprache. Eine Menge von Wörtern in einer Sprache bildet einen Wortschatz. Der Wortschatz als Hauptbestandteil der sprachlichen Kommunikation steht in Wechselwirkung mit der Grammatik und Phonetik der Sprache. Der Wortschatz wird verwendet, um den Reichtum der Gedanken und Gefühle einer Person zu vermitteln. Vokabeln müssen in einem System gelernt werden, das auf die Eigenschaften des menschlichen Gehirns zurückzuführen ist, sich logisch organisiertes Material zu merken, zu analysieren, zu synthetisieren und zu verallgemeinern. [Gruschnikow, 1956: 33]

Die Arbeit mit Lernwörterbüchern im Deutschunterricht zielt darauf ab, den Wortschatz der Schülerinnen und Schüler zu erweitern. Sie gewährleistet den Reichtum des Wortschatzes im Deutschen als Zeichen ihrer Gesamtentwicklung. Es ist daher sehr wichtig, den Schülern beizubringen, wie sie Wörterbücher benutzen können, um die deutsche Sprache zu beherrschen. Die Arbeit mit Wörterbüchern fördert das Bedürfnis der Schülerinnen und Schüler, selbstständig und kreativ nach Wörtern zu suchen, die sie für sprachliche Aktivitäten benötigen, und erhöht die Kenntnisse über den lexikalischen Reichtum der zu lernenden Sprache (Deutsch) erheblich. Sie ist auch die individuellste und unabhängigste Lernaktivität. Das Ziel dieser Arbeit ist es, den Wortschatz der Schüler systematisch zu erweitern.

Bei der Arbeit an allgemeinbildenden Schulen werden Lehrer häufig dadurch konfrontiert, dass in den deutschen Lehrplänen die Arbeit mit dem Lernwortschatz im Deutschunterricht nicht berücksichtigt wird. Aber der Umgang mit einem Wörterbuch ist ein wesentlicher Bestandteil der Beherrschung einer Fremdsprache. Bei der Arbeit mit fremdsprachlichen Texten kann man leicht feststellen, dass einige Schüler Schwierigkeiten haben, einzelne Wörter, stabile Wortkombinationen und idiomatische Ausdrücke im Wörterbuch zu finden, dass sie die ursprüngliche Form des Wortes nicht finden können und ein unbekanntes Wort im Wörterbuch in der Form suchen, in der es im Text vorkommt. [Sajachowa, 1982: 56] Die Schüler sind oft nicht mit den im Wörterbuch verfügbaren Bezeichnungen vertraut und kennen das Alphabet nur unzureichend. Viele arbeiten zu langsam mit dem Wörterbuch und schaffen es daher nicht alle, die Aufgabe in der vorgegebenen Zeit zu erledigen. Aus demselben Grund brauchen die Kinder viel Zeit, um ihre Hausaufgaben vorzubereiten.

Ein Wörterbuch ist eine Sammlung von Wörtern (normalerweise in alphabetischer Reihenfolge) mit Erklärungen, Interpretationen oder Übersetzungen von Wortbedeutungen von einer Sprache in eine andere. Die Rolle von Wörterbüchern in der modernen Welt ist groß. Die gemeinsame Funktion aller Wörterbücher ist die Erfassung, Systematisierung, Akkumulation und Speicherung von Wissen. Es gibt verschiedene Arten von Wörterbüchern in deutscher Sprache: Übersetzungswörterbücher, einsprachige Wörterbücher, moderne Sprachwörterbücher, Fach- und Spezialwörterbücher, Synonymwörterbücher, Wörterbücher mit Redewendungen, Wörterbücher mit festen Redewendungen. Im Deutschunterricht beginnt eine Einführung in die Grundlagen der Arbeit mit zweisprachigen transliterierten Wörterbüchern, ohne die keine Sprache gelernt werden kann [Katarshanowa, 2015]. Der Umgang mit einem Wörterbuch ist sehr

wichtig, vor allem wenn es um das Lesen und Übersetzen von Texten geht. Es ist auch wichtig, die Fähigkeit zu entwickeln, eine gewünschte Vokabel schnell in einem Wörterbuch nachzuschlagen. Die Effektivität der Wortschatzarbeit hängt also davon ab, wie viel des deutschen Alphabets, das die Schüler im ersten Jahr des Deutschunterrichts lernen, bekannt ist.

Die meisten Fremdsprachenlerner "nehmen ein Wörterbuch, selbst ein zweisprachiges, nicht als wirksames Lehrmittel wahr. Sie sehen ein Wörterbuch eher als eine Sammlung von Wortbedeutungen denn als ein Mittel zur Verbesserung ihrer Sprachkenntnisse". Gleichzeitig ist klar, dass das erforderliche Maß an Lernautonomie ohne die Entwicklung von Wortschatzkenntnissen nicht erreicht werden kann. Die Kunst, mit verschiedenen Arten von Wörterbüchern zu arbeiten, kann nicht nur im Prozess der Beherrschung einer Fremdsprache nützlich sein, sondern auch für die Lösung unterschiedlich komplexer kommunikativer, akademischer oder beruflicher Aufgaben in jeder Sprache, einschließlich der Muttersprache. Die Aufgabe jedes Deutschlehrers ist es, das Bedürfnis der Schüler zu fördern, ständig in Wörterbüchern nachzuschlagen, sowohl im Unterricht als auch bei der selbstständigen Bearbeitung von Aufgaben. In der Praxis sind Wörterbücher als obligatorisches Unterrichtsmaterial jedoch noch nicht unumgänglich geworden. Die Wortschatzarbeit sollte darauf abzielen, den erworbenen Wortschatz zu systematisieren und ihn aktiv im mündlichen und schriftlichen Sprachgebrauch einzusetzen. Wörterbucharten spielen bei der Arbeit mit Vokabeln eine wichtige Rolle.

In der gegenwärtigen Phase der Entwicklung des Wortschatzes verändern sich viele Gattungen von Wörterbüchern und ihre pädagogische Ausrichtung nimmt zu. So kann ein pädagogisches Wörterbuch nicht nur als Nachschlagewerk, sondern auch als eigenständiges Lehrmittel für die Entwicklung aller Arten von Sprachaktivitäten und die Ausbildung kommunikativer Kompetenz verwendet werden. Eine wirkliche Autonomie kann nur erreicht werden, wenn die Schüler entsprechend geschult werden, d.h. sie müssen lernen, ein Wörterbuch zu benutzen, die Struktur und die Arten von Wörterbüchern zu kennen.

Im Fremdsprachenunterricht wird in der Regel mit ausgewähltem Material gearbeitet, das thematische Wortgruppen wie gesellschaftspolitisches Vokabular, Moral- und Ethikvokabular, Sportvokabular, Gesundheits- und Hygienewortschatz, Kunst und Kultur, Militärvokabular (Vaterlandsverteidigung), Rechtsvokabular, Arbeitsvokabular usw. umfasst. Jede thematische Gruppe umfasst eine große Anzahl von Wörtern. Die Schüler und Studenten studieren bestimmte Themen, lernen neue Wörter und Wortkombinationen zu einem bestimmten Thema kennen. Wörter werden in Wörterbüchern aufgeschrieben, und es werden Wortkombinationen und Sätze mit ihnen gebildet. Die Übungen zum thematischen Wortschatz können sehr vielfältig sein: Vokabeldiktat, Gedächtnisdiktat, Kompositionsminiatur mit Bezugswörtern, fehlende Buchstaben einfügen, Synonyme, Antonyme aufgreifen, richtig aussprechen, den Akzent setzen, usw. Diese Wortschatzarbeit ist wichtig, um den Wortschatz der Schüler zu erweitern, die Bedeutung der Wörter zu klären, sie in den aktiven Wortschatz aufzunehmen und die Lese- und Schreibfähigkeit der Schüler zu verbessern. Es ist ratsam, die Arbeit mit Wörterbüchern in jede Unterrichtsstunde einzubauen. Es reicht aus, wenn Sie sich 5-7 Minuten Zeit für diese Arbeit nehmen. Die Arbeit mit Synonymen spielt eine sehr wichtige Rolle bei der Entwicklung der Sprache von Schülern und Studenten. Beim Lernen von Synonymen ist es ratsam, die Aufmerksamkeit der Schüler auf die Ähnlichkeiten der synonymen Wörter sowie auf die Unterschiede zwischen ihnen zu richten. Um zu verstehen, was Synonyme gemeinsam haben und was sie gemeinsam haben, müssen sie verglichen und gegenübergestellt werden. Im Deutschunterricht können Aufgaben gestellt werden, um mit Hilfe von Wörterbüchern die Bedeutungen der Wörter in der Synonymreihe zu klären. Zum Beispiel: „die Kluft – der Abgrund – die Tiefe – der Schlund“.

Es empfiehlt sich, den Schülern und Studenten die Aufgabe zu stellen, ein Vokabeldiktat zum Thema zu verfassen, die Etymologie von Wörtern zu erklären, Synonyme und Antonyme für ein Wort auszuwählen, die Bedeutung eines Satzes zu erklären usw. Die Wörterbucharbeit ist also die individuellste und unabhängigste Art des Lernens für die Schüler. Das Ziel dieser Arbeit ist es, den Wortschatz der Schüler systematisch aufzufüllen" [Dahl, 2014: 190]. Die Verwendung von Wörterbüchern als Nachschlagewerk und Lernmittel gibt dem Lehrer die Möglichkeit, sie sowohl in

verschiedenen Unterrichtsstunden als auch in verschiedenen Phasen des Unterrichts einzusetzen. Es geht vor allem darum, das Bedürfnis der Schüler zu entwickeln, bei Bedarf auf Referenzliteratur zurückzugreifen und zu lernen, wie man sich neues Wissen selbständig aneignet [Wakar, 1999].

Es sollte daran erinnert werden, dass die Lehrbücher Aufgaben anbieten sollten, die sich auf die Arbeit mit dem Wörterbuch beziehen. Die vorgeschlagenen Aufgaben erschöpfen nicht alle möglichen Situationen für die Verwendung von Wörterbüchern im Unterricht und bei der selbstständigen Spracharbeit. Wörterbuchaufgaben und -übungen können sehr vielfältig sein, aber es ist notwendig, diese Aufgaben klug zu dosieren und daran zu denken, dass die Fähigkeit, ein Wörterbuch richtig zu benutzen, eine komplexe, mehrkomponentige Fähigkeit ist, die Schritt für Schritt und konsequent ausgebildet werden muss.

Auf diese Weise lernen die Schüler nicht nur verschiedene Arten von Wörterbüchern kennen, sondern auch, sich in dem komplexen System ihres Aufbaus zurechtzufinden, sprachliche und sprachliche Fehler zu vermeiden und ihre Sprache mit ihrer Hilfe zu korrigieren. Eine der wichtigsten Aufgaben des Unterrichts besteht darin, unabhängige Nutzer zu entwickeln, die in der Lage sind, zu "lernen" und zu "denken" und nicht nur zu "studieren". Die Fähigkeit, ein Wörterbuch effektiv zu benutzen, ist ein Indikator für die Bereitschaft zur Selbstentfaltung, ein Indikator für die sprachliche Reife und eine Garantie für die Sprachkompetenz [Gruschnikow, 1956: 34].

Literaturverzeichnis:

1. Butaev Sh. T. Wie man die Wortschatzarbeit verbessern kann // Molodoj utschjenyj. 2012. №10. –326-328 S.
2. Poticha S.A., Rosenthal D.E. Linguistische Wörterbücher und die Arbeit mit ihnen.– Moskau: Proswjeschtschjenije, 1987. – 88 S.
3. Sajachowa L.G. Wortschatzarbeit in der nationalen Schule. – Moskau: Proswjeschtschjenije,1982.– 94 S.
4. Gruschnikow P.A. Wie man Grundschüler mit dem Rechtschreibwörterbuch vertraut macht // Natschalnaja shkola.1956. № 12. –30-37 S.
5. Die föderalen staatlichen Bildungsstandards für die allgemeinbildende Grundschule, 2009 Zugriffsmodus: <https://docs.edu.gov.ru/document/75cb08fb7d6b269e9ecb078bd541567b/> (Referenzdatum: 25.03.2022).
6. Wakar A.M. "Synonymie der russischen und deutschen Sprache. Probleme der Auswahl, Übersetzung und Klassifizierung von Synonymen in H. Falladas Roman "Jeder stirbt allein", 1999 Zugriffsmodus: <http://www.roman.by/r-45574.html> (Referenzdatum: 25.03.2022).
7. Dahl V.I. Erklärendes Wörterbuch der russischen Sprache: moderne Schreibweise / zusammengestellt von J. M. Medvedev. Moskau: AST, 2014. –223 S.
8. Katarshanowa L. N. Merkmale der Verwendung von elektronischen Wörterbüchern im Englischunterricht, 2015 Zugriffsmodus: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2015/09/11/osobennosti-ispolzovaniya-elektronnyh> (Referenzdatum: 25.03.2022).

УДК 81

MODERNE LEXIKOGRAPHIE: STATUS UND ENTWICKLUNGSRICHTUNGEN

Siniakova Anastasia Dmitrievna
Studentin des Lehrstuhls für Deutsch und
Französisch
Belgoroder Staatliche Forschungsuniversität
Belgorod, Russland /
anastasija.dmitrievna99@yandex.ru

Natalia Borisovna Kudryavtseva,
Dr. phil., Dozentin,
Belgoroder Staatliche
Forschungsuniversität
Belgorod, Russland / nkud@bsu.edu.ru

Zusammenfassung

Die Entwicklung eines bestimmten Wörterbuchs, insbesondere eines neuen, erfordert eine Entscheidung über den Inhalt des Begriffs der Lexikographie. Die Frage, ob die Lexikographie

eine Kunst, eine Wissenschaft, eine praktische Tätigkeit oder ein Teil einer wissenschaftlichen Disziplin ist, wurde in den letzten Jahrzehnten von verschiedenen Forschern sowohl in Russland als auch im Ausland gestellt. Der Artikel versucht, den Status der Lexikographie und die Richtung ihrer Entwicklung zu verstehen, indem er die jüngsten bekannten in- und ausländischen lexikographischen Werke berücksichtigt. Der Artikel erörtert kurz Trends in der Dynamik der modernen Lexikographie und stellt die Tendenzen bedeutender Veränderungen in der modernen Typologie der Wörterbücher fest. Der Artikel gibt auch einen Überblick über die Forschung auf dem Gebiet der Lexikographie.

Schlüsselwörter: Lexikografie, Wörterbuch, Linguistik, Typologie, Konzept, Struktur

Der Begriff Lexikografie selbst ist relativ neu und hat mehrere Bedeutungen. Wie L.P. Stupin feststellte, gibt es im enzyklopädischen Wörterbuch von F.A. Brokhaus und I.A. Efron keinen Artikel über das Wort Lexikographie, aber das Wort Lexikographie ist im Wörterbuch vorhanden und ist ein Synonym für den Ausdruck «Wörterbuchtechnik». Im enzyklopädischen Wörterbuch «Br. A. und I. Granat und Co» wird die Lexikographie definiert als wissenschaftliche Methoden der Bearbeitung von verbalem Sprachmaterial zur Erstellung eines Lexikons. Die Lexikographie wurde in der ersten Ausgabe des Enzyklopädischen Wörterbuchs als Arbeit an der Zusammenstellung von Wörterbüchern verstanden, so ist sie in den folgenden Ausgaben ein Zweig der Sprachwissenschaft, der sich mit der Praxis und Theorie der Zusammenstellung von Wörterbüchern beschäftigt [Atkins, 2008: 5]. In modernen linguistischen Enzyklopädien findet sich eine ähnliche Definition [Casares, 1958:71]. Derzeit wird das Wort Lexikographie in der heimischen Literatur in folgenden Bedeutungen verwendet:

- 1) ein spezielles Gebiet der Linguistik, das sich mit den Prinzipien der Erstellung von Wörterbüchern verschiedener Arten befasst;
- 2) die Praxis der Erstellung von Wörterbüchern selbst;
- 3) eine Menge von Wörterbüchern einer bestimmten Sprache [Atkins, 2008: 9].

In den Werken der einheimischen Lexikographen finden sich andere Definitionen des Begriffs der Lexikographie. Also V.V. Morkovkin definiert es als den Bereich der philologischen und ingenieurphilologischen Tätigkeit, der in der Erstellung von Wörterbüchern und anderen Werken vom Typ Wörterbuch sowie im Verständnis der Gesamtheit der damit verbundenen Probleme besteht [Morkovkin, 1990: 41].

Die Meinung, dass die Lexikographie keine Wissenschaft ist, ist weit genug verbreitet, insbesondere in ausländischen Werken. J. Casares argumentiert, dass die Lexikographie eine Technik und Kunst der Zusammenstellung von Wörterbüchern ist.

In einheimischen Werken über Lexikographie werden oft die Worte von F. Gove, dem Chefredakteur der dritten Ausgabe von Webster's Dictionary, zitiert: «Lexikographie ist noch keine Wissenschaft. Offenbar wird es nie eine Wissenschaft sein. Es handelt sich dabei jedoch um eine komplexe, subtile und manchmal sehr aufwendige Kunst, die subjektive Analysen, willkürliche Entscheidungen und intuitive Beweise erfordert» [Atkins, 2008: 6]. G.E. Wiegand wird auch oft mit den Worten zitiert, dass die Lexikographie keine Wissenschaft ist, keine Kunst, kein Zweig der Linguistik, keine angewandte Linguistik, dass die Lexikographie nie eine Wissenschaft war, ist und wahrscheinlich auch nie eine sein wird [6, S.14].

Solche gegensätzlichen Ansichten in- und ausländischer Forscher über den wissenschaftlichen Status der Lexikographie versucht V.D. Tabanakova durch die Unterschiede im Begriff der Wissenschaft selbst im Russischen und Englischen zu erklären. Dennoch hat sich in den letzten Jahren die Auffassung durchgesetzt, dass die Lexikographie einen theoretischen Status hat. In der englischen Lexikographie hat sich der Begriff Metalexikographie [Gak, 1978: 93] eingebürgert, um die Disziplin zu bezeichnen, die den Status des Fachgebiets der Lexikographie bestimmt.

Das lexikografische Wörterbuch von R. Hartman und G. James definiert Lexikografie als die berufliche Tätigkeit und das wissenschaftliche Gebiet, das mit Wörterbüchern und Nachschlagewerken verbunden ist. Sie gliedert sich in die lexikografische Praxis, d. h. die

Wörterbucharstellung, und die lexikografische Theorie, d. h. die Wörterbuchforschung. Ersteres wird oft mit der Veröffentlichung kommerzieller Wörterbücher in Verbindung gebracht, letzteres mit der wissenschaftlichen Forschung im Bereich der Linguistik [Shcherba, 2004: 85].

Wie aus der Definition hervorgeht, wird in der englischsprachigen Lexikographie zwischen kommerziellen (trade dictionary) und wissenschaftlichen Wörterbüchern (scholarly) unterschieden. Gleichzeitig sind die Ansätze zur Erstellung dieser Arten von Wörterbüchern sehr unterschiedlich. Bei der Erstellung kommerzieller Wörterbücher, die in erster Linie auf den kurzfristigen Verkauf mit Gewinnabsicht ausgerichtet sind, spielt die Marktforschung eine wichtige Rolle. Es besteht die feste Überzeugung, dass der Inhalt und die Gestaltung jedes Aspekts eines Wörterbuchs vollständig von der Art des Adressaten und der Art und Weise, wie er das Wörterbuch benutzen wird, abhängt.

In der sowjetischen Lexikographie wurde die Frage der Marketingforschung nicht so stark betont wie in der europäischen Lexikographie. Obwohl B.Y. Gorodetsky unter den Etappen der lexikographischen Tätigkeit die Etappe der Entwicklung eines Anforderungssystems in Bezug auf die äußeren Parameter des Wörterbuchs (seinen Zweck, den Kreis der Verbraucher, die Art der Verwendung usw.) heraushebt, nennt er die experimentelle Untersuchung der Semantik und die damit verbundene Konstruktion von Definitionen, die Identifizierung zusätzlicher Informationen über das Wort, erst dann wird die Entwicklung von Anforderungssystemen in Bezug auf die äußeren und inneren Parameter des Wörterbuchs als wichtigere Etappen erwähnt [Gorodetsky, 1983: 12]. Das Prinzip der Orientierung an lexikografischen Beschreibungen gilt heute als universelle und unveränderliche Regel aller Wörterbucharbeit.

Die Praxis zeigt jedoch, dass viele wiederveröffentlichte und neu erstellte Wörterbücher unbeanspruchst bleiben. Als einer der Gründe für diese Situation wird die mangelnde Kompetenz von Lehrern und Schülern im Umgang mit Wörterbuchprodukten genannt, was zu einem Rückgang des allgemeinen Niveaus der Sprachkultur führt [Morkovkin, 1990: 54]. Unserer Meinung nach ist der Hauptgrund dafür das Fehlen einer Tradition der Marktforschung und die Unfähigkeit, den Nutzerbedarf in der Praxis zu ermitteln.

Es gibt noch eine andere Sichtweise der Lexikographie. Ihre Befürworter sind der Ansicht, dass es sich um eine eigenständige wissenschaftliche Disziplin handelt, die einen eigenen Untersuchungsgegenstand (Wörterbücher verschiedener Art), eigene wissenschaftliche und methodische Grundsätze, eine eigene theoretische Problematik und einen eigenen Platz unter den anderen Sprachwissenschaften hat. L.W. Schtscherba war der erste, der diesen Standpunkt zur Lexikographie mit absoluter Sicherheit vertreten hat. Im Vorwort zum russisch-französischen Wörterbuch schrieb er: «Ich finde es äußerst falsch, dass unsere qualifizierten Linguisten die Wörterbucharbeit vernachlässigt haben, was dazu geführt hat, dass fast keiner von ihnen sie je gemacht hat (früher wurde sie von Gelegenheitsamateuren gemacht, die absolut keine spezielle Ausbildung hatten), und was ihr einen so lächerlichen Namen gegeben hat – «Wörterbücher erfinden». Und in der Tat haben unsere Linguisten, und noch mehr unsere «Kompilatoren» von Wörterbüchern, gesehen, dass diese Arbeit einen wissenschaftlichen Charakter haben muss und nicht in einem mechanischen Vergleich einiger vorgefertigter Elemente bestehen darf» [Shcherba, 2004: 308]. Seitdem hat sich die These, dass die Lexikographie nicht nur die Praxis des Zusammenstellens von Wörterbüchern ist, sondern auch eine theoretische wissenschaftliche Disziplin, in einer Reihe von Ausgangspositionen der sowjetischen Schule der Lexikographie festgesetzt.

L.P. Stupin löst die Frage nach dem Status der Lexikographie wie folgt: «Wenn man die These akzeptiert, dass die Lexikographie Kunst ist, dann öffnet sich die Tür zu einem subjektiven Verständnis der Ziele und des Gegenstands der Lexikographie, der Methoden und Techniken ihrer Forschung und der subjektiven Lösung ihrer Probleme» [Stupin, 1985: 42]. Ein solcher Ansatz ist wahrscheinlich nicht zielführend und schon gar nicht wissenschaftlich objektiv. Würde man die These akzeptieren, dass die Lexikographie lediglich eine Technik der Wörterbucharstellung ist, eine Art rein praktische Tätigkeit, dann müsste man die Lösung aller theoretischen Fragen anderen Wissenschaften (Lexikologie, Semantik, Stilistik, Etymologie usw.) überlassen, und die Lexikographie müsste sich nur der vorgefertigten Lösungen dieser

Wissenschaften bedienen. Dies dürfte kaum fruchtbar sein, da die anderen Sprachwissenschaften nicht ausreichend mit dem Stand der Dinge in der Lexikographie vertraut sind. Sie werden die Lexikografie aus ihrer eigenen Perspektive angehen und damit der Lexikografie schaden. Daher ist die These, dass die Lexikographie eine Wissenschaft ist, die einzig richtige und fruchtbarste [Atkins, 2008: 88].

Trotz der engen Verbindung zwischen Lexikographie und Lexikologie, Semantik, Stilistik, Etymologie, Phonologie usw. lösen diese Disziplinen nicht alle lexikographischen Probleme. Im Gegenteil, man kann sagen, dass die Lexikographie zur Entwicklung der gesamten Linguistik beiträgt und eine universelle methodische Wissenschaft [Gak, 1978: 9] darstellt. V.G. Gak argumentiert, dass die Lexikographie ihre eigenen Aufgaben und Gesetzmäßigkeiten hat, aufgrund derer lexikologische Lösungen in der Lexikographie eine spezifische Brechung erfahren und nicht immer in Wörterbüchern wiedergegeben werden können [Gak, 1978: 13].

Eine Analyse französischer erklärender Wörterbücher ermöglichte es V.G. Gacou, die folgenden Schlussfolgerungen zu ziehen: «... Die Entwicklung der Lexikologie und insbesondere der lexikalischen Semantik führt nicht zu einer Vereinheitlichung des Materials in den Wörterbüchern, sondern im Gegenteil zu seiner Diversifizierung, und Wörterbücher desselben Bandes, die in einem Land und für dieselbe Sprache veröffentlicht werden, können lexikologische Probleme in vielen spezifischen Fällen unterschiedlich lösen»[Gak, 1978: 96]. V.G. Gak führt die genannten Phänomene nicht auf die Willkür der Lexikographen zurück, sondern auf objektive und subjektive Faktoren. Unter den Zielen ist das wichtigste die Art der lexikalischen Bedeutung des Wortes, dessen Kern ein Konzept ist. Unter den subjektiven Faktoren nennt der Autor die Art, den Umfang und den Zweck des Wörterbuchs. Zum Beispiel können in verschiedenen Wörterbüchern (klein- und großvolumig, übersetzt und erklärend) verschiedene Probleme der Homonymie und Polysemie, Polysemie und Monosemie, Phraseologie und freien Phraseologie unterschiedlich gelöst werden.

V. V. Morkovkin schlug die Entwicklung einer Wörterbuchlexikologie vor, deren Ziel es ist, ein theoretisches Verständnis der linguistischen Konzepte und Kategorien zu schaffen, das optimale Bedingungen für die praktische Lexikographie von Spracheinheiten schafft. Das Hauptunterscheidungsmerkmal des lexikologischen Wortschatzes ist die Überwindung der künstlichen Aufteilung der Wissenschaft des Wortes in eine Reihe separater Disziplinen und die Betrachtung der phonetischen, morphologischen, semantischen, wortbildenden, kombinatorischen und einiger anderer Eigenschaften lexikalischer Einheiten an einem Ort und unter einem, lexikographischen, Blickwinkel [Morkovkin, 1996: 17].

Wie bereits erwähnt, wurde die Lexikographie gegen Ende des zwanzigsten Jahrhunderts als Theorie und Praxis der Wörterbucherstellung verstanden. Es ist allgemein anerkannt, dass die theoretische Lexikographie die Typologie von Wörterbüchern und die Lehre von der Struktur und den Elementen eines Wörterbuchs (Makro- und Mikrostruktur) umfasst. Dieses Verständnis des Inhalts der theoretischen Lexikographie wird in einer großen allgemeinen lexikographischen Studie von P.N. Denisov umrissen. Aus philosophischer Sicht spielt die zentrale Rolle bei der Theoriebildung als Form wissenschaftlicher Erkenntnis der ihr zugrundeliegende idealisierte Gegenstand – ein theoretisches Modell bestehender Wirklichkeitsverhältnisse, das durch bestimmte hypothetische Annahmen und Idealisierungen dargestellt wird. In der Theorie der Lexikographie hebt P.N. Denisov unter den abstrakten, theoretischen Objekten die Begriffe Wörterbuch, maximales (potentielles) und minimales lexikalisches System, universelle Struktur des Wörterbucheintrags, semantische Gleichung, Definition, Beschreibung, semantische Metasprache usw. hervor. Der terminologische Apparat der Lexikographie selbst nimmt nun Gestalt an. Solche lexikografischen Begriffe wie Mikro- und Makrostruktur eines Wörterbuchs, Metasprache eines Wörterbuchs, linker Teil, rechter Teil, Wörterbuchdefinition, Art des Wörterbuchs usw. haben sich bereits allgemein durchgesetzt. Das Vorhandensein lexikographischer Begriffe im eigentlichen Sinne ist eine klare Bestätigung für die Entstehung der Lexikographie als Wissenschaft [Dubichinsky, 2009: 16]. Die Theorie der Lexikographie formulierte die Funktionen von Wörterbüchern (bildend, nachschlagekräftig, systematisierend,

normativ), die Prinzipien der lexikographischen Beschreibung (Relativität und Adressatenorientierung, Standardisierung, Ökonomie, Einfachheit, Vollständigkeit, Effizienz, semantische Stufenbeschreibung) [Kozyrev, 2002: 75].

Wenn wir das Erbe der einheimischen Lexikographen untersuchen, können wir feststellen, dass sich die Lexikographie derzeit schnell und in verschiedene Richtungen entwickelt. Im XXI. Jahrhundert sind bereits mehrere erklärende Wörterbücher der russischen Sprache erschienen: «Großes akademisches Wörterbuch der russischen Sprache», herausgegeben von K.S. Gorbatschowitsch (fortlaufende Ausgabe), «Großes erklärendes Wörterbuch der russischen Sprache» und «Modernes erklärendes Wörterbuch der russischen Sprache», herausgegeben von S.A. Kusnezow und «Erläuterndes Wörterbuch der russischen Sprache zu Beginn des XXI. Thematischer Wortschatz», herausgegeben von G. N. Sklyarevskaya.

Die Hauptgründe für das Erscheinen dieser Wörterbücher waren die rasanten politischen und sozialen Prozesse am Ende des XX. Jahrhunderts in Russland, die das Sprachbild stark verändert haben, das Auftauchen neuer Wörter, die Klärung der Normen des modernen Wortgebrauchs, die Überarbeitung des Anschauungsmaterials ideologischer Natur usw. Außerdem haben diese Wörterbücher, die an die besten Traditionen der klassischen akademischen Lexikographie anknüpfen, ihre eigenen Merkmale, so dass sie als einzigartige Editionen gelten können. Einer der Trends in der modernen erklärenden Lexikographie ist der Wunsch, zusätzliche Informationen über das Wort in den erklärenden Wörterbuchartikel aufzunehmen [Shcherba, 2004: 24].

In den letzten zehn Jahren sind neue Synonym-, Antonymwörterbücher erschienen («Wörterbuch der Antonyme der russischen Sprache» von L.A. Vvedenskaya, «Wörterbuch der Synonyme der russischen Sprache» von K.S. Gorbachevich), phraseologische («Großes Wörterbuch der geflügelten Worte der russischen Sprache», «Phraseologisches Wörterbuch der russischen Sprache», herausgegeben von A. N. Tikhonov) und grammatikalische Wörterbücher («Erläuterndes Wörterbuch der russischen Sprache» von I. K. Sazonowa, «Erläuterndes Wörterbuch der russischen Sprache» herausgegeben von V. V. Morkovkin, und die Wortbildungswörterbücher («Wortbildungswörterbuch der russischen Sprache» und «Morphemisches und orthographisches Wörterbuch» von A. N. Tichonov), Wörterbücher der korrekten mündlichen und schriftlichen Sprache («Großes Rechtschreibwörterbuch der russischen Sprache» herausgegeben von S.G. Barkhudarov, «Orthoepisches Wörterbuch der russischen Sprache» von I.L. Reznichenko, «Wörterbuch der korrekten russischen Sprache» von N.L. Reznichenko) und andere.

Es entstehen neue Arten von Wörterbüchern, insbesondere komplexe Wörterbücher («Komplexes Wörterbuch der russischen Sprache», herausgegeben von A. N. Tichonov), verschiedene Wörterbücher der Sprache von Schriftstellern (A. I. Polezhaev, A. A. Tarkovsky, V. M. Shukshin, I. A. Krylov, I. A. Bunin, N. S. Leskov, V. I. Belov, N. M. Rubtsov usw.). Theoretische Grundlagen für die volkskundliche Lexikographie werden erarbeitet.

Es werden theoretische Grundlagen der volkskundlichen Lexikographie (M. A. Bobunova), der lexikographischen Beschreibung lexikalischer Parallelen (V. V. Dubichinsky), der Sprachetikette (A. G. Balakai) usw. entwickelt.

Bisher gibt es Verallgemeinerungsstudien von V.P. Berkov über zweisprachige Lexikographie, Y.N. Karaulov über ideographische Lexikographie, A.S. Gerd, S.V. Grinev, Y.N. Marchuk, A.Y. Shaikevich über wissenschaftliche und technische Lexikographie, V.V. Morkovkin über die pädagogische Lexikographie, usw. gleichzeitig sind die wissenschaftlichen Grundlagen anderer Teilbereiche der Lexikographie, wie z.B. der onomastischen Lexikographie [Morkovkin, 1996:90], noch sehr schwach entwickelt.

Wir sind der Meinung, dass man von einer Aufteilung der Lexikographie in mehrere ziemlich unabhängige Disziplinen sprechen kann, von denen jede ihren eigenen konzeptionellen Apparat, ihre eigene Typologie der Wörterbücher, ihre Methoden der Wörterbuchzusammenstellung und ihre Art der Beschreibung des Stichworts, ihre eigenen Karteien und Datenbanken hat. Der Stand der Technik in der modernen Lexikographie erlaubt es

uns, von einer Trennung zwischen der allgemeinen Lexikographie, die die jedem Wortschatz innewohnenden Eigenschaften untersucht, und den privaten Bereichen der Lexikographie (instruktive, terminologische, onomastische usw.) zu sprechen. Die allgemeine Lexikographie muss die gemeinsamen (oder statistisch gesehen vorherrschenden) Merkmale aller Wörterbücher mit Hilfe der Typologie ermitteln und die allgemeinen Funktions- und Nutzungsmuster von Wörterbüchern untersuchen. Die private Lexikographie wird wahrscheinlich die folgenden Abschnitte enthalten, in denen untersucht wird: die innere Struktur eines bestimmten Wörterbuchtyps und die Methoden seiner Erstellung; die Geschichte eines bestimmten Wörterbuchtyps; der Zweck und die Adressaten eines bestimmten Wörterbuchtyps.

Die Aussichten für die Entwicklung der Lexikographie liegen in der Verbesserung bestehender und der Schaffung neuer Arten von Wörterbüchern, dem Erscheinen komplexer Wörterbücher und der Computerisierung lexikographischer Tätigkeiten.

Literaturverzeichnis

1. Atkins B.T., Rundell M. The Oxford Guide to Practical Lexicography. Oxford University Press Inc. – N.Y., 2008. – S. 541.
2. Bobunova M.A. Russische Lexikographie XXI Jahrhundert: Lehrbuch. – Moskau: Flint: Nauka, 2009. – S. 245.
3. Casares J. Eine Einführung in die moderne Lexikographie / übersetzt aus dem Spanischen – M.: Izd. Of Foreign Literature, 1958.– S. 192.
4. Denisov, P. N. Das Lexikon der russischen Sprache und die Prinzipien seiner Beschreibung. – Moskau: Russische Sprache, 1980.– S. 89.
5. Denisov, P. N. Über die universelle Struktur des Wortschatzartikels // Aktuelle Probleme der pädagogischen Lexikographie. – Moskau: Russische Sprache, 1987.– S. 257.
6. Dubichinsky V.V. Lexikographie der russischen Sprache: Lehrbuch. – Moskau: Flint: Nauka, 2009.– S. 314.
7. Ermolovich D.I. Proper Names: Theory and Practice of Interlanguage Transfer. – Moskau: R. Valent, 2005. – S. 94.
8. Gak V.G. Über die Relativität der lexikologischen Kategorien in der Lexikographie // Probleme der Lehre der Lexikographie und Lexikographie. – Moskau: Russische Sprache, 1978. – S. 264.
9. Gorodetsky B. Yu. Probleme und Methoden der modernen Lexikographie // New in Foreign Linguistics: Problems and Methods of Lexicography. – Moskau: Fortschritt, 1983. – S. 153.
10. Hartmann R.R.K., James G. Dictionary of Lexicography. Routledge. – L. und N.Y., 2002. – S. 246.
11. Kalambet E. V. Manifestationen des Anthropozentrismus in der modernen russischen Lexikographie: zum Material der linguistischen Wörterbücher: Ph. – Krasnodar, 2007. – S. 269.
12. Kozyrev V. A. Universum in alphabetischer Reihenfolge: Essays zu den Wörterbüchern der russischen Sprache. – SPb.: Verlag der Russischen Staatlichen Pädagogischen Universität, 2002. – S. 198.
13. Linguistik. Großes Enzyklopädisches Wörterbuch / herausgegeben von V. N. Yartseva. N. Jartseva. – 2. Auflage. – M.: Große Russische Enzyklopädie, 1998. – S. 386.
14. Morkovkin V.V. Grundlagen der Theorie der Lehrlexikographie: Ph. D. in Philologie in Form eines wissenschaftlichen Berichts. – M.:Institut für russische Sprache, benannt nach A.S. Puschkin, 1990. – S. 298.
15. Morkovkin V.V. Zu Umfang und Inhalt der «theoretischen Lexikographie» // Probleme der Linguistik. – 1996. – S. 152.
16. Morkovkin V.V. Über Wörterbuchlexikologie // Russische Sprache im Ausland. – 2001. – S. 281.
17. Russische Sprache. Enzyklopädie / herausgegeben von Yu. – 2. überarbeitete und ergänzte Auflage – M.: Great Russian Encyclopedia, Drofa, 1997. – S. 386.
18. Stupin L.P. Lexicography of the English Language: Textbook. – Moskau: Oberschule, 1985. – S. 149.
19. Shcherba L.V. Linguistisches System und Sprachaktivität. – 2. Auflage. – Moskau: Unitorial URSS, 2004. – S. 159.

СПЕЦИФИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Смирнов Никита Николаевич

студент кафедры немецкого и французского языков
факультет иностранных языков педагогического института
НИУ «БелГУ»

Белгород, Россия / 1238433@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются национально-культурные признаки французской военной терминологии с компонентом эпонимом. Предлагается авторский взгляд на дефиницию термина «эпоним», который в свете проблемы культурной коннотации представляет особый интерес для исследователей. Культурологический багаж французской военной терминологии несет в себе наиболее яркие черты, отражающие как историческую часть Франции, так символы и традиции народа, поэтому основным принципом, определяющим подход и методы исследования, является антропоцентрический принцип. В статье раскрываются основные способы образования эпонимических существительных во французских военных реалиях, также осуществляется сравнения с эпонимами русской военной терминологии для выявления наглядных особенностей и различий в культурном аспекте. Намечаются перспективы исследования, которые связываются с выявлением национально-культурной специфики французской военной эпонимической картины мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, терминологическая система, эпоним, эпонимическое существительное, новообразования, военная терминология.

NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF FRENCH MILITARY TERMINOLOGY AND DIFFICULTIES IN TRANSLATION

Smirnov Nikita

Faculty of Foreign Languages

Belgorod State University

Belgorod, Russian Federation / 1238433@bsu.edu.ru

Abstract

The article considers the national and cultural features of French military terminology with an eponymous component. Proposed to the author's vision of the definition of the term "eponym" is proposed, which, in the light of the problem of cultural connotation, is of particular interest to researchers. The culture baggage of the French military terminology of units carries the most striking features that reflect both the historical part of France and the symbols and traditions of the people, therefore the main principle that determines the approach and methods of research is the anthropocentric principle. The article reveals the main ways of forming eponymous nouns in French military realities, and also compares with eponyms of Russian military terminology to identify visual features and differences in cultural aspect. The prospects for research are outlined, which are associated with the identification of the national and cultural specifics of the French military eponymous picture of the world.

Keywords: linguoculturology, terminological system, eponym, eponymic existence, new formations, military terminology,

В последнее десятилетия интерес лингвистов устойчиво направлен в сторону военной терминологии. Языковая картина мира неразрывно связана с военной терминологией, и свою очередь каждая отдельная страна имеет свои специфические особенности на уровне военной лексики. В данном случае интегральной частью создания особого видения национально-культурной картины Франции являются эпонимы, которые на наш взгляд представляет собой самый яркий, живой и своеобразный пласт словарного

состава любого языка. При этом «эпонимическая номинация является одним из продуктивных способов метонимического терминообразования во многих областях науки» [2, 113]. Эпонимические единицы, не раз являясь объектом исследования в филологических науках [1; 3]. Природа военных эпонимов тесно связана с культурно-историческими традициями нации.

В российских реалиях каждый из нас хоть раз слышал и даже использовал такие слова, как *Катюша* или *Калашников*. Другими словами, для создания эпонимических единиц используются имена известных людей. Кроме антропонимов большой пласт эпонимов языков образуется на основе топонимов греко-римской мифологии и античной литературы. Под эпонимами понимаются любые имена собственные, ставшие именами нарицательными. Эти имена, как правило, через определенную терминологию включаются в профессиональную коммуникацию и коммуникацию в целом [4]. В данной работе мы попытались провести исследования и понять, как и почему через эпонимы проявляются национально-культурные признаки.

Национально-культурные признаки французской военной терминологии неразрывно связаны с языковой картиной Франции и берут свое начало из области лингвокультурологии, поэтому, прежде всего, следует понять, из чего складывается языковая картина мира в целом и каждой отдельной страны в отдельности [5]. Так как мы исследуем военный пласт лексики, то и языковую картину мира мы будем рассматривать исходя из этой области знаний. Как показывает практика, большое количество военных терминов являются эпонимами, которые могут быть понятны только французскому обывателю. Исходя из этого, мы можем утверждать, что эпонимы, топонимы, зоонимы могут являться национально-культурным признаком французской военной терминологии

Как отмечалось ранее, в современной лингвистике под эпонимом понимаются любые имена собственные, ставшие именами нарицательными. Эти имена, как правило, через определенную терминологию включаются в профессиональную коммуникацию и коммуникацию в целом [4]. При этом следует подчеркнуть, что эпонимическая лексика наделена разнообразием структурной и семантической специфики и, соответственно, специальными деривационными моделями. Следует отметить, что имена собственные участвуют и в образовании не только эпонимических имен существительных, но и эпонимических прилагательных и глаголов. Терминологические эпонимы специального языка традиционно относятся к кодифицированным, нормированным, однозначным слоям профессиональной лексики. В процессе функционирования они могут стать полутерминами, профессионализмами или даже профессиональными жаргонизмами, дублирующими термины, представляющие собой точные обозначения понятий соответствующей сферы, приобретая признаки некодифицированных единиц и, соответственно, сопутствующие коннотационные элементы значения. Естественно, профессиональные жаргонизмы являются стилистически маркированными, как правило, сниженными единицами. Они характеризуются функционально-стилистической ограниченностью, наличием эмоционально-экспрессивной семы. Однако, стилистическая окрашенность эпонимических слов в сторону снижения или возвышения зависит от частотности их употребления: высокая частота в их функционировании превращает эпонимические термины в общеупотребительные слова, что можно, в частности, наблюдать среди военных эпонимов.

Благодаря высокой частоте употребления многие эпонимические выражения из области военной терминологии стали общезыковыми, общедоступными, общепонятными и общеупотребительными. Так, некоторые виды оружия получили свое названия в честь создателя: Винтовка Шасспо (создатель Антуан Альфонс Шасспо (Antoine Alphonse Chassepot); Винтовка Гра, разработанная Базилем Гра; Винтовка Лебеля. Автомат FAMAS (фр. Fusil d'Assaut de la Manufacture d'Armes de St-Étienne – штурмовая винтовка, которая разработана на оружейном предприятии MAS в Сент-Этьене). Неофициальное

название штурмовой винтовки – «клерон» (фр. Clairon – «горн»). Из-за непривычного внешнего вида французские солдаты называли её Le Clairon, что переводится как «горн» и является разновидностью духового музыкального инструмента.

В качестве ещё одного интересного примера можно привести винтовку PGM Ultima Ratio. В названии винтовки использовано латинское выражение ultima ratio regum (в переводе звучит как "последний довод королей"), которое король Франции Людовик XIV выгравировал на своих пушках.

В названиях французских авианосцев чаще всего прослеживается тенденция к использованию топонимов. Самым известным примером может служить авианосец Шарль де Голь. «Шарль де Голль» (фр. Charles de Gaulle, R91) – единственный действующий авианосец ВМС Франции, первый французский надводный боевой корабль с атомной силовой установкой, флагман французского военно-морского флота. Авианосец назван так в честь французского военного и государственного деятеля, основателя и первого президента Пятой республики генерала Шарля де Голля.

Особый интерес в нашем исследовании представляют собой подводные лодки. Название судна (корабля, лодки) является отражением истории, политики, нравов и вкусов определенной эпохи, исторического периода. Оно несет в себе информацию о национальной принадлежности, а часто и о существующем общественно-политическом строе. Традиция давать судам имена восходит ко временам Древнего Египта: суда фараонов "Явление в Мемфисе" и "Дикий бык" наводили трепет на средиземноморские берега еще за полторы тысячи лет до Рождества Христова. Первоначально правом на собственное имя обладали только военные корабли, так как во время боевых действий было необходимо знать, какие суда участвуют в сражении, кого потопили и кто вышел в итоге победителем. Гражданские суда стали обзаводиться названиями только в середине XIX века.

Подводные лодки типа «Сюффрен» – первый корабль проекта получил имя «Сюффрен» (фр. Suffren) в честь французского адмирала Пьера Андре де Сюффрена де Сан-Тропе. Подводные лодки типа Сюффрен состоят из 6 французских атомных подводных лодок и названы в честь французских флотоводцев XVII–XIX веков. Они получили имена Duguay-Trouin (Дюгэ-Труэн), Dupetit-Thouars (Дюпети Туар), Duquesne (Дюкен), Tourville (Турвиль) и De Grasse (Де Грасс). Подводная лодка Руби в 2015 году названа в честь подводной лодки Руби времен Второй Мировой Войны, которая входила в серию лодок, получивших свое название в честь драгоценных камней: Сафир (Сапфир) (фр. Saphir), Тюркуаз (Бирюза) (фр. Turquoise), Нотилус (Наутилус) (фр. Nautilus), Диаман (Алмаз) (фр. Diamant), Перль (Жемчуг) (фр. Perle). С нашей точки зрения, присваивая боевым единицам флота такие названия, их наделяли определенными характерными качествами, присущими каждому наименованию драгоценного камня: слово «бирюза», или по-персидски «фирузэ», – «приносящий счастье»; «пируз» – «приносящий победу»; сапфир является символом силы, оптимизма, бодрости; рубин является оберегом; алмаз можно трактовать как символ прочности; жемчуг символизирует силу воды. Рассуждения и подсчеты, проведенные в этой области, привели к следующим выводам: в данном случае прилагательные использованы в таком ключе, чтобы показать мощь и силу флота.

В нашей стране такая тенденция также прослеживалась. В 1930-е гг. специально для нужд пограничных частей НКВД были построены четыре пограничных сторожевых корабля, получивших названия драгоценных камней: "Бриллиант", "Рубин", "Жемчуг" и "Сапфир". Традиция называть пограничные корабли «именами» драгоценных камней была продолжена и после Великой Отечественной войны. В середине 1970-х гг. специально для морских частей погранвойск СССР строилась серия кораблей проекта 1124П: "Изумруд", "Бриллиант", "Жемчуг", "Рубин", "Аметист" и "Сапфир". Возможно, в нашей стране военные корабли назывались в честь драгоценных камней с той же целью, что и французские.

Сравнивая национально-культурные признаки французской и отечественной военной терминологии, можно заметить их сходства и различия. В нашей стране, как и

во Франции, мы имеем большое количество кораблей, названных в честь известных людей, например, "Дмитрий Донской", "Юрий Долгорукий", "Александр Невский", "Владимир Мономах". Отличительной же особенностью российского флота можно считать использование большого количества топонимов в названиях военных кораблей, например, атомные подводные лодки "Воронеж", "Смоленск", "Тверь" и т.д.

Можно заметить, что ещё одной особенностью при выборе названия для субмарин Франции, является использование устрашающих слов. В качестве примера можно привести названия подводных лодок баллистического типа, таких как «Триумфан» – «Триумфатор», а также подводные лодки типа «Редутабль» (фр. Le Redoutable, рус. грозный, устрашающий).

При присвоении названий подводным лодкам Франции часто используются топонимы из греко-римской мифологии и античной литературы. Рассмотрим некоторые примеры.

- Подводные лодки типа «Минерва» (фр. Classe Minerve) названы в честь Минервы, богини войны.
- Подводные лодки типа «Диан» (фр. Classe Diane) – серия «Е» 630-тонных подводных лодок французского флота, построенных перед Второй мировой войной по программам 1926 (2 единицы). Особенность данной программы является использование мифологических эпонимов:
  - Диан (Диана) (фр. Diane) – богиня охоты;
  - Медуз (Медуза) (фр. Méduse) – взгляд на её лицо обращал человека в камень;
  - Амфитрит – морская богиня, которая почитается наравне с Посейдоном;
  - Антиоп (Антиопа) – скорее всего здесь понимается царица амазонок;
  - Ля Сибилль (Сивилла) – богиня, предсказывающая бедствие.

Во французском языке встречаются случаи использования зоонимов и зоотизмов как для наименования операций, например, Операция «Сервал», Операция «Пеликан», Операции «Кабан», Операция «Бульдог», так и для названий военной техники. Примеры использования зоонимов в названиях военной техники: EADS Harfang (le harfang) – европейский разведывательный БПЛА; le harfang des neiges – полярная сова; вертолет Le Cougar le cougar – горный лев, пума [6].

Таким образом, в ходе исследования были выделены 38 номинаций (10 – оружие Франции, 6 авианосцев, 4 танка, 18 подводных лодок). Как нам удалось заметить, национально-культурные признаки французской военной терминологии проявляются по-разному. Среди лексики, относящейся к оружию, чаще всего используются имена его создателей (в основном это оружие, созданное в довоенные годы); в настоящее время для еще большей краткости используются аббревиатуры, происходящие от завода, производящего данное оружие, или используются модификации американского или немецкого оружия, что может свидетельствовать об ослаблении внутривойсковых позиций в военных вопросах при нахождении страны в рядах НАТО. Среди лексики, относящейся к военным подлодкам, мы можем увидеть тенденцию к использованию устрашающих названий; в этом заключается отличие от русских реалий (названия российских подводных лодок чаще всего относятся к топонимам – Курск, Воронеж, Севастополь). Интересным фактом является и использование мифологических эпонимов, что может объясняться воздействием социально-исторических факторов и культурных традиций; сюда же можно включить использование обычных эпонимов, к которым относятся названия в честь известных полководцев или создателей кораблей.

Литература

1. Введенская, Л. А. От собственных имён к нарицательным. – М.: Просвещение, 1989. – С. 140–143.
2. Гатауллин Р.Г., Фатыхова Л.А. Эпонимическая номинация оружия в русском и немецком языках. 2017. №1. – С. 113-121.

3. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р. Валент, 2001. – С. 180–200.
4. Седых А.П. О персонифицированной французской культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 154-156.
5. Седых А.П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки. Учебно-методическое пособие. Белгород, 2021. 252.
6. Электронный словарь ABBYYLINGVO [Электрон.ресурс] – Режим доступа: <http://lingvo.ru/>

References

1. Vvedenskaya, L. A. Ot sobstvennyh imyon k naricatel'nyh. – M.: Prosveshchenie, 1989. – S. 140–143.
2. Gataullin R.G., Fatyhova L.A. Eponimicheskaya nominaciya oruzhiya v russkom i nemeckom yazykah. 2017. №1. – S. 113-121.
3. Ermolovich, D. I. Imena sobstvennye na styke yazykov i kul'tur. – M.: R. Valent, 2001. – S. 180–200.
4. Sedykh A.P. (2011) *O personosfere francuzskoj kul'tury // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [On the personosphere of French culture // Philological sciences. Questions of theory and practice] № 2 (9). 154-156.
5. Sedykh A.P., Marabini A. (2021) *Frazeologija i perevod: francuzskij, ital'janskij i russkij jazyki. Uchebno-metodicheskoe posobie* [Phraseology and translation: French, Italian and Russian. Study guide]. Belgorod. 252.
6. Elektronnyj slovar' ABBYYLINGVO [Elektron.resurs] – Rezhim dostupa: <http://lingvo.ru/>

УДК 81'72

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ХОРЕОГРАФИИ И БАЛЕТА

Ткачева Ксения Андреевна

студент кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия /

ksenya.tkacheva.001@mail.ru

Кривчикова, Нэля Леонидовна

Кандидат филологических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия /

krivchikova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассмотрены понятие "заимствование", его виды и особенности. Описаны основные причины заимствования терминов. Изучены единство и взаимосвязанность балета и французского языка. Проанализированы лексические заимствования из французского языка в сфере хореографии и балета. Исследованы особенности ассимиляции балетных терминов. Представлены примеры фонетической и морфологической ассимиляции.

Ключевые слова: заимствование, ассимиляция, балет, французский язык.

BORROWINGS FROM THE FRENCH LANGUAGE IN THE FIELD OF CHOREOGRAPHY AND BALLET

Tkacheva Ksenya Andreevna

Student of German and French department
Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia /

ksenya.tkacheva.001@mail.ru

Krivchikova Nelya Leonidovna

Associate Professor, PhD in Philology
Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia /

krivchikova@bsu.edu.ru

Abstract

This article examines the concept of "borrowing", its types and features. The main reasons for borrowing terms are described. The unity and interconnection of ballet and the French language are studied. Lexical borrowings from the French language in the field of choreography and ballet are considered and analyzed. The features of assimilation of ballet terms are investigated. Examples of phonetic and morphological assimilation are presented.

Keywords: borrowing, assimilation, ballet, French language.

Помимо внутренних источников, таких как семантическая эволюция и словообразование, любой язык обладает внешним источником обогащения лексики – это заимствование терминов у другого языка. Это языковое явление тесно связано с развитием общества и с историей народа.

Заимствования сначала используются для обозначения нового референта, пришедшего из другой культуры и еще не имеющего наименования: затем лексический элемент вводится вместе с тем, что он обозначает. Рассмотрим понятие заимствование: – это процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (прежде всего, слово или полнозначная морфема); – процесс, в результате которого происходит переход лингвистической единицы из одного языка в другой [Phelizon 2012, 75]; – интеграция в язык элемента чужого языка [Mounin 2011, 124].

Лингвисты различают прямые (неопосредованные) и косвенные (опосредованные) заимствования. Первые заимствуются непосредственно одним языком из другого: франц. *marche* – рус. марш; косвенные заимствования производятся при помощи третьего языка. Например, через древнеславянский язык было принято несколько греческих слов: *демон*, *лампада*. Главным преимуществом заимствования является то, что оно служит источником для развития, межкультурных связей, преобразования стиля жизни, познания культурных и духовных ценностей, достижений [Белогуб 2006, 115].

Основными причинами заимствования являются следующие:

- контакты народов за всю историю их существования;
- необходимость обозначения новых тем и концепций;
- прогрессивное развитие нации в какой-либо сфере деятельности;
- развитие моды и ее влияние;
- тенденция экономить языковые ресурсы;
- влияние международного языка.

С тех пор, как Людовик XIV в 1661 году основал первую балетную школу в Париже, известную сегодня как «*École de Ballet de l'Opéra de Paris*», общепризнано, что балет говорит по-французски. И на самом деле, балетная лексика – это французские определения. И такие термины, как «*pas de deux*», «*port de bras*» или «*répertoire*», не редкость для любителей классического танца, потому что они относятся к базовому словарю балета [Борисоглебский 1938, 32].

Становление словаря балетных и хореографических терминов в русском языке связано непосредственно с проникновением заимствованных единиц сферы танца из разных языков. Из истории возникновения балета было выяснено, что основной фонд лексики данной сферы составляют слова французского происхождения.

Но чтобы полноценно использовать термины балетных и хореографических движений и упражнений в русском языке, терминология танца подверглась некоторым изменениям. В данной статье рассматривается процесс фонетической и морфологической ассимиляции балетных терминов.

Фонетические системы французского и русского языков различны. Следовательно, слова французского языка при вхождении в русский словарь подвергаются некоторым изменениям в произношении.

Это происходит постепенно. Существуют случаи, когда слово перешло в другой язык, сохранив свою первоначальную фонетическую форму. Но звуки этого слова отсутствуют в языке, который перенял его [Крысин 2012, 105].

Рассмотрим особенности фонетической ассимиляции французской балетной лексики:

1. Исчезают носовые гласные, которые характерны для французской фонологической системы. Французские буквосочетания меняются так:

- «an, am, en, em» на «ан»;
- «im, in, ain, aim, ein, eim» на «эн»;
- «on, om» на «он».

À la seconde (франц. во вторую позицию; рус. алязегонд, аляскон, алясекон) – поза классического танца, где нога через вторую позицию поднята на 90 градусов или выше.

Battements (франц. биения, удары; рус. батманы) – движения работающей ноги танцора (тело расположено на другой), которые составляют определенную группу: вытягивание ноги, плавное или резкое поднимание. Существует несколько форм этого движения, они могут быть простыми, сложными, или многосоставными.

Ballon (от франц. balle – шар; рус. баллон) – движение в прыжке, когда танцор сохраняет позу или положение, которые он принял на земле (он как будто замирает в воздухе).

Pointe (франц. наконечник, острие; рус. пуанты) – 1. Вид обуви, у которого имеется твердый носок, эта обувь предназначена для исполнения классического танца женщин. 2. Исполнение танцевальной композиции на кончиках пальцев: этот элемент является одним из основных в сфере женского классического танца.

En l'air (франц. в воздухе; рус. ан лэр) – обозначает движение, которое исполняется в воздухе.

En tournant (франц. в повороте; рус. ан турнан) – обозначает поворот на определенное количество градусов при исполнении pas: на четверть, половину круга, целый круг.

Enchaînement (франц. ряд, цепочка; рус. аншэнман) – 1. Комбинированные движения и положения танцовщика, которые идут по цепочке и составляют танцевальную фразу. 2. Соединение нескольких движений.

Aplomb (франц. равновесие; рус. апломб) – когда танцор достигает устойчивости в танце, которую сохраняет при помощи удерживания центра тяжести над площадью опоры; подчеркивается уверенное исполнение танца.

Важно отметить, что в данном термине присутствует согласная «b» на конце, которая, согласно правилам чтения, во французском языке не произносится. Однако, в русском эквиваленте она сохраняет свое звучание, и заимствование произносится как «апломб».

Grand plié (франц. глубокий присед; рус. гран плие) – движение, когда танцор глубоко приседает, стоя на двух ногах, сгибает колени до предела, отрывает пятки от пола.

2. Аналог французскому звуку «é» в русском языке отсутствует, поэтому он меняется на промежуточный звук [э], в основном, в окончании слова.

Brisé (франц. разбитый; обозначает лёгкий, порывистый морской ветер – рус. бризе) – танцор выполняет маленький прыжок, продвигаясь за ногой вперед или назад. Этот маленький прыжок завершается в V позиции. Существует два вида бризе: **brisé dessus** (рус. бризе десо) – прыжок вперед; **brisé dessous** (рус. бризе десу) – прыжок назад.

Jeté (франц. выкинутый; рус. жете) – движение, при котором нога должна быть строго прямой, танцор поднимает ее вперед, назад или в бок.

Plié (франц. согнутый, складчатый; рус. плие) – танцор приседает на одной или двух ногах. Если это «demi plié (франц. полусогнутый; рус. деми плие)», то танцор выполняет полуприсяд, не отрывая пяток от пола, а если это «grand plié (франц. сильно согнутый; рус. гран плие)», то танцор сгибает колени до предела, отрывая пятки от пола.

Piqué (от франц. *piquer* – уколоть; рус. **пике**) – движение, когда танцор легко дотрагивается пола кончиками пальцев рабочей ноги и поднимает ногу на определенную высоту

4. Гроссированный звук [r] заменяется на обычный звук [p] в русском языке.

Arabesque (франц. арабский; рус. арабеск) – основная поза классического танца, при которой танцор поднимает ногу назад, вытягивая колено.

Tour (франц. оборот, поворот; рус. тур) – движение, при котором танцор совершает оборот тела по вертикальной оси на 360°.

5. Согласный звук [l], смягченный во французском языке, в русском языке становится твердым звуком [л]: *développé, ballonné, ballotté, lent, ballon*.

В процессе формирования балетной терминологии и лексики хореографии слова подвергаются не только фонетическим искажениям, но также они проходят морфологическую (грамматическую) ассимиляцию. Особенности данного языкового явления заключаются в том, как изменяется внешний облик заимствованной лексемы при переходе из одного языка в другой [Князева 2008, 125]. Заимствование может:

1) Соответствовать или не соответствовать морфологическим моделям языка, который перенял его

2) Подвергаться изменению части речи, рода, числа

3) Делиться на составные части

4) Преобразоваться из группы слов в одно слово

Данные слова перешли из категории прилагательных в категорию существительных:

- *Arabesque* (франц. арабский) – рус. Арабеск (сущ.);
- *Royal* (франц. королевский) – рус. Ройяль (сущ., вид прыжка);
- *Allongé* (франц. удлинённый) – рус. Аллонже (сущ.).

Часто род существительных при переходе из французского языка в русский меняется:

- *Préparation* (ж.р.) – препаратсьон (м.р.)
- *Pointe* (ж.р.) – пуант (м.р.)

Морфологические изменения происходят также при грамматическом переосмыслении слов и в процессе лексикализации. Грамматическим переосмыслением является процесс перехода слова одной части речи из языка-источника в другой язык, где это слово становится другой частью речи [Даниленко 2012, 15].

Субстантивация французских причастий довольно часто встречается в балетной терминологии русского языка. Например:

- *Croisé* (франц. скрещенный; рус. круазе) – положение корпуса
- *Effacée* (франц. сглаженный; рус. эфассе) – положение корпуса

Лексикализация – это языковой процесс, в котором группа слов одного языка, переходя в другой, образует одно слово. Рассмотрим примеры лексикализации балетных и хореографических терминов:

- *Mise en scène* (франц. постановка на сцене; рус. мизансцен)
- *Corps de ballet* (франц. корпус балета, основа балета; рус. кордебалет) – массовое исполнение танца

Что касается категории числа, которая во французском языке выделяется лишь на письме, то в русском языке заимствования также употребляются во множественном числе, с окончаниями, характерными русской грамматике [Бельчиков 2009, 29]. Например, *battements* – батманы; *attitudes* – аттитюды; *preparations* – препаратсьоны; *pointes* – пуанты; *tours* – туры.

Изучив понятие «заимствование» и сферу классического танца, можно сделать вывод, что заимствованная из французского языка терминология балета и хореографии широко используется в русском. Лексика танца претерпела некоторые изменения, которые были изложены в данной статье. В основном, термины подверглись фонетической ассимиляции, но зафиксированы и грамматические изменения.

Литература

1. Белогуб, А. Л. Опыт статистического исследования тенденции развития терминологической лексики иноязычного происхождения // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – Воронеж: Изд. Воронежского университета, 2006. – С. 114-119
2. Бельчиков, Ю.А. Интернациональная терминология в русском языке. – М.: Учпедгиз, 2009. – 78 с.
3. Борисоглебский М. Прошлое балетного отделения Петербургского театрального училища, 1938. – 60 с.
4. Даниленко, В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 2012. – С. 7-68.
5. Князева, Г. Ю. Понятие ассимиляции заимствований и методика ее исследования // Лингвистика и методика в высшей школе, 2008. вып. 5. – С. 124-130.
6. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 2012. – 208 с.
7. Mounin, G. Dictionnaire de la linguistique. – Paris: PUF, 2011. – 340 p.
8. Phelizon, J. H. Vocabulaire de la linguistique. – Paris: eds Roudel, 2012. – 280 p.

References

1. Belogub, A. L. The experience of statistical research trends in the development of terminological vocabulary of foreign origin // Questions of terminology and linguistic statistics. – Voronezh: Ed. Voronezh State University, 2006. – P. 114-119
2. Belchikov, U. A. International terminology in the Russian language. – M.: Uchpedgiz, 2009. – 78 p.
3. Borisoglebsky M. The past of the ballet department of the St. Petersburg Theater School, 1938. – 60 p.
4. Danilenko, V. P. Lexico-semantic and grammatical features of word-terms // Research on Russian terminology. – M.: Nauka, 2012. – P. 7-68.
5. Knyazeva, G. U. The concept of assimilation of borrowings and the methodology of its research // Linguistics and methodology in higher school, 2008. issue 5. – P. 124-130.
6. Krysin, L. P. Foreign words in modern Russian. – Moscow: Nauka, 2012. – 208 p.
7. Mounin, G. Dictionary of linguistics. – Paris: PUF, 2011. – 340 p.
8. Phelizon, J. H. Vocabulary of linguistics. – Paris: ed Roudel, 2012. – 280 p.

УДК 81'1

ЛЕКСИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ

Трещёва Наталья Васильевна

канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого
и французского языков

Белгородский Государственный

Национальный Исследовательский

Университет

Белгород, Россия / trescheva@bsu.edu.ru

Пашинская Софья Антоновна

магистрант кафедры немецкого и
французского языков

Белгородский Государственный

Национальный Исследовательский

Университет

Белгород, Россия /

paschinskaya.s@yandex.ru

Аннотация

Экономический кризис, уже в течение нескольких лет является бесспорным главным героем политической, экономической и социальной сцены. По мере развития его последствий для французской и мировой экономической системы появляются особые трудности, связанные со специализированной лексикой, существует необходимость в обозначении новых понятий, реалий, что в свою очередь находит отражение в языке, способствуя формированию новых терминосистем. Большой интерес для исследователей вызывает вопрос, связанный с анализом того, как пресса относится к проблеме кризиса, а полем нашего исследования будут экономические страницы французской прессы. В данной статье рассматривается один из наиболее продуктивных анализов, осуществляемых на основе лингвистических и экстралингвистических инструментов, с

целью выявления различных лингвистических и дискурсивных процессов, участвующих в распространении экономически корректного дискурса.

Ключевые слова: экономический кризис, терминология, информационные технологии, лингвистический, экономически корректный, дискурс.

VOCABULARY OF THE ECONOMIC CRISIS IN THE FRENCH PRESS

Trescheva Natalya Vassilyevna

Candidate of philological sciences,
Associate Professor of German and French
languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / trescheva@bsu.edu.ru

Paschinskaya Sofia Antonovna

Graduate student of the German and French
languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia /
paschinskaya.s@yandex.ru

Abstract

The economic crisis is probably today and for some years now the undeniable protagonist of the political, economic and social scene. We will indeed deal here with the economic crisis, known as the subprime crisis, and the consequences that this has engendered in the French and global economic system. Not having a very broad knowledge of economics, but nevertheless keen to understand this “unprecedented” crisis, to give meaning to a social problem of such magnitude, we have decided to examine it through a precious tool: language or more precisely linguistic. Our objective will be to analyze the way in which the press treats the problem of the crisis and our field of research will be that economic pages of the general press. This analysis, carried out on the basis of linguistic and extralinguistic tools, will be carried out with the aim of identifying the different linguistic and discursive processes involved in the propagation of the economically correct discourse.

Key words: economic crisis, terminology, information technology, linguistic, economically correct, discourse.

Following the dissemination activity carried out by the press, the reader had access to a set of new concepts from the economic and financial world; we therefore propose to observe how this distribution was conducted by the daily newspapers. Through analysis of our “corpus”, we observed that the activity of lexical popularization has concentrated on a set of specialized terms, related to the financial crisis, of which the most recurrent are the terms *subprime*, *titrisation*, *monolines*, *rating et swaps*, the acronyms *ABS*, *CDO*, *LBO*, *Sicav*, *SPV* and lexical compounds *hedge funds*, *credit crunch*, *assouplissement monétaire et véhicules spéciaux*. The term *subprime* is, of course, the one that counts the greatest number of occurrences and it is explained, in the majority of occurrences, by a definition. However, we were able to observe a certain ambiguity around the explanation of the signified; indeed, we found a semantic inconsistency that is expressed through the use of a homogeneous definition expressing three heterogeneous notions and which, therefore, causes confusion at the level of different concepts, designated indistinctly. As we can notice it by observing the examples from [1] to [9], the French press does not do well on the distinction between *subprime*, *subprime loans* and *subprime mortgages*. In reality, the term *subprime* refers to a category of non-prime borrowers, classified within a non-payment risk category higher than that prime borrowers, the safest for creditors. The lexical compound *subprime loans* refers to loans made to subprime borrowers and ultimately the compound *subprime mortgages* refers to loans granted to subprime mortgages:

1. « L'une après l'autre, les entreprises américaines spécialisées dans le “*subprime*”, les *crédits immobiliers à risque*, ferment boutique. » (Libération, 4/08/2017)

2. « Cette déclaration a relancé les craintes d'extension au secteur financier de la crise immobilière, provoquée au départ par les difficultés de ménages ayant contracté des *crédits hypothécaires à risque* (“*subprime mortgages*”). » (Libération, 01/08/2017)

3. « Le boulet de l'économie mondiale a un nom : “*subprime loans*”. Ce marché des *prêts immobiliers à risque* consentis aux emprunteurs les moins solvables. » (Libération, 03/08/2017)

In *Liberation*, the semantic ambiguity is limited to the concepts of *subprime* and *subprime loans*. On the other hand, the definition of *subprime mortgages* is precise and makes it possible to distinguish this notion of the other two.

4. « Aux États-Unis, deux importants hedge funds de Bear Stearns, embarqués dans la crise de secteur des *prêts immobiliers à risque*, ces fameux *subprime loans*, se trouvent menacés de débâcle. » (Le Figaro, 14/10/2017)

5. « En effet, les marchés craignent que les difficultés rencontrées récemment par deux fonds spéculatifs gérés par la banque Bear Stearns ne soient révélatrices de nouvelles tensions sur le marché des *prêts hypothécaires à risque (subprimes)* et que cette crise puisse se propager à l'ensemble du secteur financier. » (Le Figaro, 14/10/2017)

6. « Le vent mauvais était venu des États-Unis avec les inquiétudes de plus en plus vives de propagation de la crise des "*subprimes*", ces sociétés spécialisées dans le crédit hypothécaire à hauts risques, dont plusieurs sont déjà sous la protection de la loi américaine sur les faillites. » (Le Figaro, 14/10/2017)

7. « Cette estimation est basée sur une prévision de 15 milliards de dollars de dépréciation due aux *crédits subprimes (CDO)*, avec également une dépréciation de 3 milliards pour d'autres investissements. » (Le Figaro, 04/03/2018)

In *Le Figaro*, the ambiguity concerns the three concepts studied and becomes even more obvious in [6], where the journalist defines *subprime* as "*sociétés spécialisées dans le crédit hypothécaire à hauts risques*", whereas this type of company refers to *subprime lenders*. Also imprecise is the information given in [7], where the journalist reformulates the syntagm *crédits subprimes* using the acronym CDO (*Credit Debt Obligation*). In reality, CDO are credit-backed loans (ABCP or ABS) which, in turn are backed by *subprime loans*. By defining *crédits subprimes* as CDO, the journalist risks confusing the reader and, on the other hand, he does not provide any information about securitization and its specific risks.

In *Le Monde*, we do not find the syntagm *subprime loans*; but we find the syntagm *subprime lenders* correctly defining as the companies risky mortgage loan. In this daily newspaper, the lexical ambiguity concerns only the term *subprime* and the syntagm *subprime mortgages*, glossed interchangeably as credit real estate at risk or mortgage credit at risk. Here, the imprecision is double because, on the one hand, the absence of the syntagm *subprime loans* does not make it possible to differentiate the credits risky real estate loans (*subprime loans*) and risky real estate loans, engraved mortgages (*subprime mortgages*). On the other hand, because the distinction between *subprimes*, considered as borrowers with a high risk of non-payment and *subprime mortgages* is not presented. Let's look at the examples:

8. « En Asie, le recul était également sensible, les investisseurs s'inquiétant des conséquences de l'effondrement de l'industrie américaine des prêts immobiliers à risques (*subprime mortgages*) sur la consommation aux États-Unis, et donc les exportations chinoises et japonaises. » (Le Monde, 18/03/2017)

9. « De fait, l'origine de la crise est spécifique. Elle réside dans les difficultés des "*subprime mortgages*", ces crédits octroyés aux ménages américains les plus modestes. » (Le Monde, 03/08/2017)

10. « Exposée à la crise américaine du marché du crédit hypothécaire à risque ("*subprime*"), la banque Natixis a tenté, lundi 6 août, de rassurer les investisseurs » (Le Monde, 08/08/2017).

11. « Depuis le début de l'année, aux États-Unis, une cinquantaine d'organismes spécialisés dans la distribution de crédits immobiliers à risques – *subprime* – ont fait faillite. » (Le Monde, 09/08/2007)

12. « "L'un des risques est que la correction immobilière soit plus importante que prévu avec une contagion à la consommation", a déclaré M. Bernanke. Il a jugé que les problèmes économiques et sociaux liés à l'augmentation des défauts de paiement des emprunteurs les plus fragiles financièrement ("*subprime mortgage*") "vont probablement encore empirer avant qu'une amélioration soit en vue". » (Le Monde, 20/07/2017)

The ambiguity and imprecision resulting from a weak popularization activity are found, more obviously, when we examine the other terms or acronyms relevant to the economic and financial crisis; indeed, they come back, often, without any definition being provided to the reader. Let's look at these few examples:

13. « Le groupe est exposé, indirectement et de manière marginale, sur différentes activités: *titrisation, dette LBO et mortgage*. En terme d'activité, certains compartiments de banque de financement et d'investissement comme *la titrisation* ou les activités de *trading ont* naturellement été affectés au mois d'août. D'ailleurs, il ne s'agit que d'une fraction de la banque d'investissement. » (Le Figaro, 07/09/2017)

14. « La division "gestion d'actifs et services aux investisseurs" affiche un résultat net en progression de 3,8%. Pour la gestion d'actifs, la crise financière a entraîné une décollecte nette de 12,6 milliards d'euros (sorties de *Sicav monétaires dynamiques* et décollecte de *CDOs*) et des dépréciations d'actifs d'un montant de 76 millions d'euros ». (Libération, 07/11/2017)

15. « Une autre société de gestion a informé en début de semaine ses clients des difficultés traversées par trois de ses fonds de trésorerie, également dits "dynamiques" et qui s'étaient en partie portés sur des *CDO*. » (Le Figaro, 14/10/2017)

16. « Pourquoi une telle décision, rarissime dans le monde la gestion? BNP Paribas se déclare dans l'incapacité de calculer la valeur liquidative de ces *OPCVM* en raison de la disparition de la liquidité sur le marché des *produits de titrisation* adossés à des subprime mortgage, les emprunts immobiliers à haut risque. » (Le Monde, 10/08/2017)

17. « Faute de régulation stricte, les investisseurs ne savent plus le niveau de risques auxquels ils s'exposent. Un exemple : *les Sicav monétaires dynamiques* [plus risqués que *les Sicav classiques*], un vrai piège quand les marchés baissent. » (Libération, 11/08/2017)

18. « La Société Générale a annoncé, lundi 10 décembre, qu'elle allait rapatrier, dans son bilan, des actifs d'une valeur de 4,3 milliards d'euros, auparavant logés dans un "véhicule d'investissement structuré" (*SIV*). Ces actifs sont, pour partie, adossés aux prêts immobiliers américains à risques, les fameux subprimes. L'agence de notation Moody's les avait récemment jugés risqués, ce qui pouvait entacher la réputation de la banque. » (Le Monde, 12/12/2017)

In other cases, the newspapers examined, failing to offer an explanation of the concepts designated by acronyms, are simply limited to explaining the latter by their form not abbreviated, in brackets or in incise. Similarly, the unabbreviated form is, sometimes, simply glossed by the acronym.

19. « L'inquiétude grandit : ces banques ne parviennent toujours pas à évaluer l'ampleur de leurs pertes. Elles ont acquis ces dernières années d'énormes quantités d'"obligations adossées à des actifs" (*CDO*). Ces titres sont censés refléter la valeur de biens immobiliers acquis via des subprimes. » (Libération, 09/11/2017)

20. « En effet, la dette des "subprime" était titrisée sur les marchés, par le biais de *CDO* (*Collateral Debt Obligation*). Or les institutionnels ont indirectement investi dans le "subprime" à travers les crédits titrisés sur les marchés, par le biais de *CDO* (*Collateral Debt Obligation*). Mais elles comptabilisaient leurs opérations de *CDO*, en opérations de portefeuille. » (Le Figaro, 24/10/2017)

21. « Le sigle *ABS* signifie *asset backed securities*, il concerne donc les titres assis sur des actifs ou des créances. Or, ce marché est touché depuis plusieurs semaines par la crise du "subprime". » (Le Figaro, 09/08/2017)

ABS and *CDO* reformulants are hyponymic and appear as acronyms paraphrased. Given the extremely heterogeneous nature of subprime derivative securities, the recourse to hyponyms would seem useful in order to decide between them by favoring the understanding of the non-expert reader for whom this type of information is intended. However, the recognition of this semantic relationship is not easily identifiable because the two acronyms *ABS* and *CDO* do not mark a hierarchy of signified that is more specific by compared to other reformulants; on the contrary, they stand as synonyms of these. These training processes thus conceived play, in our opinion, an important role in the level of implicit interpretation of the statement; this because the

recognition of the hyponym is essentially based on cognitive inferences resulting from knowledge of the economic-financial domain. Indeed, we know here, thanks to the linguistic context, on the one hand, that a CDO is “*obligation adossée à un actif*” and, on the other hand, that it is a security which is causing growing concern among banks. We can then paraphrase, through interdiscursive inference, the acronym CDO with the syntagm *credit debt obligation* and we can therefore include it in the category of debt securities. However, to really understand what a CDO represents, the reader must hold certain economic and financial knowledge which therefore falls within the extralinguistic context. In order to specify which ones, let's look at the definitions that we were able to identify in our "corpus" of articles:

A) « Titres représentatifs de portefeuilles de créances bancaires ou d'instruments financiers de natures diverses. » (Le Monde, 28/08/2017)

B) « Produits de dette complexes dont la valeur de marché s'est effondrée à la suite de la crise des “*subprimes*”. » (Le Monde, 21/12/2017)

C) « Crédits structurés contenant des subprimes. » (Le Figaro, 07/03/2018)

In [A], CDO are defined as representative securities of debt portfolios banks, but technically these securities are not CDO; it is, on the other hand, ABS, pure and low-risk credit products. CDO are securities issued in counterparty of an ABS portfolio. The journalist from *Le Monde* also defines them as being securities representative of portfolios of financial instruments of various kinds, without specifying which ones. We can therefore infer that these financial instruments are the ABS and ABCP. These clarifications might seem unnecessary and too technical, but they are important in understanding the development of a financial system that is totally unrelated control.

In [B] and [C], CDO are defined as complex or structured products and, in these case too, there are not really any elements that can help us discover how the system works. We simply know that these securities are « *dérivés subprimes* », while like ABS.

Recognition of these “*substituts potentiellement euphémiques*” as hyponyms of « *dérivés subprimes* » can only be determined at the contextual level; on the other hand, cotextually, they appear as synonyms. The potential for understatement lies in the difficulty of recognizing the hyponymic relationship that connects these SPE to the category general of subprime securities. This difficulty determines a very general knowledge and ambiguity of the securitization process and the operation of the system.

22. « Sur l'ensemble du trimestre, le ratio de solvabilité Tier One de l'établissement bancaire progresse légèrement à 7,7 % au 30 septembre contre 7,6 % fin juin. La Société générale n'a, à ce jour, “consolidé aucun de ses six conduits commerciaux ni son unique *véhicule SIV*”, contrairement à certaines banques américaines, contraintes, du fait de la crise financière, de réintégrer ces produits dans leur bilan. » (Le Figaro, 08/11/2017)

Finally, we identified a certain number of cases where the journalist offers, admittedly, an explanation, but the most important data, for the purpose of understanding information, are not provided to readers. Let's look at these examples:

23. « De grandes banques européennes se sont engagées sur le marché immobilier américain via, souvent, des *LBO* [Leverage Buy Out, le rachat d'entreprises à crédit]. » (Libération, 10/08/2017)

In [23], the acronym is glossed as *Leverage Buy Out* and then defined as “*le rachat d'entreprises à crédit*”. In our view, however, the explanation is imprecise because the specificity, undoubtedly disturbing, of these redemptions – namely the leverage – is not mentioned. A more precise way of presenting this type of purchases would perhaps be, first of all, to use to its French translation, “*achat avec effet de levier*” and, then, to explain to readers that these are “*prises de contrôle de sociétés réalisées avec peu de fonds propres et beaucoup d'endettement*”.

24. « L'inquiétude grandit: ces banques ne parviennent toujours pas à évaluer l'ampleur de leurs pertes. Elles ont acquis ces dernières années d'énormes quantités d’“obligations adossées à des actifs” (*CDO*). Ces titres sont censés refléter la valeur de biens immobiliers acquis via des subprimes. » (Libération, 09/11/2017)

In [24], an explanation is offered (“*ces titres sont censés refléter la valeur de biens immobiliers acquis via des subprimes*”), but the scope of the information is weak. In effect, it is true that CDO reflect the value of real estate acquired via subprime mortgages, but this explanation does not provide readers with the necessary elements to understand the dangerousness of the financial system and, possibly, to criticize this one. What the reader should have known here is that CDO are debt-backed securities to other debt securities (ABS) which, in turn, are backed by loans granted to the public subprime. The profit margin of CDO being very high, this implies taking excessive risks.

Through the lexical analysis of our reference “corpus”, we were therefore able to observe that the popularization activity carried out by the French press is imprecise; it seems more relevant, in both cases, to speak of the diffusion of the term rather than of real popularization. There is, in fact, a non-negligible reference interference which makes us assume that the approximate explanation of these terms is linked to the desire to allow the reader to follow the event rather than the desire to make him competent and able to understand and assess for themselves the economic and financial reality. It is true that the lexical dissemination carried out by the press will have enabled the reader to enrich his lexical background, but it is a random enrichment since it does not really have access to the data necessary to understand the information presented.

Литература

1. Allouche V., *Approche interprétative des discours de presse*, Paris, L’Harmattan, 2012.
2. Charaudeau P., «L’analyse linguistique des discours des médias : apports, limites et enjeux », in *Revue Communication Éditions Nota Bene*, Québec, 2008.
3. Charaudeau P., «Une éthique du discours médiatique est-elle possible?», in *Revue Communication*, Vol. 27, Québec, Éditions Nota Bene, 2|2009.
4. Chupin I., Hube N., Kaciaf N., *Histoire politique et économique des médias en France*, Paris, La Découverte, 2009.
5. Лотте Д.С., *Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов*. – М.: Наука, 1982.

References

1. Allouche V., *Approche interprétative des discours de presse*, Paris, L’Harmattan, 2012.
2. Charaudeau P., «L’analyse linguistique des discours des médias : apports, limites et enjeux », in *Revue Communication Éditions Nota Bene*, Québec, 2008.
3. Charaudeau P., «Une éthique du discours médiatique est-elle possible?», in *Revue Communication*, Vol. 27, Québec, Éditions Nota Bene, 2|2009.
4. Chupin I., Hube N., Kaciaf N., *Histoire politique et économique des médias en France*, Paris, La Découverte, 2009.
5. Lotte D.S. *Issues of borrowing and streamlining of foreign terms and term elements*. – M.: Science, 1982.

УДК 81

ELEKTRONISCHE WÖRTERBÜCHER ALS EIN PRODUKT DER MODERNEN LEXIKOGRAPHIE

Schestakowa Assja Efimowna

Studentin des Lehrstuhls für Deutsch und Französisch,
Belgoroder Staatliche Forschungsuniversität,
Belgorod, Russland /
shestakovaasyaforstudy@yandex.ru

Kudryavtseva Natalya Borisovna

Dr. phil., Dozentin,
Belgoroder Staatliche
Forschungsuniversität,
Belgorod, Russland / nkud@bsu.edu.ru

Zusammenfassung

In diesem Artikel wird untersucht, wie sich die Lexikographie an die heutigen technischen Anforderungen und das Online-Umfeld angepasst hat. Wir werden uns auch mit dem Problem des Mangels an empirischen Daten befassen, auf das Lexikographen bei der

Zusammenstellung elektronischer Wörterbücher gestoßen sind. In dem Beitrag werden Kriterien für die Effizienz von Wörterbüchern und Ähnlichkeiten der Effizienzkriterien zwischen Papier- und elektronischen Wörterbüchern genannt. Hier werden die Möglichkeiten zur Verbesserung der Effizienz elektronischer Wörterbücher, ihre Vor- und Nachteile sowie die Gemeinsamkeiten bei der Entwicklung von gedruckten und elektronischen Wörterbüchern untersucht. Phonetische und orthographische Ansätze werden auch in Betracht gezogen. Die Wirksamkeit des Einsatzes von Multimedia in elektronischen Wörterbüchern und ihre Auswirkungen auf den Wortschatzerwerb werden diskutiert. Abschließend wird auf die Möglichkeiten der elektronischen Wörterbuchergänzung und -korrektur von Datenbanken sowie auf die Möglichkeiten der Klassifizierung und Organisation von lexikographischen Daten eingegangen.

Stichwörter: Lexikographie, elektronisches Wörterbuch, Effizienz elektronischer Wörterbücher, begriffliche und kulturelle Komponente

Die moderne Technologie ist tief in das Leben des modernen Menschen eingedrungen. In dem Bemühen, den Anforderungen der Zeit gerecht zu werden, reagiert die Lexikographie auf die neuesten technischen Anforderungen und passt sich dem elektronischen Umfeld an.

In der wissenschaftlichen Literatur werden die Begriffe elektronisches Wörterbuch, Computerwörterbuch und automatisches Wörterbuch häufig synonym verwendet [Fesenko, 2015: 47]. Elektronische Wörterbücher verdrängen die gedruckten Versionen in beeindruckendem Tempo, aber die Entwickler elektronischer Wörterbücher sind mit einem Mangel an Benutzerforschung konfrontiert. Die Analyse des Benutzerverhaltens in elektronischen Wörterbüchern erfordert Zeit für die Datenerfassung. Bis Daten über elektronische Wörterbücher allgemein verfügbar sind, verwenden Lexikographen die Gestaltungsprinzipien gedruckter Wörterbücher als Grundlage für den Aufbau einer elektronischen Wörterbuchdatenbank. Zusätzliche Daten können durch die Analyse menschlicher Aktivitäten mit Hilfe von Computern gewonnen werden. Die Hauptaufgabe der Lexikographen, die sich mit der Entwicklung elektronischer Wörterbücher befassen, besteht nach wie vor in der Entwicklung möglichst effizienter elektronischer lexikographischer Lösungen, die sowohl Informationen über das allgemeine Bild der Sprachwelt liefern als auch der Nachfrage der Benutzer gerecht werden.

Die Leistungskriterien für elektronische Wörterbücher bleiben dieselben wie für Papierwörterbücher, nämlich die Fähigkeit, den Nachschlagebedarf des Benutzers zu befriedigen, und die Fähigkeit, diesen Bedarf in angemessener Zeit und mit dem erforderlichen Detaillierungsgrad zu decken. Außerdem müssen die Daten in einer verständlichen Form dargestellt werden. Daraus lässt sich schließen, dass die lexikografischen Daten unabhängig von der verwendeten Plattform nicht sehr unterschiedlich sind.

Ein unbestreitbarer Vorteil eines elektronischen Wörterbuchs ist die Leichtigkeit und Schnelligkeit, mit der die erforderlichen lexikografischen Informationen gefunden werden können, sowie der Einsatz von Multimedia.

Es gibt zwei Arten von elektronischen Wörterbüchern: Software-Wörterbücher und Online-Wörterbücher.

Software-Wörterbücher. Diese Art von Wörterbüchern wird von einer Organisation oder einem Unternehmen entsprechend den Anforderungen und Nutzungszielen ihrer Benutzer entwickelt. Diejenigen, die das Wörterbuch nutzen möchten, laden das Programm auf einen Computer, ein Mobiltelefon usw. herunter. Wörterbücher in Form von Software sind weit verbreitet und im Handel erhältlich.

Ein Online-Wörterbuch kann von jedem genutzt werden, der einen Internetzugang hat. Möglicherweise übersteigt die Zahl ihrer Nutzer aufgrund des freien Zugangs zu solchen Wörterbüchern die Zahl der Nutzer von Software-Wörterbüchern [Dambuev, 2011: 18]. Zu den Besonderheiten solcher Wörterbücher gehört, dass die Benutzer neben der Grundbedeutung auch zusätzliche Bedeutungen anhand von konkreten Beispielen lernen und die Bedeutung fehlender Wörter in das Programm eingeben können.

Ein gut gemachtes elektronisches Wörterbuch sollte den Übergang von der flektierenden Form zur Grundform ermöglichen. Außerdem kann das elektronische Wörterbuch bei falscher

Eingabe eines "Stichworts" in das Suchfeld Varianten der richtigen Schreibweise anstelle der fehlerhaften vorschlagen. Darüber hinaus kann ein solches Wörterbuch nicht nur die Bedeutung eines bestimmten Wortes aufzeigen, sondern auch, wie es innerhalb der phraseologischen Einheiten funktioniert, deren Darstellung in gedruckten Wörterbüchern viele Fragen und Streitigkeiten verursacht. Außerdem kann der Prozess des Auffindens notwendiger Informationen durch die Verwendung von Hyperlinks, die den Benutzer zu den benötigten Informationen führen, maximal verkürzt werden.

Ein elektronisches Wörterbuch erweitert die Möglichkeiten zur Beschreibung einer Wortschatzeinheit erheblich. Es handelt sich nicht nur um eine Vergrößerung der Anzahl der im Wörterbuch enthaltenen Einheiten, um eine Reflexion ihrer Bedeutung und Funktion, sondern auch um eine Beschreibung der grammatikalischen Merkmale, der Wortzusammensetzung, der Aussprachemerkmale, der Herkunft, einer unbegrenzten Anzahl von Kontexten, der Phraseologie, der begrifflichen und kulturellen Komponenten [Podkich, 2021: 167]. Diese Vielfalt an Merkmalen macht das Wörterbuch universell und ermöglicht es, das Leben eines Wortes und die Besonderheiten seiner Verwendung in der Sprache nachzuvollziehen.

Ein elektronisches Wörterbuch entspricht voll und ganz den Bedürfnissen seines Benutzers: Jemand muss die Rechtschreibung eines Wortes überprüfen, jemand muss seine Aussprache und seinen Gebrauch überprüfen usw. Daher richtet sich dieses Computerwörterbuch vor allem an Leser verschiedener Bildungsniveaus, Kulturen, Berufe, Stadt- und Landbewohner, Schüler und Studenten, Wissenschaftler usw. Das elektronische Format fasst verschiedene Merkmale der Spracheinheiten zusammen, so dass dieses Wörterbuch jederzeit leicht zu benutzen ist.

Eine Möglichkeit, die gewünschten lexikografischen Informationen zu finden, ist der phonetische Zugang. Dieser Zugangsweg hängt nicht von der Rechtschreibung ab, sondern von den phonetischen Zeichen. Wenn man über den phonetischen Zugang zu lexikografischen Daten spricht, kommt man natürlich nicht umhin, die Spracheingabe und Spracherkennung zu erwähnen. Eine solche Methode kann für einen Benutzer mit durchschnittlichen Referenzkenntnissen sehr vielversprechend sein [Sylviane, Magali, 2012: 236]. Das Hauptproblem einer solchen Methode liegt im Umgang mit einem Benutzer mit unregelmäßiger Aussprache oder Akzent.

Das Ziel eines gut konzipierten elektronischen Wörterbuchs besteht also darin, die Genauigkeit des orthografischen Zugriffs zu verbessern, indem es seine Fähigkeit verfeinert, die beabsichtigte lexikografische Information zu "erraten", indem es Assoziationen zwischen nicht identischen, aber einigermaßen ähnlichen Varianten erkennt. Im Wesentlichen läuft dies auf die Korrektur von Rechtschreibfehlern in Analogie zu Texteditoren hinaus. Der Unterschied besteht darin, dass Texteditoren für Benutzer optimiert sind, die in ihrer eigenen Sprache schreiben. Trotz dieser Schwierigkeiten sollte eine Rechtschreibprüfung als Teil eines elektronischen Wörterbuchs in der Lage sein, nach Möglichkeit sinnvolle Vorschläge zu machen.

Die Möglichkeit, Multimedia in lexikografische Daten einzubinden, scheint eine attraktive Möglichkeit zu sein, die Effizienz moderner Wörterbücher zu verbessern. In Studien wurde festgestellt, dass die Hinzufügung von Bildern zu lexikografischen Daten eine positive Auswirkung auf den Wortschatzerwerb der Benutzer hat. Videomaterial hingegen hat in diesem Bereich keine Produktivität gezeigt. Dies wird auf die Vergänglichkeit von Videomaterial zurückgeführt, das – anders als statische Bilder – nicht die Stabilität aufweist, die es den Nutzern ermöglicht, ein zuverlässiges mentales Modell zu entwickeln. Andererseits hat sich der Einsatz von Audiomaterialien positiv auf den Wortschatzerwerb ausgewirkt, zumindest bei Englischlernenden in Hongkong [Fesenko, 2015: 48]. Dies kann jedoch auf die besonderen Nachschlagegewohnheiten der chinesischen Wörterbuchbenutzer zurückzuführen sein. Da chinesische Wörterbücher in der Regel phonologisch aufgebaut sind, spielt die phonologische Darstellung bei der Benutzung des Wörterbuchs eine praktische Rolle. Da dies bei den meisten anderen Sprachen nicht der Fall ist, wäre es verfrüht zu behaupten, dass sich ähnliche Vorteile von Audioaufnahmen auch für Sprecher anderer Sprachen ergeben würden.

Die Nachteile von elektronischen Wörterbüchern sind nicht zu übersehen. Erstens können die Plattformen und die Software, auf deren Grundlage die elektronischen Wörterbücher erstellt werden, angesichts der rasanten Entwicklung der Informationstechnologien schnell veraltet sein.

Daher müssen moderne Lexikographen nicht nur die Wörterbuchsammlungen, sondern auch die Softwareprogramme ständig aktualisieren. Mit der Zeit wird sich das Problem noch verschärfen. Die elektronische lexikografische Form wird es jedoch in naher Zukunft ermöglichen, die Ergebnisse der Forschung zur Erstellung verschiedener Arten von Wörterbüchern zusammenzuführen [Podkich, 2021: 169]. Außerdem sind die modernen lexikografischen Gattungen zwar seit langem in elektronischer Form in Gebrauch und werden elektronisch und über das Internet verbreitet, doch sind sie für die Benutzer oft unbequem, entsprechen nicht ihren Bedürfnissen und spiegeln nicht deutlich genug einen Ausschnitt aus dem Bild der Sprachwelt oder eine Periode des Sprachlebens wider.

Die Lexikographen haben also noch einiges zu tun, um die Wirksamkeit des Einsatzes von Multimedia in elektronischen Wörterbüchern zu untersuchen. Es besteht die Notwendigkeit, eine größere Anzahl von Vertretern verschiedener Sprachgruppen zu untersuchen. Im Moment beschränkt sich die Forschung auf Nutzer, die elektronische Wörterbücher zum Erlernen von Fremdsprachen verwenden. Zum jetzigen Zeitpunkt können wir sagen, dass die vorliegenden Erkenntnisse in Bezug auf statische Bilder und Tonaufnahmen ermutigend sind, aber weniger optimistisch, wenn es um die Verwendung von Videos und Animationen geht.

Elektronische Wörterbücher ermöglichen eine kontinuierliche Erweiterung des lexikografischen Feldes ohne großen Mehraufwand und Kosten. Ein elektronisches Wörterbuch, vor allem wenn es für den Einsatz im Internet vorbereitet ist, wird zu einer ständig aktualisierten, aktuellen Informationsquelle über das Leben einer Sprache und damit immer auf dem neuesten Stand.

So bieten die Computertechnologien technische Möglichkeiten zur effektiven Optimierung der makro- und mikrostrukturellen Parameter eines Wörterbuchs: Erweiterung des Umfangs und der Zusammensetzung der Wörterbucheinträge durch die Kombination verschiedener Formen der Informationsdarstellung (Text, Ton, Grafik, Animation), Möglichkeit der Ergänzung und Korrektur von Datenbanken, rationelle Strukturierung der Informationen durch ihre Zonierung mit Hilfe von Hypertext-Technologien.

Aus den oben genannten Umständen können wir schließen, dass Wörterbücher, unabhängig von ihrer Form oder Art, als eigenständige Richtung in der Linguistik existieren werden. Was die elektronischen Technologien anbelangt, so verändern, vereinfachen und erleichtern sie als weiterentwickelte Form der lexikografischen Praxis diese Praxis in erheblichem und manchmal dramatischem Maße und optimieren gleichzeitig die Technologie und sparen Zeit bei der Benutzung von Wörterbüchern. Die Aneignung von Kenntnissen im Umgang mit elektronischer Technologie hat daher sowohl für Lexikographen als auch für Benutzer moderner Wörterbücher eine hohe Priorität. In Anbetracht des umfassenden Einflusses der Computertechnologie auf fast alle Bereiche des gesellschaftlichen Lebens ist die Notwendigkeit eines Studiums der angewandten Informationsdisziplinen hervorzuheben. Es sollte jedoch kein Übermaß an Theorie vorhanden sein, sondern nur ein nützliches Minimum, das hauptsächlich angewandt wird. Von den mehr als eine Million Programmen, die im Bereich der Informationstechnologie entwickelt wurden, sind nur wenige für die Lösung von Problemen der Linguistik, insbesondere der Lexikographie, geeignet.

Die Relevanz des Einsatzes dieser Art von Software im Bereich der Linguistik liegt auf der Hand und steht außer Frage. Darüber hinaus sind die Errungenschaften der neuen Informationstechnologien aus der modernen Wissenschaft und ihrer Perspektive nicht mehr wegzudenken.

Literaturverzeichnis

1. Dambuev I. A. Moderne Lexikographie: Status und Entwicklungsrichtungen//Bulletin der Burjatischen Staatlichen Universität. Philosophie. 2011. № 10. – S. 16-21.
2. Fesenko O. P., Laukhina S. S. Elektronische Wörterbücher als ein Produkt der modernen Lexikographie // Omsk Wissenschaftliches Bulletin. 2015. № 4. – S. 46-48.
3. Podkich S.A. Trends in der Entwicklung der modernen Lexikographie// Sozial- und Humanwissenschaften im Spannungsfeld der Moderne. 2021. – S. 166-169.
4. Sylviane G., Magali P. Electronic Lexicography. – OUP Oxford.: Oxford, 2012. – 516 p.

Раздел 2. ТЕКСТ, ДИСКУРС, КОММУНИКАЦИЯ: КАТЕГОРИИ ОПИСАНИЯ

УДК 811.112.2

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ С НАЗВАНИЯМИ ОДЕЖДЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

**Балабаева Юлия
Евгеньевна**

старший преподаватель
кафедры немецкого и
французского языков
Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет
Белгород, Россия /
balabaeva@bsu.edu.ru

**Мельникова Юлия
Николаевна**

кандидат филологических
наук,
доцент кафедры немецкого
и французского языков
Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет
Белгород, Россия /
melnikova@bsu.edu.ru

**Чурова Анастасия
Александровна**

магистрант 2-го курса
Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет
Белгород, Россия /
livenskaya.n@yandex.ru

Аннотация

Мысль о том, что язык является транслятором культуры его носителей уже не подвергается сомнению. Язык несет в себе отпечатки исторически и культурно значимых событий в жизни народа. Слово имеет не только номинативное значение, оно отражает отношение человека к происходящим вокруг него событиям, показывает их значимость, другими словами, является составной частью **языковой картины мира**. Языковая культура мира является индивидуальной для каждой языковой общности и отражает прежде всего систему ассоциаций и взглядов на мир конкретного народа. В статье мы **рассматриваем** фразеологизмы русского и немецкого языка с компонентом «предмет одежды» с целью подтверждения **гипотезы** о том, что именно эти лексические единицы ярче всего характеризуют ментальность носителя языка. Одежда, как основная составляющая бытовой жизни человека наиболее точно отражает наличие в ней культурного компонента, фразеологизмы, в свою очередь, сохраняют характерное для народа отношение и восприятие ситуации. В ходе анализа **намечаются** перспективы дальнейшего исследования устойчивых языковых единиц немецкого и русского языков с целью выявления сходств и различий языковых картин двух народов.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологизм, предмет одежды, язык и культура.

PHRASEOLOGICAL UNITS OF GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES WITH CLOTHING NAMES IN THE LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT

**Balabaeva Yuliya
Evgenyevna**

Senior Lecturer of the
German and French
languages department
Belgorod State National
Research University
Belgorod, Russia /
balabaeva@bsu.edu.ru

Melnikova Julia Nikolaevna

Candidate of Sciences in
Philology,
Associate Professor of the
German and French languages
department
Belgorod State National
Research University
Belgorod, Russia /
melnikova@bsu.edu.ru

**Churova Anastasia
Aleksandrovna**

2nd year master student
Belgorod State National
Research University
Belgorod, Russia /
livenskaya.n@yandex.ru

Abstract

The idea that a language is a translator of the culture of its speakers is no longer questioned. The language bears the imprints of historically and culturally significant events in the life of the people. The word has not only a nominative meaning, it reflects the attitude of a person to the events taking place around him, shows their significance, in other words, is an integral part of the language picture of the world. The language picture of the world is individual for each linguistic community and reflects, first of all, the system of associations and views on the world of a particular people. The article discusses the concept of the phraseological of the Russian and German languages with the component “piece of clothing” in order to confirm the hypothesis that these lexical units most clearly characterize the mentality of a native speaker. Clothing, as the main component of a person's everyday life, most accurately reflects the presence of a cultural component in it, phraseological units, in turn, retain the attitude and perception of the situation characteristic of the people. By conducting a language analysis prospects for further research of stable language units of the German and Russian languages are outlined in order to identify similarities and differences in the language pictures of the two peoples.

Key words: language picture of the world, phraseological unit, item of clothing, language and culture.

В современном мире невозможно представить себе существование человека вне языка. С его помощью мы общаемся, обмениваемся информацией, усваиваем новые знания, получаем культурный опыт, накопленный предыдущими поколениями. Так, мы понимаем, что язык – это не только средство коммуникации, это передатчик информации о культуре, ценностях и традициях нации.

Представления человека о мире, его отношение к происходящим событиям – все это находит отражение в языковой картине мира, которая специфична для каждого народа. Точно так же, как человек по-разному воспринимает окружающие его явления в зависимости от уровня образованности, социального окружения, рода деятельности, также и картины мира являются отличными друг от друга.

Вопрос взаимоотношения языка и народа исследуют такие ученые, как В. фон Гумбольдт, Э. Сепир и Б. Уорф, Л. Вайсгербер, Л. Витгенштейн [Конопелько, 2019: 33].

События, оказавшие наибольшее влияние на человека, автоматически сохраняются в языке. Одним из самых наглядных примеров этого являются фразеологизмы – застывшие языковые единицы, смысл которых иногда трудно понять даже носителям языка, если не иметь представлений об истории их происхождения. Фразеология отражает мир чувств, образов, оценок того или иного народа, она самым непосредственным образом связана с культурой речи [Цзиньянь, 2008: 55]. Фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингво-культурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996: 6].

Анализ фразеологических единиц позволяет окунуться в историю народа и проследить развитие этноса, больше узнать о его быте и культуре. Лингвокультурологические знания являются основным условием успешности процесса межкультурной коммуникации и межъязыкового посредничества. Чем больше лексическая единица будет сопряжена с практической жизнью человека, тем сильнее она будет отражать в себе культурно-исторические особенности развития этноса. Это явление носит название «языковая картина мира и представляет собой зафиксированные в языке представления народа о действительности на определённом этапе исторического развития» [Конопелько, 2019: 38; Профотилова, Балабаева, 2016: 113].

Предметом данного лингвистического исследования являются лексические единицы с компонентом «предмет одежды». Человек нуждается в одежде ежедневно на протяжении всей своей жизни, не зависимо от пола, социального статуса или возраста. Вместе с тем, как менялся мир, менялась и одежда. В древние времена она выполняла в первую очередь защитную функцию, позднее – отражала социальный статус человека. В

зависимости от исторических событий и экономических условий жизни, одежда непрерывно меняла свой внешний вид и назначение. Таким образом, посредством ее анализа, можно проследить «становление и развитие национального сознания» [Ларина, 2016: 35; Профотилова, Балабаева, 2016: 113-116].

Сравнение особенностей происхождения лексических единиц и фразеологизмов с компонентом «предмет одежды» немецкого и русского языка позволит больше узнать об истории народов, о развитии их культуры, о межличностных отношениях с целью выявления в этих аспектах сходств и различий. В свое время американский языковед Чарльз Фриз писал: «Наиболее эффективны те материалы, которые основаны на научном описании изучаемого языка с тщательным сравнением с результатами параллельного описания родного языка учащегося» [Конопелько, 2019: 19; Профотилова, Балабаева, 2016: 113-116].

Стоит отметить, что с течением времени первоначальный смысл слова или фразы может забываться, искажаться или меняться. Подобное происходит и с фразеологизмами, прототипная ситуация происхождения которых уже забыта. В этом случае выяснить первоисточник помогают историко-этимологические словари, которые раскрывают историю происхождения и первоначальный смысл слова или устойчивого выражения [Цзиньянь, 2008: 55].

Интересным на наш взгляд является разбор устойчивых выражений со словом «**шапка, шапка**» / «*der Hut*». Происхождение этих лексических единиц и в русском, и в немецком языке, согласно этимологическим словарям, восходит к одному источнику – латинскому слову «сарра», которое означало «шлем/колпак». В русском языке употребление этого слова отмечается со времен Ивана Калитвы (XIV в.), в немецком первые употребления были предположительно в VIII веке.

Издrevле на Руси *шапка* была неотъемлемой частью мужского гардероба, а внешний вид головного убора говорил о социальном статусе человека, которому она принадлежала. У простого народа были вязаные колпаки, валяные из шерсти, а позднее – низкие меховые шапки. Знатное население изготавливало шапки из атласа или дорогих мехов, украшая их драгоценными камнями. Появиться на людях без шапки было неприличным и могло служить признаком социальной неполноценности, поэтому в народе и появилось так много примет и поговорок, связанных с этим предметом гардероба.

В ходе сравнения фразеологизмов на основании компонентного анализа было выявлено, что в русском и немецком языке встречаются *три основных типа фразеологизмов*: фразеологические эквиваленты (обороты, идентичные по составу, структуре, эмоциональной окраске и по значению), фразеологические аналоги (фразеологизмы, имеющие схожие составы и значения) и уникальные фразеологизмы (не имеют точного аналога в языке-рецепторе) [Ильющенко, 2018: 38].

Фразеологическими эквивалентами являются русское выражение *быть под колпаком у кого-нибудь*, которое означает быть под чьим-то пристальным вниманием или испытывать чье-то влияние и происходит от немецкого „*jemanden/etwas unter (in) seine Hut nehmen / unter jemandes Hut sein (stehen)*“, что означает брать под надзор или находится под чьей-либо защитой. По мнению В.М. Мокиенко выражение «быть под колпаком» является фразеологической калькой с немецкого языка [Цзиньянь, 2008: 56].

Фразеологизм «*дать/давать по шапке*» означает наказать кого-либо и имеет аналог в немецком языке „*jemandem eins auf den Hut geben*“, который несет такой же смысл. Стоит отметить, что выражение „*eins auf den Hut kriegen (bekommen)*“ имеет похожее значение «получить выговор» или же известное в русском языке «получить по шапке».

Фраза «*снимать шапку/шляпу*» означает выражать свое уважение кому-либо. Аналогичная фраза есть и в немецком языке „*Hut ab!*“ Происхождение этих выражений связаны с первоначальным значением головного убора: вид и форма шапки являлись показателем принадлежности к определенному социальному классу, иногда даже признаком знатности. Так, например, были созданы определённые головные уборы для

знати и священников. Головной убор стал символом власти и отражал высокие намерения своего владельца, соответственно, тот, кто был ниже/младше по статусу или званию, должен был в знак почета снимать свою шапку перед человеком более высокого чина. Синонимичным выражение является „*vor jemandem den Hut ziehen*“, которое означает выражать свое глубокое уважение кому-либо [Бирих, 2005: 763-764].

Выражение «*пустить шапку по кругу*» означает сбор денег и пошло с того момента, когда в общине каждый клал в шапку столько денег, сколько мог [Бирих, 2005: 765]. Подобное немецкое выражение „*den Hut herumgehen lassen*“ (Geld einsammeln) имеет аналогичное значение, но считается, что берет свое начало от способа сбора денег уличными музыкантами.

К фразеологическим аналогам можно отнести русскую фразу «*закидать шапками*», которое произошла от желания противников разозлить друг друга, бросая вызов перед кулачным боем [Бирих, 2005: 763-764]. Немецкое выражение „*den Hut in den Ring werfen*“ означает заявить о себе/своей кандидатуре или же бросить вызов. Это выражение – заимствование из английского „*to throw / toss one's hat in the ring*“. Впервые эта фраза была употреблена в спортивном журнале 1805 года, а свое начало она берет от прежнего способа заявления своей кандидатуры в бою: стоило бросить шапку на ринг. После употребления этого выражения в предвыборной речи президента Теодора Рузвельта она приобрела особую популярность.

Существует еще ряд выражений в двух языках, состав которых имеет некоторое сходство. Русское выражение «*на воре шапка горит*» означает, что виноватый сам себя выдает: своим поведением и излишним беспокойством. Происхождение этой фразы весьма интересно. Несколько веков назад в одном из городов завелось несколько воров, кражи которых вызывали недовольство и обычных граждан, и купцов. Люди решили обратиться к одному мудрому монаху, который сказал им, что поймает всех воров на ближайшем празднике, когда весь народ города соберется. Когда гуляния были в самом разгаре, монах закричал: «Посмотрите, на воре шапка горит!». Воры сразу же начали хвататься руками за головы, чем и выдали себя. Немецкое же выражение „*jemandes Hut brennt*“ употребляют, когда кто-то попал в беду и требует срочной помощи.

Третья, выделенная нами группа – уникальные фразеологизмы. Выражение „*den Hut aufhaben*“ означает «нести ответственность за что-либо; иметь власть». Первоначально шапка/шляпа отражала место, занимаемое человеком в обществе, а также в зависимости от своего вида, была символом власти. Отсюда и появилась ассоциация наличия головного убора с мужеством и решительностью. Выражение „*den (seinen) Hut nehmen / nehmen müssen*“ обозначает «уйти в отставку, покинуть свой пост».

В русском языке так же есть выражения, не имеющие немецких аналогов. Так фраза «*снять шапку (платок)*» (устар.) означало лишится доверия, опозорится, поскольку шапка была в Древней Руси не только предметом одежды, но и символом независимости и чести. Если с мужчины на площади прилюдно снималась шапка (а с женщины платок) – это означало всеобщее порицание и признание нечестным человеком [Бирих, 2005: 763-764].

Известный в русском языке фразеологизм «*тяжела ты, шапка Мономаха*» является цитатой из драмы А.С. Пушкина «Царские палаты» и означает то, что управление государством – это очень тяжелое дело. Шапкой Мономаха благословляли на царствование русских правителей, она была символом власти и могущества [Бирих, 2005: 763-764].

Проанализировав приведенные выше фразеологизмы, мы видим, что шапка – это не просто лексическая единица со значением головного убора, это слово, которое является хранителем истории народа и несет в себе особенности его культурного развития. И в русском, и в немецком языках этот предмет одежды в древнее время был символом власти и могущества, отражал статус человека, был способом выражения почта и уважения. Это еще раз подтверждает, что с помощью языка мы можем узнать о картине мира народа, о его мышлении и мировосприятии.

Литература

1. Бирих А.К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; С.-Петерб. гос. ун-т, Межкаф. словар.каб. им. Б.А. Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: 2005. – 926 с.
2. Ильющенко Н.С. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом «предмет одежды» в английском и русском языках // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. №6. – С. 38-39.
3. Конопелько И.П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка. – Воронеж: издательство ООО «РИТМ», 2019. – 226 с.
4. Ларина Т.А. Концепт «Одежда» в образных лексических единицах английского языка // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016. №2. – С. 34-38.
5. Профатилова С.М., Балабаева Ю.Е. Лингвокультурологический анализ немецкой лексики тематической группы «Мода» на примере лексемы «BRUOCH – HOSE – STRUMPF – SOCKE – SCHUH – STIEFEL» // Диалоги без границ: язык, культура, карьера: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 10-11 ноября 2016 г.) / под. Ред. А.П. Седых. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 133-116.
6. Телия В.Н. Что такое фразеология? – М.: 1996. – 86 с.
7. Цзиньянь Л. Русские фразеологизмы с названиями одежды в аспекте лингвокультурологии: на фоне китайского языка : диссертация ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 165 с.
8. Цзиньянь Л. Фразеологизмы с названиями одежды в лингвокультурологическом аспекте // Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №2. – С. 55-58.
9. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin / Leipzig: de Gruyter, 1934. – 740 S.

References

1. Birih. A.K. Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskij slovar': / A.K. Birih, V.M. Mokienko, L.I. Stepanova; S.-Peterb. gos. un-t, Mezkhaf. slovar.kab. im. B.A. Larina; pod red. V.M. Mokienko. – 3-e izd., ispr. i dop. – M.: 2005. – 926 s.
2. Il'yushchenko N.S. Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic s komponentom «predmet odezhdy» v anglijskom i rusском yazykah // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2018. №6. – S. 38-39.
3. Konopel'ko I.P. Sopostavitel'nyj analiz v issledovanii i prepodavanii yazyka. – Voronezh: izdatel'stvo ООО «РИТМ», 2019. – 226 s.
4. Larina T.A. Koncept «Odezhda» v obraznyh leksicheskikh edinicah anglijskogo yazyka // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii. 2016. №2. – S. 34-38.
5. Profatilova S.M., Balabaeva Yu.E. Lingvokul'turologicheskij analiz nemeczkoy leksiki tematiceskoy gruppy` «Moda» na primere leksemy` «BRUOCH – HOSE – STRUMPF – SOCKE – SCHUH – STIEFEL» // Dialogi bez granicz: yazy`k, kul`tura, kar`era: materialy` I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Belgorod, 10-11 noyabrya 2016 g.) / pod. Red. A.P. Sedy`x. – Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2016. – S. 133-116.
6. Teliya V.N. CHto takoe frazeologiya? – M.: 1996. – 86 s.
7. Czin'yan' L. Russkie frazeologizmy s nazvaniyami odezhdy v aspekte lingvokul'turologii: na fone kitajskogo yazyka: dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. – Voronezh, 2009. – 165 s.
8. Czin'yan' L. Frazeologizmy s nazvaniyami odezhdy v lingvokul'turologicheskom aspekte // Vestnik VGU, seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2008. №2. – S. 55-58.
9. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin / Leipzig: de Gruyter, 1934. – 740 s.

**ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
МУЛЬТФИЛЬМА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТИНТИНА»)**

Бонадысенко Екатерина Александровна
студентка факультета иностранных языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / 1227635@bsu.edu.ru

Аннотация

Разговорная речь является самой привычной и понятной формой общения для человека в любом языке. В ней отражаются характерные черты культуры и менталитета нации. Мультипликация является представляет собой особый вид поликодового дискурса и является уникальным явлением, сочетающим в себе язык и культуру. В статье рассматриваются некоторые особенности употребления разговорной французской речи, характерная для нее лексика и синтаксис в мультипликационном дискурсе. Изучение мультипликационного дискурса представляет собой актуальное и востребованное направление, где все еще остаются вопросы относительно его сущности, функциональных особенностей и характеристик.

Ключевые слова: разговорная речь, мультипликационный дискурс, кинематографический дискурс, стилистика текста, французский язык.

**PECULIARITIES OF CONVERSATION IN THE FRENCH ANIMATION DISCOURSE
(BY THE MATERIAL OF THE CARTOON «LES AVENTURES DE TINTIN»)**

Bonadysenko Ekaterina Aleksandrovna
student of the Faculty of Foreign Languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 1227635@bsu.edu.ru

Abstract

Colloquial speech is the most familiar and understandable form of communication for a person in any language. It reflects the characteristic features of the culture and mentality of the nation. Animation is a special kind of polycode discourse and is a unique phenomenon that combines language and culture. The article discusses some features of the use of colloquial French speech, its characteristic vocabulary and syntax in cartoon discourse. The study of cartoon discourse is an urgent and in-demand direction, where there are still questions about its essence, functional features and characteristics.

Keywords: colloquial speech, animated discourse, cinematic discourse, stylistics of the text, French.

На сегодняшний день любой естественный язык характеризуется наличием в нём разговорной речи. В повседневном общении разговорный стиль речи является доминирующим и наиболее употребительным, он удовлетворяет требованиям коммуникантов в обмене информацией в привычных условиях общения. В отличие от письменной и литературной речи, которым присущи особенные грамматические и лексические нормы выражения мыслей, разговорная речь имеет свои отличия. Главной характеристикой разговорного стиля общения является спонтанный характер высказываний, непринуждённые условия коммуникации, а также многофункциональный уровень знаний говорящего.

Разговорная речь является популярным объектом исследования лингвистов, так как этот вид речи находится в постоянном изменении и развитии. Именно разговорная речь наиболее подвержена влиянию экстралингвистических факторов общения, которые влияют на выбор языковых средств и синтаксических конструкций. Вопросами

особенностей разговорной речи французского языка занимались многие исследователи [2; 4; 5; 6], но без учёта особенностей мультипликационного дискурса.

Прежде чем рассматривать разговорную речь в мультипликационном дискурсе необходимо определиться с дефиницией данного понятия. В трудах Лаптевой О. А. разговорная речь представляется как «разновидность устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющая функции общения и воздействия» [2: 407]. Разговорная речь обусловлена ситуативностью общения, от которой зависит выбор лексических средств. Она более расслаблена, и может содержать в себе ошибки или ослабление синтаксиса, которые не характерны, например, для литературной речи.

Говоря об особенностях синтаксиса, можно так же отметить его упрощение во французской разговорной речи. Чаще всего общение производится в диалогической форме, которая является привычной формой общения. Диалог, помимо ситуации общения, обуславливает также эмоциональную окраску коммуникации и темп речи говорящих. То есть, все эти условия оказывают влияние на содержание сообщения и часто приводят к уменьшению использования грамматических и лексических конструкций, к «сокращению количества языковых единиц (фонем, слов и т.п.) в разговорно-обиходной речи по сравнению с литературной речью в том же контексте» [5: 274].

Нельзя отрицать того факта, что разговорная речь находит свое отражение не только в устной форме повседневных разговоров. Являясь частью дискурса, разговорная речь проникает те сферы человеческой жизни, где осуществляется коммуникация и происходит обмен информацией. Сам по себе феномен дискурса рассматривается во многих гуманитарных науках. В языкознании он изучается в рамках таких направлений как социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, коммуникативная лингвистика. Существует даже отдельное направление, которое носит название дискурсология, где рассматриваются основные характеристики дискурса, его функции и структуру [4].

Объектом нашего исследования является разговорная речь в мультипликационном дискурсе Франции. Прежде, чем перейти одному из центральных понятий нашего исследования, обратимся к основам. А именно, к дефиниции термина дискурс. Самое популярное и принимаемое многими учеными в сфере языкознания определение принадлежит Н.Д. Арутюновой: «Дискурс (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [1: 136].

Опорой для представления понятия мультипликационный дискурс нам послужит вышеприведенная дефиниция дискурса Н.Д. Арутюновой и труды Е.Г. Нешковой о мультипликационном дискурсе. Мы можем предложить следующее определение мультипликационного дискурса – *связный текст в сочетании с экстралингвистическими факторами, речь вымышленных персонажей, погруженная в оживленный особый способ рисунок*. Чаще всего мультипликационные фильмы предназначаются для детской аудитории, что обосновывает выбор более простых и понятных для детей языковых средств и конструкций повествования. Поэтому разговорный язык, как наиболее близкий и понятный для ребенка, используется для того, чтобы выразить ситуативные особенности произведения.

Следует отметить, что знание разговорного языка имеет практическую необходимость для каждого, кто изучает иностранный язык, особенно в повседневном общении, и играет важную роль в современном обществе. Часто, слушая французское радио, читая французские статьи и журналы, вы понимаете, насколько трудно понять определенные повороты. При использовании разговорного языка легче понять контекст

разговора, а также установить связь с культурой и традициями страны. В нашей работе мы рассматриваем особенности французской разговорной речи в мультипликационном дискурсе, то есть, в самих мультфильмах. В нашем исследовании основой для анализа является мультфильм «Приключения Тинтина» (1991) (*Les Aventures de Tintin*), а именно эпизод «Тинтин в Америке» (*Tintin en Amérique*). Данный мультсериал создан на основе одноименной серии комиксов французского карикатуриста Жоржа Проспера Реми, известного под псевдонимом Эрже.

Прежде, чем приступить к анализу, изложим краткое описание сюжета: это история о приключения молодого журналиста Тинтина и его собаке Милу. Действие происходит в 30-х годах прошлого столетия. Главные герои отправляются в Америку, где сталкиваются с преступной бандой, которая существует в те времена в Чикаго. Далее начинаются приключения главных героев, которые заканчиваются победой над преступным синдикатом.

Сам сюжет и контекст, в которых разворачиваются события мультфильма уже дает понять, что речь и разговоры персонажей будут не слишком близки к литературной норме языка. И действительно, помимо лексики, характерной для бандитов (*tuer, cadavre, gang*), в речи персонажей можно встретить слова, которые относятся к разговорному стилю:

« *Les lâches, ils ont kidnappé Milou !* » – Подлецы, они похитили Милу!

« *Attendez, le gaillard, je n'ai pas dit mon dernier mot* » – Погодите, парень, я еще не сказал свое последнее слово.

Используемые обращения главного героя (*lâche* и *gaillard*), которые можно отнести к разговорному стилю речи, выражают его чувства – злость и неприятельское отношение. В данном случае используемая разговорная лексика создает более яркий образ персонажей, усиливает чувства и эмоции говорящего.

Во фразе «*Vite ! Filons d'ici !*» используется глагол *filer*, его прямое значение *прясть; тянуть*. Однако, в разговорной речи этот глагол приобрел иное значение *убегать; удирать*. Вокабуляр и лексическое значение слов персонажей подобраны согласно ситуациям и той среде, в которую попадают герои.

Так же для разговорной речи характерны такие явления как антиципация и реприза, которые служат для предугадывания повествования, а также эмоционального и логического выделения высказываний. Например, реплика «*C'est ça le poste de police ?*» выражает обеспокоенность и создает интригу.

Использование идиом и устойчивых выражений также является одной из характеристик разговорной речи. Они усиливают экспрессивность высказываний, могут оказывать дополнительное эмоциональное влияние на собеседника, а также могут отражать сферу интересов и знания говорящего. Например, реплика «*On l'a échappé belle, Milou !*» будет отражать разговорный стиль речи. Значение выражения *l'échapper belle* трактуется как *благополучно избежать опасности*, в разговорном же стиле оно значит *дешево отделаться*. В контексте ситуации использование данной фразеологической конструкции подчеркивает социальные отношения коммуникантов относительно друг друга, а так же эмоциональное состояние – облегчение и удачу.

Нельзя не отметить, что грамматический строй предложений в разговорной речи тоже имеет свои особенности. Во французском языке отрицание в предложении выражается синтаксической комбинацией *ne...pas*, которая «обрамляет» глагол с двух сторон. На месте отрицательной частицы *pas* могут быть и другие отрицательные элементы, такие как, *rien, personne, jamais, plus*. В разговорной речи часто наблюдается использование лишь одного отрицательного элемента данной конструкции. Чаще всего можно наблюдать опущение частицы *ne*, поскольку вторая часть несет в себе больший смысл отрицания и является более ударяемой в ритмической группе. Опущение частицы *ne* в отрицательном обороте *ne...pas* является одним из самых распространенных феноменов в разговорной речи. Чаще всего причиной такого явления является эмоциональная окраска и более быстрый темп нарратива разговорной речи.

В реплике руководителя преступного синдиката « *J'aime pas que ce Tintin vienne fourrer son nez dans nos affaires ... C'est pas bon pour le business* » повторение отрицательной конструкции с одним элементом отрицания усиливает эмоциональность высказывания, выражает его неприятные чувства.

С этой же целью мы наблюдаем использование неполной синтаксической конструкции во фразе таксиста « *Je ne sais pas, je sais rien, il me tuerait ici* », здесь уже подчеркиваются такие эмоции как растерянность и страх.

Однако, во французском разговорном языке так же можно наблюдать сохранение первой части отрицания и отсутствие второй. Во фразе « *Je voudrais vous rencontrer personnellement avant que vous ne quittiez Chicago* » это можно объяснить контекстом, основное внимание в повествовании уделяется первой части высказывания, тогда как окончание фразы, содержащее отрицание, является лишь сопутствующим условием.

Использованные нами примеры, не являются объектом исчерпывающего анализа разговорного стиля общения. Однако, пронаблюдав некоторые особенности разговорной речи, используемой в мультипликационном дискурсе, мы можем сказать, что французская разговорная речь может быть очень гибкой и изменчивой. В мультипликационном дискурсе её использование сопряжено с эмоциональным состоянием героев. Разговорная речь, являясь привычным и знакомым стилем общения, обеспечивает более глубокое понятие контекста коммуникативной ситуации и коррелирует с культурными параметрами языка.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // ЛЭС. М., 1990. 136–137.
2. Лаптева О. А. Разговорная речь / О. А. Лаптева // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 407–408.
3. Нешкова Е. Г. Специфика реализации категории интертекстуальности во французском мультипликационном дискурсе (на примере мультипликационного сериала "Приключения Тинтина") / Е. Г. Нешкова, Н. С. Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 3(437). – С. 87-91.
4. Седых А.П. О персониферу французской культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 154-156.
5. Синицын В.В. К вопросу об экономии языковых средств во французской разговорной речи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2009. С. 274.
6. Шигаревская Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи [Текст] / Н. А. Шигаревская ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : [б. и.], 1970. – 215 с.

References

1. Arutunova N.D. (1990) *Discurs*. [Discourse] // LES. M., 1990. 136-137.
2. Lapteva O.A. (1990) *Razgovornaja rech'* [Colloquial speech] / O. A. Lapteva // *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* / Gl. red. V. N. Yartseva. – M.: Sovetskaja Encyclopedija, 1990. – S. 407–408.
3. Neshkova E.G. (2020) *Spetsifika realizatsii kategorii intertekstual'nosti vo frantsuzskom mul'tiplikatsionnom diskurse (na primere mul'tiplikatsionnogo seriala "Prikladyeniya Tintina")* [The specifics of the implementation of the category of intertextuality in the French animated discourse (on the example of the animated series "The Adventures of Tintin")] / E. G. Neshkova, N. S. Oliz'ko // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. – № 3(437). – S. 87-91.
4. Sedykh A.P. (2011) *O personosfere francuzskoj kul'tury* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [On the personosphere of French culture // Philological sciences. Questions of theory and practice] № 2 (9). 154-156.
5. Sinitsyn V.V. (2009) *K voprosu ob ekonomii yazykovykh sredstv vo frantsuzskoy razgovornoj rechi* [To the question of the economy of language means in French colloquial speech] // *Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki. Vyp. 2. Tula: Izd-vo TulGU. P. 274.*
6. Shigarevskaya N.A. *Ocherki po sintaksisu sovremennoy frantsuzskoy razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of modern French colloquial speech] / N. A. Shigarevskaya ; Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova. – Leningrad: [b. i.], 1970. – 215 p.

**ЛИНГВОЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭЗИИ А. БЛОКА:
СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «КРАСОТА»**

Бузинова Людмила Михайловна

д.филол.н., доцент

зав. каф. лингвистики и межкультурной

коммуникации

АНОВО «Московский международный университет»

Москва, Россия / rluda@mail.ru

Журавлева Дарья Андреевна

студентка 4 курса

АНОВО «Московский

Международный Университет»

Москва, Россия /

dashaju_u@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются эстетическая составляющая лексических единиц, сопряженных с понятием красоты в различных художественных произведениях А. Блока. Опираясь на концептуальный анализ, обнаруживается авторская эстетическая оценка, и выявляются доминирующие лексические категории, основанные на национальной картине мира человека. Лингвоэстетические элементы, опосредованные интенцией автора, определяют характер системных отношений между компонентами лексической структуры художественного текста, которые по-разному проявляют себя в процессе экспликации подтекстовых смыслов.

Ключевые слова: литературный дискурс, концепт, внешняя и внутренняя красота, эстетическая аксиология, категория прекрасного.

**LINGUOAESTHETIC ASPECTS IN THE POETRY OF A. BLOK:
WAYS OF VERBALIZING THE CONCEPT «BEAUTY»**

Buzinova Lyudmila

Doctor of Philology

Head of linguistics and intercultural communication

department

Moscow International University

Moscow, Russia / rluda@mail.ru

Zhuravleva Darya

Fourth-year student

Moscow International University

Moscow, Russia /

dashaju_ju@mail.ru

Abstract

The article examines the aesthetic component of lexical formatives linked to the concept of beauty in various works of art by A. Blok. Relying on the conceptual analysis, it is revealed the aesthetic estimate of the author, and it displays the dominant lexical categories based on the national picture of the human world. The linguo-aesthetic elements mediated by the intent of the author determine the nature of the systemic relations between the components of the literary text's lexical structure, which manifest themselves in different ways during the explication of subtext meanings.

Keywords: literary discourse, concept, external and internal beauty, aesthetic evaluation, concept of beauty.

Литературный дискурс наряду с общей коммуникативной функцией обладает потенциалом эстетического воздействия на реципиента художественного сообщения. Он «органично входит в процесс интеракции как когнитивно-креативной синергии писателя и читателя, во время которой осуществляется «трансферт» эстетической и этической информации в русле идеальных позиций аксиологии» [Бузинова 2019: 40]. Эстетические аспекты слова под пристальным вниманием исследователей, как одна из центральных тем русской филологии. Об этом свидетельствуют работы И.В. Арнольд (1978, 1980), Л.М. Бузиновой (2020), В.В. Виноградова (1960, 1961, 1963), И.Р. Гальперина (1980, 1981,

1982), Б.А. Ларина (1974), Е.И. Лелис (2013), Ю.М. Лотмана (1978); А.П. Седых (2011), В.К. Харченко (2012), Н.М. Шанского (1975).

В связи с субъективным восприятием мира, система образов от автора к автору разнится, и одно и то же явление может вербализовываться по-разному. Такой субъективный характер художественных произведений порождается эстетической оценкой, «рациональной формой установления эстетической ценности или эстетического чувства какого-либо объекта» [Воеводин 2010: 33]. Эстетическая оценка отвечает за личное суждение, построенное на чувственно-эмоциональной основе. Несмотря на очевидную субъективность восприятия мира индивидуумом, личные суждения складываются благодаря общественному опыту и национальной культуре, содержащей совокупность концептов, характерных определенной нации. Следовательно изучение лингвистической категории эстетической оценки возможно на основе анализа художественного произведения, коррелирующего с национальной культурой.

Рассмотрим универсальный концепт КРАСОТА и особенности его реализации в поэзии А. Блока, так как эстетическая оценка невозможна без понимания «прекрасного».

В работе мы опираемся на «атомарное структурирование концептуальной системы» [Романцова 2005: 34], когда ядро концепта включает конвенциональные, стереотипные представления о данном явлении. Его отличительными признаками являются: наибольшая специфичность – концентрация специфических признаков данного объекта, способность к воздействию на производные варианты, статус «источника производности»; наиболее высокая степень регулярности функционирования [Бондарко 1990: 8], конкретность и образность характеристик; периферии, напротив, свойственна абстрактность составляющих ее признаков [Болдырев 2002: 29]. Периферийные признаки не столь обязательны для полноценного функционирования концепта, они вторичны, факультативны. Существует мнение, что периферию составляют индивидуальные, свободные ассоциации [Бабушкин 2001: 50].

Рассмотрев более ста произведений А. Блока, были выделены ядерные лексические единицы (далее ЛЕ): *красивый, прекрасный, прелестный, милый, гармонический, очаровательный, нарядный*. Сюда следует отнести производные единицы как *краса, красота, красавица, красоваться*.

Периферию концепта вербализуют единицы, которые можно разделить на пять тематических групп:

- ЛЕ, описывающие внешний вид человека с указанием на возраст, гендерную принадлежность, внешние черты и состояние здоровья: *юный, молодой, свежий, алый, стройный, высокий, златокудрый, цветущий, манящий, старый, седой, грубый, бедный, больной, коса, Дева, Невеста, Жена, старец, старикашка, пламенеть, цвести*;

- ЛЕ, описывающие внутреннюю, нравственную красоту: *светлый, туманный, темный, холодный, бедный, угрюмый, печальный, любовь, мудрость, сердце, тайна, мечта, мгла, гордыня, цвести*;

- ЛЕ, обозначающие религиозную символику, показывающие духовную красоту: *святой, неземной, небесный, божий, снежный, свет, чистота, душа, храм*;

- ЛЕ, описывающие природу: *светлый, весенний, печальный, солнце, звезда, месяц, цветы, весна, луга, трава, туман, заря, снег*;

- ЛЕ, передающие эстетическую оценку цветовыми оттенками: *золотой, яркий, бледный, краски, лазурь, сиять, блистать*.

Учитывая вышесказанное, концепт КРАСОТА представляет собой эстетическую категорию, обозначающую понятие прекрасного на основе внешних и внутренних качеств описываемого объекта, которые представляют собой совершенство и гармонию таких аспектов, как молодость, здоровье, нравственность, внешняя привлекательность.

Репрезентанты концепта КРАСОТА могут определяться, во-первых, как средства характеристики, отражающие в своих значениях оценочные суждения, и, во-вторых, как

критерии эстетической оценки, другими словами, репрезентанты указанного концепта являются лексическими репрезентантами эстетической оценки.

На основе произведений А. Блока мы разделили лексические единицы на универсальные средства характеристики и фантомные. Универсальные представлены предикатами с положительной и отрицательной коннотациями. В данном случае к универсальным средствам выражения эстетической оценки будут относиться лексические единицы, дающие оценочную характеристику предмета и обозначающие понятие прекрасного, формируя ядро концепта КРАСОТА:

1. ЛЕ, описывающие качество объекта, т.е. эстетическая оценка имеет форму суждения в виде предиката, вызванного чувством прекрасного: красивый (*травы красивые, почерк так красив, вы красивая*), прекрасный (*прекрасная Дама, вечер прекрасен, могила прекрасная*), прелестный (*ты прелестней, прелестный ветерок*), милый (*милый убор, милый сон, милый глаз*), гармонический (*гармонический язык*), нарядный (*нарядные одежды*);

2. ЛЕ, обозначающие оценку человеку как объекту: красавица (*ты, красавица*);

3. ЛЕ, дающие эстетическую оценку в виде состояния объекта: краса (*неверные красы, лунные красы, о бледной красе*), красота (*богиня красоты, мертвой красоты, за красоту Недостижимой*), гармония (*ясною гармонией твоей*).

Фантомные средства выражения эстетической оценки будут формировать периферию концепта КРАСОТА, которая включает в себя ЛЕ, косвенно обозначающие «красивость/некрасивость» описываемого объекта с точки зрения не только внешней, но и внутренней привлекательности. Данные ЛЕ, за исключением некоторых, являются лексико-семантическими вариантами основных значений, что обуславливается авторским стилем. Сюда можно отнести:

1. Характеристики внешнего вида человека, содержащие указание на:

- возраст: юный (*юная сердцем, юного Христа, юных сил*), молодой (*я и молод, молодой души*), свежий (*я и свеж, как воздух свежий*), старый (*старая гадалка, и стар*), старец (*старец важный*), старикашка, цвести (*ты цветешь одиноко*);

- внешние черты: стройный (*она стройна*), высокий (*она и высока*), златокудрый (*у дев златокудрых*), бедный (*под бедным обликом*), грубый (*мужчины профиль грубый*), седой (*волос сед*), коса (*мягкие косы, золотой косы девичей*);

- состояние здоровья: больной (*больной, под игом седины*), глухой (*мой голос глух*);

2. ЛЕ, преимущественно используемые в коннотативных значениях, основанных на субъективном восприятии. Главным образом данная группа представлена ЛЕ, обозначающими цветовые оттенки, но, помимо этого, она включает в себя лексемы с персуазивным значением. Сюда входят:

- Предикаты, выражающие эстетическую оценку на основе воспроизведенного впечатления: золотой (*золотая девичья коса, золотые маки, золотая межа*), яркий (*яркий отблеск, ты яркою стезею, в зеркале ярких небес*), бледный (*ты, бледная, шла, бледной красе, бледная заря*);

- Предикаты с оценкой положительного или негативного эффекта, с точки зрения эстетического наслаждения: очарованный (*я тишиною очарован, берег очарованный*), закованный (*странной близостью закованный*), манящий (*твой манящий девичий наряд*), плененный (*я пленен тобою*);

- Лексемы, метафорически обозначающие красоту объекта: краски (*краски поблекнут твои, жду переливчатых красок твоих*), лазурь (*ты лазурью сильна, ты лазурью золотую, твоей лазурью процвести*);

- Лексемы, выражающие эстетическую оценку на основе воспроизведенного впечатления, со значением излучать свет, сверкать: сиять (*просиял твой свет, вся в розовом сиянии, ты просияла мне из ночи*), блеснуть (*блеск ее глубоких глаз, блеснет мне белыми зубами*);

3. Группы слов, значения которых посвящены природе и небесным телам. Репрезентантами эстетической оценки могут становиться объекты окружающего мира, использованные в качестве лексических средств выразительности, преимущественно в качестве метафоры. К ним относятся:

- Существительные, обозначающие объекты и явления природы, дающие оценивающую характеристику описываемого ими объекта: Солнце (*ярким солнцем залитая, солнце в косе, полдневным солнцем залитая*), звезда (*ты шла звездой мне, ты – золотая звезда, звезды в косе, беззвездны небеса*), месяц/ луна (*месяц в косе, под луной бела*), лексемы со значением “цветы” (*лилий полны объятья, розами призрак мне милый, тебе, как роза, в цветах*), весна (*здесь весной кипит веселье, залит весной наряд, в полях весной дышит*), туман (*туманом сновидений, дыша туманами*), снег (*вся овейна снегами, как снег*), волна (*ты станешь бурною волною, залила волною черной, колышет изумрудною волной*);

- Предикаты: туманный (*безысходно туманная, туманная завеса*), снежный (*в снежном храме, в снежном стоне*);

Эстетическая оценка также может быть дана самим объектам природы. Преимущественно средствами ее выражения становятся предикаты: светлый (*светлый серп* (Луна), *они (дни) прошли светло*), весенний (*весенних бурь, весенней земли*), печальный (*над печальными лугами, печально “вчера”*).

Как мы определили ранее, концепт КРАСОТА отражает не только внешнюю сторону объекта, но и внутреннюю. Эстетическое понимание прекрасного может относиться к духовной и нравственной красоте, например:

4. ЛЕ, относящихся к религии и религиозной символике, тем самым определяя духовность как предмет эстетической оценки. Они выражены:

- Предикатами: святой (*О, Святая, непорочно свята*), неземной (*яркий отблеск неземной, я вам поведал неземное*), небесный (*о мудрости небесной, небесный кузнец*), божий (*ты – божий день*), чистый (*ты прекрасна и чиста, чистое дитя, и в разлуке чиста ты*);

- Номинантами, относящимися к религиозной сфере: свет (*просиял твой свет, в вечном свете*), чистота (*бесстрастна в чистоте*), душа (*души моей двуликой, душа твоя блестит, во прахе горестной душою*), Христос (*я в лучах твоей туманности понял юного Христа*);

5. ЛЕ, обозначающие нравственные качества предмета, тем самым оценивая красоту этических и внутренних свойств объекта. К ним относятся:

- Предикаты: белый как символ нравственной чистоты (*словно белая лебедь, белая ты, я закрою голову белым*), светлый (*светлый образ, три светлых царя*), милый (*милый сон, милый образ, милая – ты*), нежный (*нежный образ, нежный закрывает мне лицо*), добрый (*в вас ли доброе таится*), холодный (*страны холодные, немые; думал холодно, в холодной маске*), ЛЕ со значением “безразличие” (*равнодушно, мне все равно*);

- Существительные: сердце (*сердцем тих, скудные сердца, сердцем беден*), любовь (*темной любви, моя любовь – немеющая тень*), мудрость (*в речах о мудрости небесной, мудрость моя близорукая, горькая мудрость*), ласка (*я твоей любовной ласкою, в последний раз ласкает очи*), ум (*небесное умом не измеримо, лазурное сокрыто от умов*), дума (*страстная дума, больная дума, злые думы*).

Таким образом, концептуальный анализ позволил определить, эстетическая оценка в произведениях А. Блока базируется на красоте и художественности объекта, стройности его этичности и интеллекта, что в гармонии приносит эстетическое наслаждение субъекту. Данные факторы определены национальной картиной мира человека, что объясняют лексические единицы, которые отражают понятие прекрасного и содержат в себе эстетическую оценку. В русской картине мира понятие красивого и эстетичного заключается в молодости, чистоте, уме, здоровье, яркости, доброте и привлекательности.

Литература

1. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 49-54
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – 123 с.
3. Бондарко А.В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 5-58.
4. Бузинова Л.М. Базовые концепты культуры: словарная языковая личность // Лексикография и коммуникация – 2019. Сб. материалов V Международной научной конференции. 2019. С. 37-40.
5. Воеводин А.П. Эстетическая оценка // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Том 23 (62). 2010. №2. С. 32-37.
6. Романцова Л.М. Концептуализация процессуального изменения релятивными глаголами современного немецкого языка. Дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2005 – 160 с.
7. Седых А.П. О персонифицированной французской культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 154-156.
8. Buzinova L.M. About the verbalization of the concepts „SOUL“and „FATE” in the Russian Linguoculture / L.M. Buzinova, O.P. Ryabko, M.G. Merkulova [et al.] // Astra Salvensis. 2020. T. 8. № S1. P. 321-329.

References

1. Babushkin A. *The concepts of different types in vocabulary and phraseology and methods of their identification*. Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki Voronezh: VGU, 2001. P. 49-54.
2. Boldyrev N. *The cognitive semantics*. Tambov: Izd-vo TGU, 2002. 123 pp.
3. Bondarko A. *Temporal'nost'*. The theory of functional grammar: Temporality. Modality. Leningrad: Nauka, 1990. P. 5-58.
4. Buzinova L. *Basic concepts of culture: dictionary language personality*. Lexicography and communication – 2019. Collection of materials of the V International Scientific Conference (2019). P. 37-40.
5. Voevodin A. *Aesthetic evaluation*. Scientific notes of V. I. Vernadsky Tauride National University. V. 23 (62), №2 (2010). P. 32-37.
6. Romancova L. *Conceptualization of procedural change by relational verbs of the modern German language*. Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Belgorod, 2005. 160 pp.
7. Sedykh A.P. *About the personosphere of French culture*. Philological sciences. Questions of theory and practice. №2 (9) (2011). P.154-156.
8. Buzinova L. *About the verbalization of the concepts „SOUL“and „FATE” in the Russian Linguoculture*. Astra Salvensis. V. 8, № S1 (2020). P. 321-329.

УДК 81'72

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ В РОМАНЕ С. ДЕ БОВУАР «ПРЕЛЕСТНЫЕ КАРТИНКИ»

Власенко Кристина Александровна

студент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия /
krisvlasenko2015@mail.ru

Котенёва Инна Анатольевна

доцент кафедры немецкого и французского языков,
кандидат филологических наук
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / koteneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается философия экзистенциализма в романе С. де Бовуар «Прелестные картинки». Также затрагиваются некоторые биографические факты из жизни С. Де Бовуар и проводится анализ литературного стиля автора.

Ключевые слова: экзистенциализм, Симона де Бовуар, философия феминизма.

EXISTENTIALISM IN THE NOVEL S. DE BEAUVOIR «LES BELLES IMAGES»

Vlasenko Kristina

Student of German and French department
Belgorod State National Research
University
Belgorod, Russia /
krisvlasenko2015@mail.ru

Koteneva Inna

Associate Professor, Department of German and
French languages
PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia/ *koteneva@bsu.edu.ru*

Abstract

This article considers the philosophy of existentialism in S. de Beauvoir's novel "Les belles images". It also contains some biographical facts from the life of S. De Beauvoir and analysis the author's literary style.

Keywords: existentialism, Simone de Beauvoir, philosophy of feminism.

Экзистенциализм (лат. *existentia* – существование) – это литературное направление, которое, в первую очередь, является философией бытия, описывающей уникальность человеческого существования и делающей большой акцент на эмоциональной глубине человеческой природы.

В основе данного течения лежит идея преодоления и неразглашения человеком собственной сущности. Писатели-экзистенциалисты в своих произведениях обращаются к насущным проблемам человека, к психологическим трудностям, с которыми ему приходится столкнуться на своем пути.

Философия экзистенциализма – это, своего рода, кризис, возникающий из-за чувства страха, отчаяния или безысходности, от ответственности, возлагаемой на человеке; это его внутренний конфликт, который связан с проявлением свободы. Всю свою жизнь человек ответственен сам за себя, за свои поступки. Он не может оправдывать свою ошибку внешними обстоятельствами, он – личность, способная строить свою жизнь так, как она того хотела бы, невзирая на все и всех. Экзистенциализм – это идеал свободы личности и ее свободы от социума.

Одним из ярких представителей данного направления является Симона де Бовуар (Simone de Beauvoir).

Simone-Lucie-Ernestine-Marie Bertrand de Beauvoir при рождении – французская писательница, сильно отличающаяся мировоззрением от своих современниц. Она – уверенная в себе и независимая феминистка, способная увлечь и повести за собой, показать всю сущность и роль женщины в обществе, ведь на первом плане у нее всегда женщина, сильная женщина, которая ничем не отличается от мужчины, которая вольна выбирать и жить по-своему. Несомненно, детство всегда оставляет отпечаток на дальнейшей жизни человека, влияет на его становление, поэтому было бы неверно упустить и не затронуть биографию писательницы, чтобы разобраться более глубоко в ее взглядах и идеях.

14 апреля 1908 года в Париже, в семье древнего рода аристократов рождается Симона, будущее которой так случайно, но в то же время так значительно будет связано с миром литературы. Будучи воспитанной в семье юриста и религиозной дочери богатого банкира, ее детство прошло в изобилии и благополучии. С ранних лет была отдана в школу для девочек из благородных семей, где их готовили к правильной жизни и убеждали, что смысл жизни – это семья, дети, молитва. Именно там Симоне и привили любовь к Богу и целомудрие, которым она следовала в дальнейшем.

Вскоре, отец Симоны обанкротился, семья переехала в квартиру более скромную, а девочка начала понимать, что достойное образование – залог лучшей жизни и возможности чего-то добиться, сделать что-то значимое.

Что примечательно, так это то, что Симона всегда имела четкое представление о жизни, которую она намеревалась вести. В подростковом возрасте у нее начали

появляться собственные концепты жизни и программы, которых она придерживалась и в дальнейшем. Сама Симона писала: «*Je suis douée pour le bonheur*», фраза, с которой нельзя не согласиться. Несмотря на трудности, которые она познала в своей жизни, эта писательница, действительно, была счастлива. Почему? Как мне кажется, именно благодаря своим убеждениям, своей вере и внутренней свободе она умела жить так, как ей велело ее сердце и как она сама того хотела, не обращая внимания на стереотипы и принятые социумом нормы. А что делает человека счастливым, как не возможность следовать себе и быть свободным?

Очень интересными являются и взгляды Симоны на личные отношения. Она была уверена, что отношения с женщиной должны строиться в искренности, свободе и доверии, а также называла это неким «сотрудничеством мужчины и женщины». Такие отношения мы наблюдаем в жизни Симоны в период учебы в университете. Именно здесь произошло ее первое знакомство с Жан-Полем Сартром (Jean-Paul Sartre). Жан-Поль являлся философом и ярким представителем экзистенциализма. Несомненно, этот человек оказал огромное влияние на мировоззрение Симоны, ее философию и литературную карьеру. Наверное, можно сказать, что эти люди дополняли друг друга во всем, даже несмотря на непростые личные отношения. Они не состояли в гражданском браке, так как по их договоренности у них были так называемые «свободные отношения». Согласитесь, если бы кого-то это не устраивало, один из них желал бы быть в таких отношениях. Но, так или иначе, Симону это ничуть не беспокоило, ведь она не хотела терять своей свободы, во всем.

Их отношения прошли через многое: расстояние, постоянные интрижки на стороне, но после смерти Жан-Поля, Симона, никогда не признававшая такое чувство как любовь, заявила, что именно с этим человеком связаны самые особенные и важные события в ее жизни. Эта пара вдохновляла людей того времени на саморазвитие, показывая, что можно жить по-другому, что можно относиться к жизни иначе и перестраивать свое мышление.

На наш взгляд, стоит упомянуть тот факт, что во время отъезда Симоны и Жан-Поля в разные города, они не переставали писать друг другу письма. Даже по возвращению, будучи в одном городе, они продолжали писать письма. Нельзя не отметить, что это говорит об искренности и теплоте их отношений, крепкая душевная связь, которая так необходима людям.

Вот так случайная встреча с человеком может связать вас на всю оставшуюся жизнь, заставив при этом узнать, познать и признать такое великое чувство – любовь.

По моему мнению, произведение, которое в полной мере отражает философию Симоны, является роман «*Les belles images*» (с фр. «Прелестные картинки»), который был издан в 1966 году.

Главная героиня – Лоранс, молодая и успешная женщина, которая сталкивается с депрессией. Казалось бы, для этого нет никаких поводов – у нее есть прекрасная семья, муж архитектор и две дочери, дом, любимая работа в рекламном агентстве, друзья и любовник, как раз все то, что нужно человеку для счастья. Но в какой-то момент она задумывается, счастлива ли она? Глядя на свою жизнь со стороны, все это ей кажется ненастоящим: поведение окружающих, светские мероприятия, сплошной обман. Даже наблюдая за своей матерью, героиня думает про себя: «*la parfaite, l'idéale image d'une femme*». У Лоранс складывается впечатление, что это все она уже видела и проживает вновь. Позднее она отказывается от любовника, который больше не кажется ей таким притягательным, как раньше. Между ней и мужем – холод, «молчание – подобие сообщничества: оно выражает согласие, слишком глубокое для слов. Возможно, это иллюзия». В семье начинаются проблемы, связанные с воспитанием старшей дочери – Катрин, которая росла в достаточно строгих правилах. Жан-Шарль считает, что новая подруга их дочери оказывает плохое влияние на нее, что все проблемы начались из-за этого, ведь у Брижит было совершенно другое воспитание, ей было больше позволено. Лоранс, понимая, что невозможно уберечь ребенка от всего, что в дальнейшем это скажется на ее взрослении, пытается доказать это своему мужу. Но, конечно, никто ее не

слушает, ведь она – женщина, которая ни в коем случае не должна перечить своему мужу. Даже в своем родном отце Лоранс разочаровывается, когда понимает, что он такой же, как и все другие, что его жизнь такая же фальшивая, как жизнь ее матери и ее любовника, как их развод и их воссоединение.

Автор поднимает проблему свободы выбора женщины, умения быть сильной и иметь право голоса. Ведь всегда считалось, что женщина – слабый пол. Но на примере Лоранс писательнице удастся показать, что женщина может все. Болезнь главной героини связана с ее душевным состоянием, это нервный срыв. Она не знает, что будет дальше, но четко понимает, что ей не хотелось бы, чтобы ее старшая дочь Катрин росла в таких же «картинках», как пришлось ей. Ведь кому, как не Лоранс знать это, вся ее жизнь – выдуманная «картинка» с обложки: работа, семья. Повествование ведется только в настоящем времени, что еще больше отягощает эту историю, словно вечное настоящее, где нет настоящих эмоций и чувств. Но что на самом деле скрывается за этой картинкой?

Героиня романа – действительно сильная женщина, которая готова противостоять всему тому, что претит ей в обществе, тому, от чего ей тошно. Писательница показывает женщину свободной, сильной, независимой, умеющей отойти от «стандартов». Также, проблематика романа в том, что зачастую люди живут «картинками», подражая другим людям, делая вид, что не существует плохого, что все идеально. И в погоне за этой идеальностью, они забывают себя настоящих, и эта игра, эта фальшь, эти маски уже становятся их реальностью, из которой они не только не могут, но даже не хотят вырваться. Довольно часто можно встретить слова «прелестный» и «картинка». Это все автор показывает через внутренний монолог героини, ее мысли:

«...mais qu'ont-ils que je n'ai pas non plus?»; «pouvoir de l'image»; «la jolie formule»; «sa souffrance même ne l'humanise pas».

Также, интересно заметить, что в романе часто встречается одна и та же строчка, сравнение с другой реальностью, фантазии, возникающие в голове у Лоранс:

«Juste en ce moment, dans un autre jardin, tout à fait différent, exactement pareil, quelqu'un dit ces mots et le même sourire se pose sur un autre visage. Pourquoi est-ce que je pense ça?»;

«Dans un autre salon. tout à fait différent, exactement pareil, avec des vases pleins de fleurs luxueuses, le même cri sort d'une autre bouche».

Хотелось бы процитировать следующие строки из произведения, которые, вероятнее всего, отражают в полной мере его главную мысль:

«А бывает такая пустота, такой вакуум, от которого кровь леденеет, который хуже смерти, хотя ты предпочитаешь его, раз не кончаешь с собой: я столкнулась с этим пять лет тому назад и по сей день испытываю ужас. Раз люди кончают самоубийством...значит, существует нечто, что хуже смерти. Поэтому-то и пробирает до костей, когда читаешь о самоубийстве: страшен не тощий труп, болтающийся на оконной решетке, а то, что происходило в сердце за мгновение до этого» [Beauvoir, Simone de, 85].

Подводя итог, хотелось бы сказать, что Симона де Бовуар – личность, которая заслуживает большого внимания. Концепции ее жизни, ее философия, ее история – все это так взаимосвязано с ее литературным творчеством. Невозможно не провести параллель между этими сторонами жизни, где каждая находит отражение одна в другой. И все-таки, ни для кого не будет удивительным, что слова имеют огромную силу, а когда это сказано по-настоящему искренне, близко к реальности, то тем более имеет еще большую ценность.

Философия экзистенциализма – это не просто литературное направление, это понимание смысла жизни человека, а также важности его существования, его чувств, его свободы. Героиня романа – смелая женщина, принявшая самостоятельное решение, не полагаясь на общепринятые принципы. На мой взгляд, ее экзистенциальный выбор состоит в том, что она смогла взять на себя ответственность за счастье своей дочери, за

свое счастье. С самого детства она была в плену выдуманной благополучной жизни, где все было прекрасно, «*elle a toujours été une image*». И открыв на все это глаза в момент взросления Катрин, она осознала, что так больше продолжаться не может. Роман заканчивается неоднозначными словами «*mais les enfants auront leur chance. Quelle chance? elle ne le sais même pas*». Страх быть другой и выделяться из толпы, страх обрести саму себя и выбрать жизненный путь, и наконец, страх за то, чтобы твой ребенок не оказался в такой же ситуации – все это Лоранс смогла преодолеть. И действительно, вот то главное, чему учит главная героиня романа – быть собой и следовать себе.

Литература

1. Beauvoir, Simone de. Les belles images. Paris: Gallimard, 1992. – 182 p.
2. Les trois vies de Simone de Beauvoir, 2008 URL: <https://www.lhistoire.fr/les-trois-vies-de-simone-de-beauvoir> (дата обращения: 28.03.2022).
3. Les belles images, URL: [https://fr.wikipedia.org/wiki/Les_Belles_Images_\(roman\)](https://fr.wikipedia.org/wiki/Les_Belles_Images_(roman)) (Accessed 27.03.2022).
4. Симона до Бовуар: биография, феминизм, философия, творчество, URL: <https://ru1.warbletoncouncil.org/simone-de-beauvoir-7766> (дата обращения: 02.04.2022).

References

1. Beauvoir, Simone de. Les belles images. Paris: Gallimard, 1992. – 182 p.
2. The three lives of Simone de Beauvoir, 2008 URL: <https://www.lhistoire.fr/les-trois-vies-de-simone-de-beauvoir> (Accessed 28.03.2022).
3. Les belles images, URL: [https://fr.wikipedia.org/wiki/Les_Belles_Images_\(roman\)](https://fr.wikipedia.org/wiki/Les_Belles_Images_(roman)) (Accessed 27.03.2022).
4. Simone de Beauvoir: biography, feminism, philosophy, creativity, URL: <https://ru1.warbletoncouncil.org/simone-de-beauvoir-7766> (Accessed 02.04.2022).

УДК 81'373.7

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРФЕЙСА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР (НА МАТЕРИАЛЕ ИГРЫ «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»)

Волкова Анастасия Игоревна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / korolina45@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются некоторые особенности локализации пользовательского интерфейса компьютерных игр на примере игры «The Elder Scrolls V: Skyrim». Пользовательский интерфейс – одна из самых важных составляющих дискурса компьютерной игры, являющаяся ключом к пониманию геймером игровой механики, сюжетной линии и алгоритма действий для выполнения заданий и достижения конечной цели игры. Его некорректная локализация может привести к ошибочному восприятию продукта иноязычным пользователем и неверному представлению о том, как с ним взаимодействовать.

Ключевые слова: пользовательский интерфейс, игровой дискурс, перевод, локализация, адаптация, переводческая трансформация

FEATURES OF THE LOCALIZATION OF THE USER INTERFACE OF COMPUTER GAMES (ON THE MATERIAL OF THE GAME «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»)

Volkova Anastasia

graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / korolina45@yandex.ru

Abstract

This article considers some features of the localization of the user interface of computer games on the example of the game «The Elder Scrolls V: Skyrim». The user interface is one of the most important components of the discourse of a computer game, which is the key for a gamer to understanding the game mechanics, the storyline and the algorithm of actions to complete quests and achieve the ultimate goal of the game. Its incorrect localization can lead to an erroneous perception of the product by a foreign-language user and an incorrect idea of how to interact with it.

Keywords: user interface, game discourse, translation, localization, adaptation, translation transformation

Видеоигры являются неотъемлемой частью культуры современного общества. Оригинальные сюжеты, интересные персонажи, реалистичная графика и технологии, заимствованные у кинематографа (например, «motion capture» – «захват движения»), позволяют современным видеоиграм в полной мере считаться одним из видов искусства.

Игровая индустрия находится в непрерывном развитии, а рынок видеоигр постоянно расширяется. Ежегодно сотни новых продуктов привлекают внимание геймеров со всего мира. Так, согласно календарю выхода игр от популярного российского издания «Игромания», в период с 1 января 2021 по 31 декабря 2021 года свет увидело 523 новинки, включая web-игры и мобильные игры [Календарь].

Для комфортного прохождения игры иноязычным геймером, ее лучшего восприятия и повышения спроса дистрибьюторам необходимо осуществить предварительную локализацию продукта, т.е перевод его основных элементов с исходного языка на конечный. Помимо перевода локализация включает в себя целесообразную адаптацию игры к культурным и бытовым реалиям той или иной страны.

Главная цель языковой локализации компьютерно-игрового дискурса – передача эмоций, воссоздание схожего игрового опыта у представителей целевой аудитории, независимо от уровня владения языком и культурного опыта [Болотина, Кузьмина 2019, 43].

Дискурс компьютерной игры и его локализация включает в себя множество аспектов. Проблема качественного перевода компьютерной игры требует комплексного междисциплинарного подхода и включает помимо перевода текстовых модулей, имеющих непосредственное отношение к сюжету, перевод, инструкций, руководств по программному и аппаратному обеспечению, файлов readme и т.д. [Анисимова 2018, 82].

Важнейшим способом взаимодействия игрока с игрой является пользовательский интерфейс, объединяющий в себе игровое меню, элементы управления, показатели игровых характеристик, окно ввода-вывода сообщений, подсказки и многие другие элементы. Локализация интерфейса осуществляется для подавляющего большинства продуктов игровой индустрии и требует особого внимания [Кунцев, Товмирзаев 2019, 511]. Некорректный перевод данного пласта игрового дискурса может негативно повлиять на восприятие игры, понимание механики игрового процесса и элементарно запутать геймера. По утверждениям известных геймдизайнеров, плохой интерфейс может испортить любую игру, и важность интерфейса не вызывает никаких сомнений [Миронов 2016, 147].

Объектом нашего исследования был выбран пользовательский интерфейс видеоигры «The Elder Scrolls V: Skyrim» от студии Bethesda. Данный продукт до сих пор остается одним из самых востребованных на игровом рынке и пользуется огромной популярностью. Материалом для сравнительно-сопоставительного анализа послужили оригинальная англоязычная версия игры, а также ее русская и французская локализации.

Одной из важнейших составляющих пользовательского интерфейса игры является меню. При первом запуске «The Elder Scrolls V: Skyrim» главное меню содержит следующие элементы:

Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
New	Новая игра	Nouveau
Load	Загрузить игру	Charger
Credits	Авторы	Crédits
Quit	Выйти из игры	Quitter

Как мы можем наблюдать, французские локализаторы прибегли к прямому переводу [Седых 2011]. В русском же варианте для большинства пунктов используется такая переводческая трансформация, как лексическое добавление (*new* → *новая игра*, *load* → *загрузить игру*). Слово *credits*, обозначающее титры с перечислением людей, участвовавших в создании игры, было адаптировано на русский язык с помощью такой переводческой трансформации, как модуляция (*credits* → *авторы*).

Одной из самых интересных для анализа является такая составляющая пользовательского интерфейса «The Elder Scrolls V: Skyrim», как названия внутриигровых квестов. Основная сюжетная линия игры делится на несколько частей (актов), каждая из которых содержит несколько заданий, которые игроку необходимо выполнить. Первый акт главной сюжетной ветки включает в себя следующие квесты:

Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
Unbound	На свободу!	Libération
Before the Storm	Перед бурей	Avant la tempête
Bleak Falls Barrow	Ветренный пик	Tertre des chutes tourmentées
Dragon Rising	Дракон в небе	L'élévation du dragon
The Way of the Voice	Путь Голоса	L'art de la Voix
The Horn of Jurgen Windcaller	Рог Юргена	La corne de Jurgen Parlevent

В адаптации названия самого первого квеста можно наблюдать некоторые различия. Лексема *unbound* является третьей формой (причастием прошедшего времени) глагола *to unbind* – развязывать, освобождать, отпускать на волю. Таким образом, *unbound* можно перевести как *освобожденный* или *свободный*, что отсылает к непосредственным событиям начала игры: благодаря нападению дракона Алдуина на деревню Хелген главному герою удастся избежать казни и ускользнуть из плена имперцев. Русские локализаторы решили сделать акцент на стремлении к этому самому освобождению и повысить эмотивность за счёт восклицательного знака. Французские переводчики остановились на существительном *libération* – *освобождение*. В целом все три варианта верно отражают суть происходящего. Названия второго квеста полностью идентичны во всех трех вариантах. Название третьего квеста в оригинале и в локализациях соответствует названию локации, где происходит его действие. Однако стоит отметить, что русский вариант крайне отличается от английского и французского. *Bleak Falls Barrow* можно перевести как *Курган Мрачных Водопадов*. Французские локализаторы определению «мрачный» предпочли прилагательное *tourmenté* – *неспокойный, бурный*.

Русские же переводчики полностью откинули оригинальное наименование и оттолкнулись от местоположения локации – на пике горы, овеваемом неистовыми северными ветрами. Четвертый квест, в котором игроку предстоит одолеть первого дракона, в оригинальной версии называется Dragon Rising. Причастие настоящего времени rising можно перевести как поднимающийся, восстающий. Русская локализация отсылается именно к первому варианту, акцентируя внимание на том, что поле битвы могучих крылатых существ – небо. Французские переводчики разделили это мнение и использовали существительное élévation – подъем, поднятие, возвышение. Однако это не единственно верная трактовка: по сюжету игры дракон Мирмулнир – главный антагонист квеста – был воскрешен своим сородичем Алдуином, то есть восстал из мертвых (rising from the dead). Что касается названия пятого квеста, то отличие от оригинала наблюдается только во французской локализации, где слово way (путь) было заменено понятием art – искусство. Данное решение нельзя назвать неудачным, поскольку овладение Голосом (ту`умом) – древней силой преобразования жизненной энергии в магический крик – действительно может считаться искусством. В адаптациях названия шестого квеста примечательна интерпретация имени создателя философии Пути Голоса, мастера ту`ума Юргена Призывателя Ветра. Французские локализаторы перевели лексему Windcaller (досл. зовущий, призывающий ветер) как Parlevent (говорящий с ветром), что в целом не сильно исказило смысл оригинала. Русские переводчики прибегли к лексическому опущению и оставили лишь первую часть имени персонажа, что не является явным недочетом и не должно запутать геймера.

Игрой «The Elder Scrolls V: Skyrim» предусмотрена обширная система развития («прокачки») персонажа, состоящая из трех групп навыков: Маг, Воин и Вор. Каждая группа включает в себя по шесть навыков, уровень владения которыми повышается при выполнении определенных действий или при определенных обстоятельствах. Ниже в сопоставительной таблице приведены названия некоторых навыков:

Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
Conjuration	Колдовство	Conjuration
Destruction	Разрушение	Destruction
Restoration	Восстановление	Guérison
Archery	Стрельба	Archerie
Heavy Armor	Тяжелая броня	Armure lourde
Smithing	Кузнечное дело	Forgeage
One-Handed	Одноручное оружие	Une main
Lockpicking	Взлом	Crochetage
Sneak	Скрытность	Furtivité
Pickpocket	Карманные кражи	Vol à la tire

При сравнительном анализе кардинальных отличий русского и французского вариантов от оригинала не наблюдается, однако все же есть интересные нюансы. К примеру, при переводе некоторых обозначений навыков русские переводчики прибегали к лексическому добавлению (*one-handed* → *одноручное оружие*), лексическому опущению (*archery* (стрельба из лука) → *стрельба*), модуляции (*pickpocket* (карманный вор) → *карманные кражи*).

Весьма важным элементом игрового интерфейса являются системные подсказки, с помощью которых геймер получает актуальную информацию о повышении уровня, невозможности совершить какое-либо действие и т.д. Два самых ярких примера таких

подсказок, запомнившиеся поклонникам игры и ставшие предметом многочисленных шуток, приведены в таблице:

Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
You are carrying too much to be able to run.	Вы перегружены и не можете бежать.	Vous transportez trop de choses pour pouvoir courir.
You cannot fast travel when enemies are nearby.	Быстрое перемещение невозможно, когда рядом находятся враги.	Déplacement rapide impossible tant qu'il y a des ennemis à proximité.

Что касается первого примера, то дословно его можно перевести как «*Вы несете слишком много, чтобы быть способным бежать*». Французский вариант почти целиком соответствует оригиналу за исключением лексического добавления (*too much* → *trop de choses*). Русские переводчики прибегли к такой переводческой трансформации, как модуляция (*you are carrying too much* → *вы перегружены*; *to be able to run* → *не можете бежать*). Что касается второго примера, то здесь в обеих локализациях можно наблюдать грамматическую замену (*you cannot fast travel* → *быстрое перемещение невозможно* → *déplacement rapide impossible*), во французском варианте присутствует модуляция (*when* (когда) → *tant que* (до тех пор, пока)). Стоит также отметить, что французский перевод второго примера ближе к русскому варианту, нежели к оригиналу.

Таким образом, пользовательский интерфейс – это важнейший компонент игры, ключ к пониманию игровой механики, сюжета, тактики и алгоритма действий для выполнения заданий и т.д. Его неверная локализация может привести к тому, что геймер попросту не сможет правильно взаимодействовать с игрой. В связи с этим корректному переводу и адаптации элементов игрового интерфейса должно уделяться особое внимание.

Литература

1. Анисимова Т.А. Феномен компьютерной игры в переводческом дискурсе // Научный вестник Южного института менеджмента. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. №2. С. 82–86.
2. Болотина М.А., Кузьмина Е.В. Лексические проблемы перевода компьютерных игр // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. №1. С. 43–50.
3. Календарь игр с 01.01.2021 по 31.12.2021 URL: <https://www.igromania.ru/games-calendar/all/all/all/all/all/1/20210101/20211231/> (дата обращения: 28.03.2022).
4. Кунцев В.А., Товмирзаев Д.Р. Особенности локализации видеоигр // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 марта 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – С. 510-515
5. Миронов А.С. Игровой интерфейс и управление игрой // Молодой ученый. – 2016. – № 15 (119). – С. 147-149.
6. Седых А.П. О персонифицированной французской культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 154-156.

References

1. Anisimova T.A. (2018) Fenomen kompyuternoy igrы v perevodovedcheskom diskurse [Phenomenon of computer game in translation discourse]. – Scientific bulletin of the Southern Institute of Management. Linguistic and communication problems. – 2018. – Issue 2. 82-86.
2. Bolotina M.A., Kuz`mina E.V. (2019) Leksicheskie problemy perevoda komp`uternyh igr. – Vestnik Baltiiskogo federal`nogo universiteta im. I. Kanta. Filologiya, pedagogika, psihologiya. – 2019. – Issue 1. 43-50.

3. Game calendar from 01.01.2021 to 31.12.2021 URL: <https://www.igromania.ru/games-calendar/all/all/all/all/all/1/20210101/20211231/> (Accessed 28.03.2022).
4. Kunccev V.A., Tovmirzayev D.R. Osobennosti lokalizacii videoigr [Localization features of videogames] // *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiia: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiia: materialy III Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf., Minsk, 14-15 marta 2019 g. / Belorus. gos. un-t; redkol.: O.G. Prohorenko (otv. red.) [i dr.]*. – Minsk: BGU, 2019. P. 510-515.
5. Mironov A.S. Igrovoy interfeis i upravleniie igroy // *Young Scientist*. – 2016. – № 15 (119). – S. 147-149.
6. Sedykh A.P. (2011) *O personosfere francuzskoj kul'tury // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [On the personosphere of French culture // *Philological sciences. Questions of theory and practice*] № 2 (9). 154-156.

УДК 81.112.2

DISKURS UND KOGNITIVE ASPEKTE SEINER WAHRNEHMUNG

Voronina Larissa Vladimirovna

Dozentin des Lehrstuhls für Deutsch und
Französisch
Doktor phil., Dozentin
Nationale Forschungsuniversität Belgorod
Belgorod, Russland / voronina@bsu.edu.ru

Skokova Tatjana Nikolaevna

Dozentin des Lehrstuhls für Deutsch und
Französisch,
Doktor phil., Dozentin
Nationale Forschungsuniversität Belgorod
Belgorod, Russland / skokova@bsu.edu.ru

Abstract

Im vorliegenden Artikel wird die sprachliche Objektivierung des Modells "Relationen zwischen der Sphäre im Text-Diskurs, dem wesentlichen Element der Text-Diskurs-Sphäre, einer Dimension des Konzeptes ↔ Inferenzwissen" betrachtet. Solches Modell öffnet den Zugang zu den tiefen Grundlagen der Bedeutungsbildung und spielt eine große Rolle im Erkenntnis- und Kommunikationsprozess.

Die wissenschaftliche Neuheit der Forschung besteht in Folgendem: Die Interpretation des systemhaften Modells wird vorgestellt: a) als interne relevante Informationsquelle unter Berücksichtigung der Bedeutung verschiedener Spracheinheiten und b) als integrative Unterstützung im Prozess des Inhaltsverstehens, die durch Nichtlinearität von Übergängen zwischen Elementen des Modells gekennzeichnet ist.

Im Prozess des Verständnisses eines Diskurses ist das Wort als Mittel für den Zugang zu einer einheitlichen Informationsbasis des Menschen entscheidend. Dieses Mittel beleuchtet im individuellen Weltbild ein bestimmtes Fragment im ganzen Reichtum seiner Beziehungen unter Berücksichtigung des in der Gesellschaft entstandenen Systems von Normen und Beurteilungen sowie der persönlichen Erfahrung (Wissen und Erlebnisse). Im Artikel unterstreicht man, dass auch die Wortbildungsmodelle mit ihren Erzeugungsregeln die semantischen Nuancen ihrer Funktionsweise in einem bestimmten Diskurs aufweisen, deren Wissen im Prozess ihrer Identifizierung und Deutung die Inferenz ermöglicht. Die syntagmatischen Strukturen sollen als linguokognitive Kombinatorik betrachtet werden, die eine wechselseitige Bedingtheit, Korrelation von linguistischen und kognitiven Elementen, einer der Hauptwege der Integration und der wichtigsten systembildenden Faktoren bei der Sinnesverdichtung ist.

Die theoretische Bedeutung des Artikels wird durch die Tatsache begründet, dass da das Vorhandensein eines tiefen Niveaus der Inferenzwissensbildung nachgewiesen wurde. Die Verwendung dieses Wissens in der Praxis ist aufgrund der Möglichkeit der Verbalisierung, die es ermöglicht, Interaktion kognitiver und sprachlicher Strukturen zu behaupten, äußerst wichtig.

Schlüsselwörter: Diskurs, Text, Inferenz, Wortbildung, syntagmatische Kombinationen.

DISCOURSE AND COGNITIVE ASPECTS OF HIS PERCEPTION

Voronina Larisa Vladimirovna,

Associate Professor of the Department of
German and French Languages,
Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *voronina@bsu.edu.ru*

Skokova Tatiana Nikolaevna

Associate Professor of the Department of
German and French Languages,
Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *skokova@bsu.edu.ru*

Abstract

This article looks at the linguistic objectification of the model “Relations between the sphere in text discourse, the essential element of the text discourse sphere, a dimension of the concept ↔ inference knowledge”. Such a model opens up access to the deep foundations of meaning formation and plays a major role in the knowledge and communication process. The scientific novelty of the research consists in the following: The interpretation of the systemic model is presented: a) as an internal relevant information source taking into account the meaning of different language units and b) as integrative support in the process of content understanding, which is characterized by non-linearity of transitions between elements of the model is. In the process of understanding a textual discourse, the word is crucial as a means of accessing a unified human information base. In the individual worldview, this means illuminates a certain fragment in the full range of its relationships, taking into account the system of norms and judgments that has arisen in society as well as personal experience (knowledge and experiences). The article emphasizes that the word formation models with their generation rules also show the semantic nuances of their functioning in a certain discourse, the knowledge of which enables inference in the process of their identification and interpretation. The syntagmatic structures should be viewed as linguocognitive combinatorics, which is a mutual conditionality, correlation of linguistic and cognitive elements, one of the main ways of integration and the most important system-forming factors in sensory condensation. The theoretical importance of the article is justified by the fact that it has demonstrated the existence of a deep level of inference knowledge. The use of this knowledge in practice is extremely important because of the possibility of verbalization, which makes it possible to assert interaction of cognitive and linguistic structures.

Keywords: discourse, text, inference, word formation, syntagmatic combinations.

Einführung

Der Diskurs wird hier als eine komplexe kommunikative Realität betrachtet, die nicht nur den Prozess der Textproduktion einschließt, sondern auch ihre Abhängigkeit von einer Vielzahl der extralinguistischen Bedingungen widerspiegelt: Sachwandel, Wissen von der Wirklichkeit, Fähigkeiten des Sprechers, sich selbst zu identifizieren u.a. Diese These steht im Einklang mit der Meinung von I. Kant über die Unmöglichkeit, Wissen über die Welt zu haben, wenn man sich der Einheit unseres Bewußtseins, unserer persönlichen und sozialen Identität nicht sicher ist.

D. Busse glaubt, dass die diskursiven Figuren die inhaltlichen Elemente des Textes ordnen, ihre Erscheinung in den entsprechenden Punkten des Diskurses steuern, ihre innere Struktur bestimmen, die nicht identisch sein sollte mit der thematischen Struktur der Texte, in denen sie entstehen: “Diskursive Grundfiguren sind in diesen Sinnen nicht unbedingt an einen bestimmten Diskurs gebunden oder auf einen einzigen Diskurs beschränkt, sondern sie können selbst wiederum in verschiedenen Diskursen zugleich auftauchen. Dadurch tragen sie zu interdiskursiven Beziehungen bei, die vielleicht den intertextuellen Beziehungen der Textlinguistik vergleichbar sind” [Busse, 2009, S. 129].

Eine der umfassenden Formulierungen gibt N. Alefirenko, der schreibt, dass Diskurs ein kognitiv-verbales Ganzes ist, das heißt, die Verbindung der pragmatischen, sozio-kulturellen, psychologischen, paralinguistischen und anderen Faktoren. Die konzeptbildenden Potenzen des Diskurses sind durch sein Wesen bedingt. Um einen verallgemeinerten Begriff konstituiert sich

ein bestimmter semantischer Kontext, der Informationen über Subjekt/e, Objekte, Umstände und Zeit-Raum-Koordinaten des kognitiv-verbale Prozesses enthält [Alefirenko, 2009, S. 248].

Allgemeine Begriffe, die Menschen im Prozess der Wahrnehmung und beim Begreifen der objektiven Realität verwenden, gehören zu ontologischen und sozialen Kategorien. Sie reflektieren die Vorstellung des Individuums über die Attribute der ihn umgebenden Welt: Raum, Zeit, Bewegung, Veränderungen, Eigenschaften, Qualität, Quantität, Ursache, Folge, Angemessenheiten, Gesetzmäßigkeit. Sie umfassen auch jene Attribute, die die Persönlichkeit und die Gesellschaft charakterisieren, die grundlegenden Umstände der Aktivitäten der Menschen, ihrer geistigen Welt: Arbeit, Normen, Freiheit, Gerechtigkeit, Wohltun usw. "Es geht um die Frage nach Kontrollmechanismen, was wann wo von wem gesagt werden kann, wer in einem bestimmten Diskurs Deutungsmacht besitzt, wie Ungleichheit geschaffen wird, wie Gegendiskurse (Diskurse, die von den gebräuchlichen Regeln eines Diskurses abweichen) lanciert werden können etc. Dahinter steht die Annahme, dass Diskurse nicht einfach die Wirklichkeit mehr oder weniger adäquat widerspiegeln, sondern dass sie Wirklichkeit schaffen" [Luginbühl, Pantli, 2004, S. 290].

Das System von Kategorien, das wie ein Netz die konkreten Erscheinungen der realen Welt überlagert, heißt Makrodiskurs. Das System der Makrodiskurskategorien, die mit den Attributen der objektiven Wirklichkeit, mit den Charakteristiken des Individuums und der Gesellschaft verbunden sind, bestimmt die Existenz der Kode-Sphäre des Text-Diskurses. Der Text-Diskurs unterscheidet sich vom Text, der als syntaktisches Ganzes verstanden wird, dadurch, dass in dieser kommunikativen Einheit die Signifikanz objektiviert wird, die besondere Bilder in sich trägt; diese Bilder sind eine Art des Energiesubstrats, das die Produktion von Wissen über den Sinngehalt – Entfaltungsmittel des Erkenntnisprozesses – beeinflussen.

Die Sphären des Diskurses

Die diskursiven Sphären sind: existenzielle, anthropologische, soziale, psychologische, religiöse, ethnokulturelle. *Die Korrelation* zwischen:

a) den kategorialen Kontinuumen des Makrodiskurses, die sich um allgemeine (ontologische und soziale) Kategorien, Wissen, das durch die Verallgemeinerung einer Menge von Fakten entsteht (als Absender) und b) Kode-Sphären eines Text-Diskurses (als Empfänger), die zum begrifflichen (linguistischen) Denken zu übergehen erlauben, kann als *Informationsrelation* betrachtet werden.

Die Informationsrelation unterscheidet sich von anderen Korrelationen: bei der Informationskorrelation empfängt der Empfänger Informationen aber die Informationsquelle verliert sie nicht. Bei den Informationsbeziehungen ist die Rede von Interaktionen. Die Interaktion ist eine Kategorie, die wechselseitige Determiniertheit, gegenseitige Übergänge und die Erzeugung eines Objekts durch ein anderes widerspiegelt. Daher kann diese Informationsinteraktion nicht nur als eine Symmetrie (die Anforderung der zum System gehörigen Attribute vor und nach der Interaktion) oder als eine asymmetrische Beziehung (die Anforderung der zum System gehörenden Attribute nur vor der Interaktion) charakterisiert werden; die Relation zwischen der Quelle und dem Empfänger erzeugt einen besonderen Sinngehalt. Seine Interpretation hat, so Paul Ricœur, einen doppelten Entwicklungsvektor: die ursprünglichen Empfindungen des Daseinssinns (Archäologie) und die Erzeugung neuer Bedeutungen (Telos). Jede der Sphären des Text-Diskurses besitzt eine Art "genetischer Kode" [Makarov, 2003, S. 140], ein wesentliches Element, das nicht nur Sinnstiftung, Sinnerzeugung, sondern auch seine Wahrnehmung, sein Verstehen und seine Deutung bestimmt. Im Diskurs wird, so van Dijk, eine komplexe Wissenshierarchie widerspiegelt, die sowohl für die Entstehung dieses Elementes als auch für seine Wahrnehmung notwendig ist.

Die Wissensrepräsentation bezieht sich auf verschiedene Kode-Sphären des Text-Diskurses. Darunter, wie schon erwähnt wurde, ist **die soziale Sphäre**. Betrachten wir die Verbalisierung des Relationsmodells durch Komposita und syntagmatische Kombinationen, das auf folgendem Modell basiert: die soziale Sphäre im Text-Diskurs ↔ das wesentliche Element der sozialen Sphäre "soziale Beziehungen" ↔ eine Dimension des Konzeptes LEBENSINN ↔ Inferenzwissen.

Die gegenseitige Relation zwischen Diskurs und Wort

Der Prozess der Identifizierung von Relationsarten zwischen dem Wesenselement der sozialen Sphäre und den Konzeptenheiten ist ähnlich dem Prozess der Bestimmung der Abhängigkeiten, die durch Strategien, Regeln und Normen der Wechselwirkung verursacht werden, weil das Ganze sowohl als eine Hierarchie von Elementen und Beziehungen zwischen ihnen als auch als Zusammenspiel von Form und Funktion strukturiert wird [Zimmerman, Boden, 1991, S. 8-9]. Wenn die Sphäre als eine Gesamtheit aller Möglichkeiten in der begrenzten Welt zu betrachten ist, ist die soziale Sphäre eine ursprüngliche Form, die in sich die Möglichkeit der Existenz von drei Formen enthält: Ordnung, Überquerung, Veränderungen. Wesentliche Elemente dieser Sphäre umfassen jeweils das System der sozialen Beziehungen, wo sich das Subjektive und das Gesellschaftliche überlagern, wo die Dynamik der Beziehungen mit der Inklusion in diese Beziehungen des Individuums zu beobachten ist.

Im Prozess des Verständnisses eines Text-Diskurses ist das Wort als Mittel für den Zugang zu einer einheitlichen Informationsbasis des Menschen entscheidend. Dieses Mittel beleuchtet im individuellen Weltbild ein bestimmtes Fragment im ganzen Reichtum seiner Beziehungen unter Berücksichtigung des in der Gesellschaft entstandenen Systems von Normen und Beurteilungen sowie der persönlichen Erfahrung (Wissen und Erlebnisse). Die Rede ist in diesem Fall nicht von einem typischen statischen Segment der schon erworbenen Erfahrung, nicht von einer Episode und dergleichen, sondern von der Dynamik der beweglichen "Slots" in den mehreren sich überlagernden perzeptiv-kognitiv-affektiven Feldern, auf deren Grundlage der sich auf Fuzzy-Sets stützende aktive Rezipient schlecht definierte Aufgaben löst und eine Projektion des Textes als eine geistige Bildung strukturiert [siehe davon: Zalevskaja, 2005, S. 471].

Mit anderen Worten, zwischen Diskurs und Wort wird gegenseitige Relation hergestellt. Einerseits: gerade das Wort bedingt den Zugang zur einheitlichen Informationsbasis des Menschen, d.h. zum Gedächtnis; und das ist eine Voraussetzung für die kognitive Auswertung des Wortes. Andererseits: die Identifizierung der Wortbedeutung vom Kommunikationspartner vollzieht sich im Wahrnehmungs- und Interpretationsprozess des Diskurses. Im Diskurs widerspiegelt sich und strukturiert sich eine der möglichen Welten. Um die Absicht des Sprechenden und seine Mentalität zu objektivieren, verwendet man spezifische Sprachmittel.

Der Sprachgebrauch wird hier dadurch bedingt, dass die Lösung jeder semantischen Aufgabe die Aktivierung der ganz bestimmten Sprachmittel erfordert. Vom vorhandenen Set der alternativen spezifischen Mitteln, Möglichkeiten und Techniken werden entsprechende Sprachformen ausgewählt oder gebildet. Man kann in diesem Zusammenhang sagen, dass verschiedene Diskurstypen unterschiedliche Grammatik und unterschiedliche lexikalische Einheiten erfordern und eigentlich die Diskurse konstituieren [vgl.: Kubrjakova, 2004, S. 531].

Eine ganze Reihe von Fragen analysierend, die sich auf das Funktionieren bestimmter wortbildender Spracheinheiten beziehen, auf die die moderne Wissenschaft keine Antwort geben kann, ziehen deutsche Wissenschaftler H. Elsen und S. Michel das Fazit, dass Wortbildung eine Forschungslücke ist, die nur durch interdisziplinäre Forschung beseitigt werden kann: "Was die Wortbildung anbelangt, so tut sich hier eine eklatante Forschungslücke auf" [Elsen, Michel 2007, S. 12]. Die Wissenschaftler machen außerdem folgende Schlussfolgerung: "Neben der Korpusarbeit wird auch die Rolle von Texten bei der Untersuchung von Wortbildungen unterschätzt" [Elsen, Michel, 2007, S. 8]. Im Werk folgern die Autoren, dass die Forschung eines Problemenkomplexes im Rahmen der Korpus-, Text-, Sprachlinguistik, Pragmatik, Sozio- und kognitiven Linguistik die Antworten auf die aktuellen Fragen auf dem Bereich der Wortbildung geben kann. H. Elsen und S. Michel weisen auf die Zusammenhänge zwischen dem komplexen Wort und dem Text hin. Solche Wörter gewährleisten die Sinnesganzheit und Kohärenz von Äußerungen im Diskurs, differenzieren und präzisieren Informationen, erleichtern Verständnis, vgl.: "Komplexe Wörter helfen dabei, sowohl auf der Textoberfläche als auch auf der Bedeutungsebene Zusammenhänge zu schaffen, damit eine Folge von Wörtern bzw. Sätzen kohärent wird" [Elsen, Michel, 2007, S. 8].

Auch die komplexen Wörter selbst können, besonders wenn sie Neologismen, Okkasionalismen oder mehrdeutige Produkte der Wortbildung sind, nicht in einer isolierten

Position, sondern in einem Kontext bei Berücksichtigung von Vorwissen über die Welt, über die entsprechende Kultur und unter Zuhilfenahme von assoziativen Verbindungen mit den schon früher angeeigneten Mustern aktualisiert werden.

Fazit

Das Vorhergehende erlaubt uns, die folgenden Schlüsse zu ziehen.

1. Kompositum ist aufgrund seiner Prototypität universal und dringt in alle Sphären des Diskurses ein. Das substantivische Kompositum stellt das Wissen über den Gegenstand der Wirklichkeit und seine Verbindungen mit anderen Objekten dar. Der Hauptvorteil des komplexen Substantivs gegenüber anderen Mitteln zur Speicherung von Informationen ist die Komprimierung von Informationen im Rahmen einer kompakten Struktur. Ein komplexes Wort wird im Diskurs erzeugt und repräsentiert eine einzigartige semantische Struktur, welche einen bestimmten Satz von für die Erreichung der Kommunikationsziele wesentlichen Eigenschaften enthält.

2. Linguo-kognitive Kombinatorik ist eine wechselseitige Bedingtheit, Korrelation von linguistischen und kognitiven Elementen, einer der Hauptwege der Integration und der wichtigsten systembildenden Faktoren bei der Verdichtung der semantischen Energie des Text-Diskurses.

3. Zwischen den wesentlichen Elementen der diskursiven Sphären (die insbesondere durch zusammengesetzte Substantive und durch syntagmatische Kombinationen verbalisiert werden und auf denen das Inferenzwissen basiert) und den Ebenen des Konzeptes wird eine Korrelation hergestellt. Eine solche Korrelation ist eine Art holistischer Rahmen für die Objekt-Subjekt-Welt-Wahrnehmung, für die Auffassung der Sein-Elemente, Gesetze des sozialen Lebens, sozialen Gesetzmäßigkeiten.

Literaturverzeichnis

1. Alefirenko, N. F. Das «lebendige» Wort. Die Probleme der funktionalen Lexikologie. – Moskau, 2009. – 344 S.
2. Busse, D. Begriffsgeschichte oder Diskursgeschichte? Zu theoretischen Grundlagen und Methodenfragen einer historisch-semantischen Epistemologie // Herausforderungen der Begriffsgeschichte. – Heidelberg, 2003. – S. 17–38.
3. Elsen, H., Michel, S. Wortbildung im Sprachgebrauch. Desiderate und Perspektiven einer etablierten Forschungsrichtung // Muttersprache 1 / (Hg.) A. Burkhardt, R. Hoberg, P. Schlobinski, E. Teubert, A. Warner. – Wiesbaden, 2007. – S. 1–16.
4. Kubrjakova, E. S. Sprache und Wissen. – Moskau, 2004. – 560 S.
5. Luginbühl, M., Pantli, A.-K. Textlinguistik // Studienbuch Linguistik. – Tübingen, 2004. – S. 241–293.
6. Makarov, M. L. Die Grundlagen der Diskurstheorie. – Moskau, 2003. – 280 S.
7. Zalevskaja, A. A. Psycholinguistische Untersuchungen. – Moskau, 2005. – 543 S.
8. Zimmerman D. H., Boden, D. Structure-in-action // Talk and Social Structure: Studies / Ethnomethodology and Conversational Analysis. – Berkeley, 1991. – P. 3-21.

References

1. Alefirenko, N. F. Living word. Problems of functional lexicology. – Moscow, 2009. – 344 S.
2. Busse, D. History of concepts or history of discourse? On the theoretical foundations and methodological questions of a historical-semantic epistemology // Challenges of conceptual history. – Heidelberg, 2003. – S. 17–38.
3. Elsen, H., Michel, S. Word formation in language use. Desiderata and perspectives of an established research direction // mother tongue 1 / A. Burkhardt, R. Hoberg, P. Schlobinski, E. Teubert, A. Warner. – Wiesbaden, 2007. – S. 1–16.
4. Kubrjakova, E. S. Language and knowledge. – Moscow, 2004. – 560 S.
5. Luginbühl, M., Pantli, A.-K. Textlinguistics // Linguistics course book. – Tübingen, 2004. – S. 241–293.
6. Makarov, M. L. Fundamentals of discourse theory. – Moscow, 2003. – 280 S.
7. Zalevskaja, A. A. Psycholinguistic Research. – Moscow, 2005. – 543 S.
8. Zimmerman D. H., Boden, D. Structure-in-action // Talk and Social Structure: Studies / Ethnomethodology and Conversational Analysis. – Berkeley, 1991. – P. 3-21.

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ФОРМИРУЮЩИХСЯ КОНЦЕПТОВ

Даниленко Илья Александрович

доцент, кандидат филологических наук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, Белгород / danilenko_ia@bsu.edu.ru

Аннотация

в статье рассматривается процесс формирования концепта. Вводится новое понятие формирующегося концепта. Диахроническое исследование художественного концепта позволяет проследить процесс формирования соответствующего ему научного и познавательного концепта. Художественный дискурс представляет собой отражение наиболее значимых научных и познавательных концептов существующих в обществе. Изменения, происходящие в художественном концепте полностью отражают изменения, происходящие в соответствующих ему познавательном и научном концептах. Концепт ПТСР долгое время существовал в научном дискурсе и в художественном под разными названиями, функционируя в каждом из дискурсов как отдельный концепт.

Ключевые слова: художественный дискурс, формирующийся концепт, лингвокультурологический концепт, научный концепт.

DIACRONIC APPROACH TO THE STUDY OF ARTISTIC CONCEPTS AS A WAY TO REVEAL THE EMERGING CONCEPTS

Danilenko Ilya

Associate professor, Candidate of Philological Sciences

Belgorod State National Research University

Russia, Belgorod / danilenko_ia@bsu.edu.ru

Abstract

The article discusses the process of concept formation. A new notion of an emerging concept is introduced. The diachronic study of a literary concept allows us to trace the process of formation of a corresponding scientific and cognitive concept. Art discourse is a reflection of the most significant scientific and cognitive concepts that exist in society. The changes taking place in a literary concept fully reflect the changes taking place in a cognitive and scientific concepts corresponding to it. The concept of PTSD has existed for a long time in scientific and art discourse under different names, functioning in each of the discourses as a separate concept.

Keywords: art discourse, emerging concept, linguocultural concept, scientific concept.

Художественный дискурс является отражением объективной реальности. Происходящие в мире события, наиболее актуальные темы современности находят отражение в искусстве. Находясь в лингвокультурной среде, произведения искусства отражают её современное состояние. Однако, любое произведение искусства хранит в себе часть лингвокультурного мировоззрения и само влияет на культуру, при этом лингвокультурная среда подвержена постоянным изменениям под влиянием множества факторов, тогда как произведение искусства статично, оно запечатлевает определённый момент в истории развития лингвокультуры и больше не подвержено изменениям.

Чтобы проследить тенденции изменения в лингвокультуре, следует обратиться к произведениям искусства разных эпох, что даст наглядное представление об идеалах и идеях, волновавших умы представителей исследуемой культуры на разных этапах её развития.

Литературные художественные произведения хранят в себе концепты, актуальные для разных эпох, равно как и изменения происходившие в этих концептах. Изучая художественную литературу можно проследить, как появляются новые или уходят из употребления старые концепты.

Изменения в лексическом составе языка происходят одновременно с изменениями в технической и культурной жизни общества: чем значительнее изменения в науке и культуре, тем живее они отражаются в языке. Одно из наиболее заметных потрясений для любого общества – война. Война заставляет технический прогресс двигаться с невероятной силой: наука, техника, медицина переживают значительные изменения. Вслед за объективными изменениями реального мира рождаются новые понятия – концепты, которые со временем преодолевают барьер сугубо профессиональной лексики и становятся концептами языка разговорного. Искусство, в данном случае литература, описывая происходящие события, превращает познавательные концепты в художественные и таким образом запечатлевает момент «актуализации концепта» в языке.

Всем нам известно понятие посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Сегодня это центральное понятие концепта ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА. Проследим историю формирования этого концепта.

Впервые психиатрия обратила внимание на проявления психических расстройств, при отсутствии органических повреждений у жертв железнодорожных катастроф. Необычная симптоматическая картина была описана в 1867 году в книге Джона Эриксена [Erichsen 1867]. Тогда психиатры только начинали задаваться вопросом о природе расстройства и о том, почему таким травмам подвержены не все участники катастроф. Тогда это понятие так и осталось интересом лишь нескольких учёных, поскольку само явление не носило массового характера. С лингвистической точки зрения, с момента публикации труда Д. Эриксена начинает формироваться новый концепт. Формирование начинается не ядра концепта, а с периферии и приядерной зоны: описаны причины и симптомы.

В 1878 году немецкий невролог Альберт Ойленбург сформулировал понятие «психической травмы». Вслед за ним доктор Герман Оппенгейм в своей монографии сформулировал понятие травматического невроза [Oppenheim 1889]. В своей работе он указывает на возможность мелких повреждений мозга, которые и вызывают симптомы невроза. С этого момента, получив название и научное обоснование, понятие «психической травмы» становится отдельным концептом: у него есть ядро, приядерная зона, ближняя и дальняя периферия.

Психиатры начала 20 века уже знали, что «психическая травма» «берёт начало в травматических событиях, не связанных с физической травмой, но сопровождающихся сильными эмоциональными переживаниями» [Федунина 2005, 165]. Считалось, что травматические расстройства вызываются событиями, к которым человек оказывается плохо подготовлен, к которым он не может адаптироваться. Такими событиями как раз являются боевые действия. Во время войны вопрос психической травмы становится особенно остро.

Русско-японская война стала первой войной с применением артиллерии нового образца, которая оказывала совершенно новое психологическое влияние на солдат. Именно после этой войны понятие «психической травмы» приобрело широкую известность. П. М. Автократов, уполномоченный Красного Креста на Дальнем Востоке, опубликовал свою статью на русском и немецком языках. В ней содержалось описание того, что позже станет известно на весь мир как «shell shock» (снарядный шок), или «травматический невроз» на войне [Автократов 1906]. С этого момента понятие «психической травмы» становится известно по всему миру и прочно ассоциируется с войной. Однако, не смотря на широкую распространённость концепта ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА он остаётся в рамках исключительно научного курса.

Сам термин «shell shock» (снарядный шок) был введён в 1916 году Ч. Майерсом [Myers 1915]. К 1916 году этим психиатром было осмотрено свыше двух тысяч солдат с этим расстройством. Основным оружием Первой Мировой войны стала артиллерия: бесконечные обстрелы «сводили солдат с ума». Отсюда, Ч. Майерс логично заключил, что причиной всему именно артобстрелы. С этого момента концепт ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА получает новое название и новое ядро концепта: SHELL SHOCK/СНАРЯДНЫЙ ШОК.

Первая Мировая война стала настолько значимым событием в человеческой истории, что всё, что происходило и все последствия, что она вызвала, стали достоянием всего человечества. Она была отражена в произведениях искусства всех стран участниц. Литературные произведения, созданные в 20-е и 30-е годы, описывают, помимо самой войны, так называемое «Потерянное поколение». Представители «Потерянного поколения» – это люди пережившие ужасы войны и вернувшиеся с фронта. Уцелев физически на войне, они получили психологические травмы, и теперь они не знают, как жить в мирное время, они не способны больше адаптироваться к нормальной жизни. Говоря научным языком это люди с психическим расстройством. События Первой Мировой войны так сильно повлияли на общество того времени, что они нашли отражение в художественной литературе, а вместе с ними и сам концепт SHELL SHOCK/СНАРЯДНЫЙ ШОК. Примечательно, что само название концепта всё ещё оставалось прерогативой узкого круга учёных психиатров, а вот само заболевание получило настолько широкое распространение, что вошло в художественную литературу как художественный концепт ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ. У таких писателей как Э. М. Ремарк, Ф. С. Фитцджеральд, А. Н. Толстой, М. А. Шолохов *впервые* описываются люди, вернувшиеся с фронта и их неспособность к мирной жизни.

С этого момента существовала два условно разных концепта: концепт сугубо научного стиля SHELL SHOCK/ СНАРЯДНЫЙ ШОК и концепт исключительно художественный ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ. При этом не один из них не стал ещё концепт сферы повседневного общения. Обозначая, по сути, одно и то же, они ни у кого не ассоциировались как идентичные. На данном этапе рассматриваемый концепт является формирующимся. Формирующийся концепт – концепт, не получивший ещё достаточного распространения и не закреплённый в культурной памяти народа.

К началу Второй Мировой войны опыт Первой почти забылся, психические расстройства уже не всегда связывали с артобстрелами: характер войны изменился, артиллерия перестала быть единственным оружием. Американские врачи заметили участвовавшее явление отрешённости солдата. Его называли «Thousand-yard stare» (взгляд на тысячу ярдов). Это выражение обрело популярность после публикации репродукции картины Американского военного корреспондента и художника Томаса Лии в журнале Life в 1944 году. На картине изображён американский морской пехотинец с отрешённым взглядом в разгар боя. Тогда считалось, что это не связано с понятием снарядного шока. Сегодня же, наоборот, понятие «Thousand-yard stare» является одним из симптомов ПТСР, а значит входит в номинативное поле концепта СРЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО.

Концепт ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА ещё не сформирован, но при этом формируются и отображаются художественным дискурсом элементы его будущей приядерной и периферийной зоны. Широкую известность получают симптомы, способы диагностики и лечения, но они ещё не соединены воедино, а существуют отдельно как элементы формирующегося концепта. При этом крайне интересен факт, что широкую известность формирующийся концепт получил либо в узко научном дискурсе или в возвышенном художественном дискурсе, при этом почти не затронул сферу повседневного общения. Известен случай, когда американский генерал Джордж Паттон во время инспекции госпиталя счёл солдата с психической травмой трусом и дал ему пощёчину.

Только во времена Вьетнамской войны психическому состоянию солдат стало уделяться достаточно внимания и этот период стал следующим в формировании рассматриваемого концепта. Группа ветеранов вьетнамской войны, известная под названием «Ветераны Вьетнама Против Войны», в ходе десятилетней политической компании добилась введения ПТСР в классификационный психиатрический стандарт DSM-III (Houts, 2000). «Новый диагноз помимо синдрома ветерана Вьетнама охватывал расстройства, наблюдавшихся у женщин после изнасилования, у жертв детского абьеза и др.» [Федунина 2005, 189]. С этого момента все уже известные причины, симптомы,

методы диагностики и лечения были собраны воедино, сформировав новый концепт ПТСР (ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО).

Новый концепт был сразу отражён в искусстве: появилось множество книг и фильмов о ветеранах Вьетнамской войны по-разному переживающих ПТСР. Научный концепт перешёл в художественный, а за тем, и в лингвокультурологический навсегда закрепившись в нём. Долгое время существовало понятие «Вьетнамский синдром», когда произошли военные действия в Ираке и стрессовое расстройство было диагностировано у ветеранов войны в Ираке, термин «Вьетнамский синдром» вышел из употребления. На смену, однако, не пришёл термин «Иракский синдром». Вместо этого и в научном и в художественном дискурсе стал употребляться медицинский термин ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО.

Таким образом, изучая художественный дискурс, мы можем проследить процесс формирования художественного концепта: изменения, происходящие не только на периферии, но и в приядерной зоне и даже в самом ядре концепта. Диахроническое изучение художественного концепта позволяет выявить момент перехода концепта из узкого научного круга употребления в сферу общего употребления, момент, когда узкий термин перестаёт быть таковым и становится достоянием общественности посредством превращения его в художественный концепт.

Литература

1. Автократов П.М. Призрение, лечение и эвакуация душевнобольных во время русско-японской войны в 1904–1905 годах. СПб., 1906.
2. Федунина Н. Ю., Бурмистрова Е. В. Психическая травма. К истории вопроса // Московский психотерапевтический журнал. – 2005. – №. 2. – С. 164-190.
3. Erichsen J. E. On railway and other injuries of the nervous system. – Henry C. Lea, 1867.
4. Houts A.C. Fifty years of psychiatric nomenclature: reflections on the 1943 war department technical bulletin, Medical 203. // Journal of clinical psychology, Vol. 56(7), 935-967 (2000).
5. Myers C. S. in "A Contribution to the Study of Shell Shock. Being an account of Three Cases of Loss of memory, vision, smell and taste, admitted into the duchess of Westminster's War Hospital, Le Touquet.," The Lancet Feb., 1915. pp. 316-320. <http://bms.brown.edu/HistoryofPsychiatry/Myers.html>.
6. Oppenheim H. Neue Beiträge zur Pathologie der Tabes dorsalis // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten. 1889. T. 20. №. 1. С. 131-169.

References

1. Avtokratov P.M. Prizrenie, lechenie i evakuaciya dushevnobol'nyh vo vremya russko-yaponskoj vojny v 1904–1905 godah. SPb., 1906.
2. Fedunina N. YU., Burmistrova E. V. Psihicheskaya travma. K istorii voprosa //Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2005. №. 2. S. 164-190.
3. Erichsen J. E. On railway and other injuries of the nervous system. – Henry C. Lea, 1867.
4. Houts A.C. Fifty years of psychiatric nomenclature: reflections on the 1943 war department technical bulletin, Medical 203. // Journal of clinical psychology, Vol. 56(7), 935-967 (2000).
5. Myers C. S. in "A Contribution to the Study of Shell Shock. Being an account of Three Cases of Loss of memory, vision, smell and taste, admitted into the duchess of Westminster's War Hospital, Le Touquet.," The Lancet Feb., 1915. pp. 316-320. <http://bms.brown.edu/HistoryofPsychiatry/Myers.html>.
6. Oppenheim H. Neue Beiträge zur Pathologie der Tabes dorsalis // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten. 1889. T. 20. №. 1. P. 131-169.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Данилова Елизавета Александровна

студент кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / yourlizick@bk.ru

Аннотация

Современная лингвистика уделяет все больше внимания сленгу. Социальная лексика – понятие до сих пор неоднозначное, и его определение варьируется от текста к тексту. В последние годы некоторые сленговые выражения утратили свое значение или стали разговорными. В статье мы хотели бы уточнить основные понятия, связанные с темой исследования. Рассмотреть сферы употребления и функции, способы образования, выявить их структурные и семантические особенности, а так же затронуть проблему, связанную с их вариантностью.

Ключевые слова: семантика, структура, устная речь, сленг, формы, вариантность

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF SLANG IN CONTEMPORARY FRENCH

Danilova Elizaveta

Student of German and French department

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / yourlizick@bk.ru

Abstract

Modern linguistics is paying more and more attention to slang. Social vocabulary is still an ambiguous concept, and its definition varies from text to text. In recent years, some slang expressions have lost their meaning or become colloquial. In this article, we would like to clarify the main concepts related to the topic of research. To consider the spheres of usage and functions, ways of formation, to reveal their structural and semantic features, as well as to touch upon the problem related to their variability.

Keywords: semantics, structure, spoken language, slang, forms, variation

На протяжении веков социальные разновидности языка обращали на себя внимание ученых, исследователей, писателей, летописцев, *этнографов* и многих других. В Германии к 13-14 в., а во Франции к 14-15 в. были отмечены первые свидетельства существования арготической речи. Сленг – наследник древнего арга. Согласно словарям того времени, «арго» упоминалось, как язык нищих, воров, преступников, босяков и биржевиков, который был создан с целью усложнения понимания их речи и защиты информации от полиции, для того чтобы их язык был понятен только для членов их кабалы". [8]. В 15 веке ученые называли данное явление «*jobelin*», «*baragouin* » или «*parquois* ». Это было связано с тем, что первоначально арго был просто горловым звуком, который в двенадцатом веке означал “щебетание”, “лепетание”. [6]

В дальнейшем эта мысль получила свое развитие в работах Бертрана Галимара Флавиньи [4], который писал, что одно из первых и наиболее точных объяснения термина «арго» было дано в 1694 году в издании словаря Французской академии:

«On dit plus communément Ergot. Pointe dure qui vient au derrière du pied de quelques animaux. Les argots d'un coq, d'un chien ; il s'est rompu l'argot en courant. 2. On dit fig. Se lever sur ses argots, monter sur ses argots, pour dire, s'élever d'action et de parole, avec chaleur et audace ».

С 1750 года параллельно с французским термином «арго» начинает фигурировать английский термин «сленг». Первоначально он обладал негативной окраской – «язык улиц». Начиная с 19 века, его использование получило широкую огласку в английской

лексикографии и, с 1850-х годов, значение этого термина было увеличено до «незаконной» лексики. Дж.Б. Гриноу и Дж.Л. Киттридж в одной из своих работ описал сленг как «язык-бродягу», который находится в границах литературного дискурса и пытается войти в язык «утонченного общества». [3]

В современном словаре le Petit Robert от 2011 года, «сленг» трактует, как: «1. Langage cryptique des malfaiteurs, du milieu; «langue verte». 2. Langage particulier à une profession, à un groupe de personnes, à un milieu fermé».

В своей работе Goudaillier (1999) [5] утверждал, что сленг тесно связан с пролетарским обществом начала 20 века. Со временем оно изменилось или даже исчезло, и его заменили городские или пригородные объединения. В этих обществах проживает около 12 миллионов человек, часть из которых иммигранты. Все это привело к огромному числу заимствований. По данным сайта Университета Квебека в Труа-Ривьере: " Все французы, несмотря на социально-экономические уровни, знают или используют несколько сленговых слов. Даже президент Франции или известные писатели во Французской академии». Но если мы говорим о относительной единовозрастности группы, то арготическая речь выступает как характерная черта языка поколения.

Использование заимствований может быть одной из форм сленга, но их гораздо больше. Гудайе предложил следующий список:

- метафоры, связанные с современной рекламой или недавними событиями;
- метонимии для обозначения людей на основе объектов, которые их характеризуют;
- верлан;
- апокопы для сокращения употребляемых слов (усечение);
- аферезы, которые стирают начальные слоги слов (усечение);
- удвоение после афереза;
- добавление суффиксов после усечения слов;
- отсутствие словесных знаков отличия;
- заимствования из слов арабского, берберского, цыганского, африканского, карибского, англо-американского происхождения;
- заимствования у местных говорящих и старого французского сленга.

Исследователей всегда интересовали различные виды сленга: «Сленг употребляется в стилистических целях: для создания эффекта новизны, необычности, отличия от признанных образцов, для передачи определенного настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, живости, зримости, точности, краткости, образности, а также чтобы избежать штампов, клише» [1]. И такой вид сленга, как усечение, привлекает ученых своей метафоричностью, экспрессивностью и «нетрадиционностью». Усечение – это исключение одного или нескольких слогов в конце или в начале слов. В общем языке можно найти множество слов, на которых проявляется данный процесс, например: prof – professeur (учитель), ciné – cinéma (кино) для самого кино из кинематографического, métro – métropolitain (метро), météo – météorologie, télé – télévision.

Оно проявляется на разных уровнях жаргонной лексики, как у старшекласников, так и у военных. Чаще всего к данному виду изменения слов прибегают подростки, например: impress – impressable (безупречные), sympa – sympathique (дружелюбные). В французском сленге усечение может принимать различные формы:

1) Усечение инициалов, или аферезис (этот термин происходит от латинского грамматического «aphæresis» греческого происхождения), то есть резкое сокращение, уменьшение фонемы или слога, расположенного в начале слова. Вот почему этот процесс напрямую связан с загадочным происхождением сленга, потому что начальный слог дает наибольшую информацию. Например:

achement – vachement; très (очень);

blème – problème (проблема);

bicot – abricot; désignation raciste de l'Arabe (расистское обозначение на арабском языке);

chirer – déchirer; cogner (рвать; стучать);

cil – facile (легко);

cipal – municipal (городской);

dwich – sandwich (сэндвич);

Бывают случаи, когда некоторые слова, возникающие в результате афереза, могут затем подвергнуться удвоенному повторению гипокористического типа. Это относится к:

doune – doudoune (bedoune; sein de femme rebondi) -женщина с пышной грудью;

fan – fanfan (enfant) – ребенок;

gen – gengen (argent) – серебряный;

zique – zizique (musique) – музыка;

2) Усечение окончаний, или, иначе говоря, апокопа (происходит от слияния греч. слов apo «от» и koptein «резать») то есть выпадение фонемы или слога, расположенного в конце слов, которое приводит к совращению слова. Следует отметить, что термин, который породил апокопированные слова, используется достаточно редко. Мы можем привести следующие примеры данного явления:

artiche – artichaut; argent (зеленые, деньги) ;

blasé – blason; nom(герб, имя);

bouille – brouillotte; figure (черновик, рисунок);

dèk – dékis, verlan de kisdé; policier, flic (полицейский);

libé – liberté (свобода);

manès – manéci, verlan de cinéma (кино);

mat – matin (утро);

occase – occasion(повод);

rainc – rainco, verlan de copain (бойфренд);

rédi – rédéraste(человек, который любит молодых мальчиков);

Чаще всего в сленге преобладает использование апокопа, так как он при малейшем усилии реагирует на эту тенденцию, сохраняя при этом первые слоги слов, те, которые дают наибольшую информацию и, следовательно, сохраняют максимальный смысл.

В согласных или группах согласных, апокопы также представлены в многочисленном ключе. Некоторые наиболее распространенные из них: appart – appartement(квартира); beauf – beau-frère (шурин); deb – débile; idiot, crétin, infantile(идиот, кретин, дурак); un loub – loubar; jeune voyou, jeune marginal(молодой бандит); petit déj – petit déjeuner(завтрак); provoc – provocation(провокация); scénar – scénario(сценарий) и т.д.

Гласные апокопы. Некоторые из них уже старые, например, la sécu – sécurité(безопасность); un psy – psychologue(психология). Другие, более поздние, похоже, выходят за рамки общего закона. Если catastrophe (катастрофа) ограничена префиксом «cata», то это не относится к следующим сокращениям: cré – créatif (креативный); bourge – bourgeois(буржуазный); giga – gigantesque(гигантский); réu – réunion(собрание); séropo – séropositif(вич-положительный). Кроме того, сокращение подчиняется письменной логике, а не устной, и всегда сохраняет достаточно начала слова, чтобы его можно было понять.

Гласные сокращения иногда конкурируют с их эквивалентом, заканчивающимся согласным: таким образом, можно носить un fute ou un futa – pantalon (брюки); un sousti ou un soutif – “soutien-gorge” (бюстгальтер). Суффиксирование чаще всего происходит после апокопа, но оно никоим образом не скрывает смысла, оно просто придает словам отличительный знак:

Суффикс – «о»: ado – adolescent (подросток), afro – africain(африканец); alcoolo – alcoolique (алкоголик), crado – crasseux(грязный); écolo – écologiste(эколог); intello – intellectuel(интеллектуал); musico – musicien (музыкант).

Суффикс – «os»: craignos – craindre(бояться); matos – matériel(материал); ringardos – ringard; comédien médiocre (банальный, плохой комик).

Другие суффиксы: calcif – caleçon(подштанники); derche – derrière(сзади); burlingue – bureau (рабочий стол); morcif – morceau(кусочек); pardingue – pardessus(пальто); pétasse – péteux (публична женщина).

Таким образом, происхождение термина "сленг" вызывает много споров, и его трудно точно определить, но можно дать общее определение специфического явления, встречающегося в следующих областях, объединенных по какому-либо признаку (по возрасту, интересам). Он содержит, с одной стороны, лексику, отличающуюся от разговорной грубо-фамильярной окраской, с другой стороны, в нем присутствует довольно много англицизмов и других заимствований [2]. Так же можно сделать вывод, что существует множество форм сленга, благодаря чему он и получает такую экспрессивную, яркую окраску.

Литература

1. Английские социальные диалекты : (Онтология, структура, этимология). Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. "Иностр. яз" / М. М. Маковский. – М. : Высш. школа, 1982. – 135 с.
2. Виноградова Т. Ю. Русская и сопоставительная филология: 59 Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63-67.
3. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Высш. шк., 1977. – 334 с.
4. Bertrand, G. F. L'Argot : langage imagé ou langue des voleurs?, PUF, 2007. – 239 p. <https://www.canalacademies.com/emissions/au-fil-des-pages/le-bibliologue/largot-langage-image-ou-langue-des-voleurs>
5. Jean-Pierre Goudaillier, Comment tu tchatches, «Dictionnaire du français contemporain des cités», – Maisonneuve et Larose, 1997. – 304 p.
6. Louis-Jean Calvet, L'argot, «Que sais-je?», 1er édition, – Paris, 1994, – 127 p.
7. L. Sainean. L'argot ancien. – Paris, 1907, – 350 p.
8. Richelet, P. Dictionnaire français de Pierre Richelet/1re éd. – Geneve, 1680. – 281 p.
9. Kluge, F. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprachen. – Strassburg, 1901, – 519 p.

References

1. English Social Dialects: (Ontology, Structure, Etymology). The textbook for pedagogical institutes in foreign languages / M. M. Makovsky. – M. : High School, 1982. – 135 c.
2. Vinogradova T.Y. Russian and Comparative Philology: Linguocultural Aspect. – Kazan, 2004. – С. 63-67.
3. Galperin, I.R. Essays on the stylistics of the English language / I.R. Galperin. – M.: Vyssh. shk., 1977. – 334 c.
4. Bertrand, G. F. L'Argot : langage imagé ou langue des voleurs?, PUF, 2007. – 239 p. <https://www.canalacademies.com/emissions/au-fil-des-pages/le-bibliologue/largot-langage-image-ou-langue-des-voleurs>
5. Jean-Pierre Goudaillier, Comment tu tchatches, Dictionnaire du français contemporain des cités, – Maisonneuve et Larose, 1997. – 304 p.
6. Louis-Jean Calvet, L'argot, "Que sais-je?", 1st edition, – Paris, 1994, – 127 p.
7. L. Sainean. L'argot ancien. – Paris, 1907, – 350 p.
8. Richelet, P. Dictionnaire français de Pierre Richelet/1re éd. – Geneve, 1680. – 281 p.
9. Kluge, F. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprachen. - Strassburg, 1901, – 519 p.

УДК 81'1

CORPUS TERMINOLOGIQUE DES DOCUMENTS LÉGISLATIFS FRANÇAIS

Koteneva Inna Anatolievna

Université nationale de recherche de
Belgorod
Belgorod, Russie / koteneva@bsu.edu.ru

Krivchikova Nelya Leonidovna

Université nationale de recherche de
Belgorod
Belgorod, Russie / krivchikova@bsu.edu.ru

Résumé

Cet article a pour objet le corpus terminologique des documents législatifs français. En étudiant le vocabulaire terminologique du droit français, il est nécessaire de déterminer le rapport entre la langue commune et la terminologie et de savoir quelle place occupe le vocabulaire terminologique législatif dans la structure de la langue française et de son système lexical.

Mots clés: le vocabulaire juridique, les textes législatifs, le droit, les semi-termes, le législateur, la terminologie juridique française, le groupe thématique nominative.

Aucun phénomène dans une langue ne peut être compris sans tenir compte du système auquel il appartient. En étudiant le vocabulaire terminologique du droit français, il est nécessaire de déterminer le rapport entre la langue commune et la terminologie et de savoir quelle place occupe le vocabulaire terminologique législatif (juridique) dans la structure de la langue française et de son système lexical.

Le vocabulaire juridique français, selon le dictionnaire de J. Cornu, comprend environ 10.000 mots, parmi lesquels des noms simples (*don (m)*, *gage (m)*, *hypothèque (f)*), des noms composés (*sous-location (f)*, *ayant-droit (m)* (*bénéfice d'inventaire (m)*, *donation-partage (m)*, *nu-propriétaire (m)*) [Cornu, 2000].

La terminologie juridique française peut être représentée comme un ensemble des couches lexicales suivantes :

1) le vocabulaire spécial terminologique propre (environ 400 termes), qui se qualifie comme termes propres dans le système de la langue nationale (*codébiteur (m)*, *contumace (f)* *emphytéose (f)* *interjeter*) etc.

La simple existence de ces termes juridiques démontre déjà la particularité du langage juridique des textes législatifs français.

Il faut souligner que les termes juridiques ne sont utilisés que par les spécialistes du domaine juridique, car une personne non spécialiste, ne les utilise pas. Cependant, la fréquence d'utilisation des termes juridiques par les spécialistes dépend toutefois de certaines caractéristiques.

Il existe des termes juridiques qui sont rarement utilisés car le sujet auquel ils se réfèrent est un phénomène exclusif pour la pratique juridique, par exemple, *colonat (m)*, *investiture (f)*.

Il n'est pas non plus courant d'utiliser des termes dits spécialisés, qui ne sont pas utilisés par tous les juristes, mais uniquement par ceux qui se spécialisent dans certaines matières : *péculat (m)*, *retrayant (m)*.

Cependant, la plupart des termes juridiques sont utilisés assez souvent. Ils sont unis par le fait qu'ils ne peuvent avoir qu'une signification juridique, c'est-à-dire qu'ils sont purement terminologiques, par exemple: *ab intestate*, *cassation (f)*, *ester en justice*, *dol (m)*, *sequester (m)*, *prejudice(m)*, *prélegs (m)*, *recel (m)*, *intimé (m)* etc.

Les raisons de l'existence de termes purement juridiques sont l'herméticité et la fermeture du signifiant. Ces mots sont incapables d'évoquer des images, incapables de créer une autre image qui conduirait à un changement de leur signification directe. La raison réside également dans le lien très étroit entre le mot et le référent. De nature purement juridique, le référent n'a pas d'équivalent dans la vie courante. La force de ce lien et la nature juridique du référent se conjuguent pour empêcher un sens "dérivé", ou l'utilisation du mot dans un autre sens. Cela est typique tant pour les termes concrets que pour les termes abstraits. Les termes juridiques propres, comme le montrent les exemples, n'ont pas un sens "dérivé" différent. Cela est probablement dû au fait que dans le langage courant, il existe des termes proches ou même des synonymes qui sont plus compréhensibles pour le destinataire, ce qui permet une interprétation plus adéquate du texte de loi. Ils ont remplacé les termes juridiques propres à cette fonction et sont entrés dans le langage courant, conservant non seulement leur signification juridique mais en acquérant également d'autres.

La plupart des mots de leur propre appartenance sont des monosèmes. Ils ne sont pas fondamentaux pour le droit car ils désignent des objets et des concepts qui ne sont pas fondamentaux pour le droit. Pour la plupart, les mots du vocabulaire juridique français ont

également un ou plusieurs autres sens dans la langue courante. Parfois, il peut s'agir de la même signification. Mais, s'il s'agit d'un terme, alors il a très souvent un sens complètement différent dans le langage courant que dans le langage juridique. Cette superposition des sens du mot l'un sur l'autre est appelée double appartenance [Krukowski 1996 : 10].

2) les mots à double appartenance d'un vocabulaire juridique sont des mots qui ont une ou plusieurs significations dans une langue couramment utilisée. Ces mots comprennent les mots-clés du vocabulaire juridique de base, c'est-à-dire empruntés à la naissance de cette terminologie à partir de la terminologie ou du domaine du vocabulaire qui la sous-tendait, étant la base de sa formation: *droit (m)*, *justice (f)*, *loi (f)*, *article (m)*, *disposition (f)*, *cas (m)*, *etc.* Ces mots sont utilisés plus fréquemment par le législateur et sont obligatoires dans les lois. Il existe un cadre lexical rigide, un fonds commun que le législateur utilise comme base, comme cadre. En d'autres termes, la présence d'un vocabulaire standard est un élément cognitif des lois. C'est une sorte de mot de passe pour le législateur.

Parmi les mots à double appartenance, on peut distinguer deux groupes : les termes dans lesquels le sens juridique est dominant (semi-termes) et l'usage commun est dérivé, et les termes dans lesquels le sens juridique est dérivé et l'usage commun est fondamental.

Les semi-termes font partie des principaux éléments composants du système juridique français. Ils sont les porteurs de ses concepts catégoriels de base. Parmi ces mots, il convient de distinguer les types suivants :

1) les semi-termes figuratifs qui n'ont pas de signification juridique technique dans la langue commune : *divorce (m)*, *hypothèque (f)*, *héritier (m)*, *spirituel*, *patrimoine (m)*, *etc.* L'emprunt de significations communes à des mots juridiques est sélectif. Il n'est pas à la règle. Le nouveau sens dérivé est fragmentaire et ne fait qu'une partie du sens juridique.

2) les semi-termes ayant un sens neutre, non technique, dans le langage courant: *juger*, *début (m)*, *témoin (m)*, *autorité (m)*, *aveu (m)*, *responsabilité (f)*, *garantie (f)*, *compromis (m)*, *etc.*

3) les semi-termes qui sont devenus des expressions familières dans la langue courante, privées de leur signification juridique: *séance tenante*, *mettre en cause*, *à bon raison*, *à juste titre*, *à bon droit*, *etc.* Ils sont devenus des calques, des clichés du langage banal ou journalistique.

Un autre groupe de mots à double appartenance a un sens principal dans la langue commune, tandis que le sens juridique est devenu secondaire. Ces mots peuvent être répartis dans les groupes suivants :

1) des termes de double appartenance qui ont la même signification dans le langage juridique et dans le langage courant : *constater*, *examiner*, *étudier*, *observer*, *raisonner*, *etc.* Ce sont des mots courants, sans aucune caractéristique juridique.

2) des termes ayant une signification particulière dans le langage juridique: *principe (m)*, *relation (f)*, *nature (f)*, *substance (f)*, *moyen (m)*, *avantage (m)*, *motif (m)*, *cause (f)*, *aptitude (f)*, *etc.*

3) des termes qui ont un sens figuré, figuratif dans le langage juridique par rapport à l'usage courant : *magistrats (m) de siège*, *charge (f)*, *appel (m) dépôt (m)*, *parquet (m)*, *barreau (m)*, *robe (f)*, *etc.*

4) des termes qui ont perdu leur sens commun dans le langage juridique *absence (f)*, *aliment (m)*, *fruit (m)*, *deliverance (f)*, *etc.* La cause de la double appartenance des mots est la polysémie externe.

Ainsi, la nature contradictoire du terme est que les termes juridiques peuvent fonctionner non seulement comme des mots spécifiques (empruntés ou spécialement créés à partir des ressources de la langue nationale), qui ne sont utilisés que par des spécialistes du droit, mais aussi comme des mots d'usage courant.

Cela confirme la compréhension du terme comme une unité de langage qui, en exprimant un concept spécifique d'une sphère spécifique de la communication professionnelle, la caractérise et l'identifie. Le terme spécifique renvoie à un concept propre à ce domaine de la communication, c'est-à-dire qui renvoie à son propre système de valeurs et qui sert donc de moyen d'étude et d'application.

Compte tenu de l'interaction des facteurs linguistiques et extralinguistiques, l'unité principale de systématisation de la terminologie des textes législatifs est le groupe thématique nominatif, caractérisé par la proximité sémantique de la connexion objet-logique des éléments, la cohérence externe. Les processus qui se déroulent dans le vocabulaire législatif français, les régularités qui président à son développement, les tendances de sa formation par rapport au vocabulaire commun, le mécanisme de son fonctionnement nous permettent de mieux comprendre la spécificité du vocabulaire juridique des textes législatifs français et, par conséquent, la spécificité de leur compréhension et de leur interprétation.

Références bibliographiques

1. Cornu, G. Linguistique juridique. – 2e éd. – Paris: Montchrestien, 2000. – 443 p.
2. Code civile (de France). – Paris: Litec, 2006. – 559 p.
3. Code pénale (de France). – Paris: Lutech, 2006. – 392 p.
4. Constitution (de France). – Paris: Dalloz, 2002. – 392 p.
5. Krukowski, V. I. L'aspect pragmatique des textes législatifs français : Ph. Sciences philologiques : 10.02.05. – K., 1995. – 211 p.

УДК 81`373.612.2`42

МЕТАФОРА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ: В ПОИСКАХ «ГРАНИЦЫ ТЕКСТА»

Кураш Сергей Борисович

доцент кафедры белорусской и русской филологии

кандидат филологических наук, доцент

Учреждение образования

«Мозырский государственный педагогический

университет им. И.П. Шамякина»

Мозырь, Республика Беларусь / text2005@mail.ru

Аннотация

Статья нацелена на поиск ответа на вопрос, каким образом выстраиваются отношения метафоричности и отражаемой в текстах художественного дискурса экстралингвистической ситуации (денотативного пространства), реализующие метафоричность текста. В основе разграничения текстов (в первую очередь – художественных) на «достоверные» и «недостоверные» лежит наш когнитивно-речевой опыт: достоверным нам представляется тот текст, который воспринимается как достоверный, даже если мы и понимаем, что факты, описанные в произведении, являются вымышленными. Возникает вопрос о так называемой «границе текста», которая может, на взгляд автора статьи, зависеть только от опыта читателя: текст воспринимается как «достоверный» в том случае, если им кодируются не только и даже не столько «переменные величины» некоторого фрагмента внетекстового универсума, сколько величины «постоянные», т. е., те базовые сценарии (фреймы и т.д.), которыми обладает (или, по замыслу автора, должен обладать) читатель (на уровне присутствующих в его сознании пресуппозиций).

Ключевые слова: текст, метафора, действительность, знак, граница текста.

METAPHOR AND REALITY: IN SEARCH OF THE «TEXT BORDER»

Kurash Sergey Borisovich

Associate Professor of the Belarusian

and Russian Philology Department

Candidate of Philological Sciences

Associate Professor

Educational Institution "Mozyr State Pedagogical University

named after I.P. Shamyakin",

Mozyr, Republic of Belarus / text2005@mail.ru

Abstract

The article is aimed at finding an answer to the question of how the relations of metaphors and the extralinguistic situation (denotative space) reflected in the texts of artistic discourse are built, realizing the metaphoricity of the text. The differentiation of texts (primarily fiction) into "reliable" and "unreliable" is based on our cognitive–speech experience: the text that is perceived as reliable seems to us reliable, even if we understand that the facts described in the work are fictional. The question arises about the so-called "border of the text", which, in the opinion of the author of the article, may depend only on the reader's experience: the text is perceived as "reliable" if it encodes not only and not so much the "variables" of some fragment of the extra-textual universe, as the values of "constants", i.e., those basic scenarios (frames, etc.) that the reader possesses (or, according to the author's plan, should possess) (at the level of presuppositions present in his mind).

Keywords: text, metaphor, reality, sign, text border.

Введение

Природа метафорического значения внетекстового универсума (действительности) – предмет размышления не одного поколения метафорологов. «Писатель, пользуясь знаковостью языка, строит определенную реальность, которая не только отражает уже существующую, но и является ее частью. Поэтому любой художественный текст носит знаковый характер, требующий при интерпретации семиотического подхода, который, в свою очередь, направлен на объяснение текста как языкового явления» [Белозёрова 2001: 15].

Цель исследования

– поиск ответа на вопрос, каким образом выстраиваются отношения метафорики и отражаемой в текстах художественного дискурса экстралингвистической ситуации (денотативного пространства), реализующие метафорогенность текста. Иными словами: что стоит за постоянно постулируемым и самими авторами (поэтами и писателями), и исследователями их творчества утверждением «текст – это метафора»?

Результаты исследования

Наши рассуждения таковы: прочитав тот или иной текст, каждый из нас в принципе может ответить на вопрос: «похож» этот текст на действительность (правдоподобен, реалистичен ли он) или нет?

Но уже здесь есть свои камни преткновения – например, тексты, внешне «правдоподобные», однако таящие в себе иные, скрытые, неявно выраженные смыслы, поскольку 1) понятие реалистичности весьма условное: фрагмент действительности, отражённый в «реалистическом» тексте, – это часто (а может быть, и чаще всего) фрагмент вымышленной действительности; 2) реалистический текст (или, по крайней мере, видящийся таковым читателю) отражает действительность не по принципу «1:1», а по «принципу метонимии», воспроизводя не целое как таковое, а «намекающее» на это «целое» через его «части» [Долинин 1985: 143].

Поэтому принципиально важно понимать, что в основе разграничения текстов (в первую очередь – художественных) на «достоверные» и «недостоверные» лежит именно наш когнитивно-речевой опыт: достоверным нам представляется тот текст, который воспринимается как достоверный, даже если мы и понимаем, что факты, описанные в произведении, являются вымышленными.

Известный семиолог Г. Почепцов, ссылаясь на труды Ц. Тодорова, по этому поводу писал: «В своей “Поэтике прозы” Цветан Тодоров уделил существенное внимание явлению достоверности. Одна из его работ даже называется “Введение в достоверность”. Он говорит о том, что правдоподобие не является модным понятием. Цитируя одного из редких исследователей, он повторяет вслед за ним, что в основе правдивости лежит не соотношение с реальностью (как это имеет место в случае правды), а соотношение с тем, что большинство людей считает реальностью, т. е. с общественным мнением. “Тем самым

дискурс должен соответствовать другому дискурсу (анонимному, внеличностному), но не референту». Еще одним вариантом определения служит соответствие законам жанра, но тоже не реальности. Как он считает, «достоверность – это маска, которая принимается по законам текста и которую мы признаем за отношение с реальностью». Расхождение с реальностью может принимать и иные формы» [Почепцов, с. 265-266].

В контексте сказанного весьма красноречивыми выглядят и рассуждения известного русского писателя советской эпохи К. Федина: «Факт в большинстве случаев – лишь точка приложения силы, которую мы зовём фантазией... Сейчас, после окончания огромной диалогии, в общей сложности в 60 печатных листов, я оцениваю соотношение вымысла и “факта” как 98 к 2. Конечно, я много знал и знаю жизненных фактов из русской действительности 1910 и 1919 годов. Но только оттолкнувшись от них в простор воображения, я мог сочинить людей, в жизни никогда не виданных, не встреченных, но как бы безусловно живших» [цит. по: Сапарина 1967: 44].

Показательно в этом плане применение в современной текстологической литературе понятия «граница текста», которая определяется как «категория анализа художественного текста, позволяющая отделять возможный мир текста от мира объективной действительности» [Задворная 2001: 182–183] и ориентирует на новый перспективный – лингвистический – вектор исследования языка в целом и текста в частности, «центральным понятием которого считается понятие “граница”» [Гринев 2018: 9].

Всё сказанное выше подводит к постановке проблемного вопроса: какова же всё-таки лингвистическая природа «достоверного» / «недостоверного» отражения действительности художественным текстом и какую роль в этом играет метафорический механизм отражения внетекстовой реальности?

Ответ на данный вопрос требует предварительного ответа на другой, более частный, но не менее сложный вопрос: с каким денотатом соотносится сигнификат художественного текста как знака?

Исследователи отвечают на этот вопрос по-разному. Обзор различных подходов к данной проблеме представлен в нашей монографии [Кураш 2020: 76-77].

Попытаемся сформулировать свой ответ на данный вопрос: денотат художественного текста нельзя категорически соотнести ни с порождениями чистого вымысла, «фантазирующего сознания», ни с реально существующим внеязыковым универсумом. Семиотическая картина (= «граница текста») такова: текст воспринимается как «достоверный» в том случае, если им кодируются не только и даже не столько «переменные величины» некоторого фрагмента внетекстового универсума, сколько величины «постоянные», т. е., например, важны не конкретные лица (=персонажи), факты, события (=сюжет), а те базовые сценарии (фреймы и т.д.), которыми обладает (или, по замыслу автора, должен обладать) читатель (на уровне присутствующих в его сознании пресуппозиций).

Таким образом, «фреймовый каркас» денотативного пространства художественного текста – это нечто узуальное, объективное по отношению к сознанию носителя языка – реального или потенциального реципиента художественного текста. Однако «хранилище» его – когнитосфера читателя (его знания, пресуппозиции и пр.). Переменные величины, наполняющие этот самый «фреймовый каркас», чаще всего берутся из упомянутого «фантазирующего сознания», т. е. субъективны по происхождению («вымышлены»), но при этом воспринимаются как пришедшие из внетекстового универсума («достоверные», «реалистичные»). Ср.: «Изменчивость границ находит своё оправдание в контексте интерпретативных констант – прежде всего, стабильных компонентов ментального образа художественного текста» [Боронин 2011: 49]. Налицо диалектическое единство противоположностей – объективного и субъективного в сознании. Именно в балансировке «художественного вымысла» и «художественной правды», «моделирования сознания» и «моделирования реальности» и состоит семиотическая сущность отражения мира посредством художественного текста.

Интересно в этом плане рассуждение Л. С. Выготского: «Искусство относится к жизни, как вино к винограду, сказал один из мыслителей, и он был совершенно прав, указывая этим на то, что искусство берёт свой материал из жизни, но даёт сверх этого материала нечто такое, что в свойствах самого материала ещё не содержится» [Выготский 1998: 314].

Далее напрашивается вопрос: а как же быть с «альтернативными», «возможными» мирами, отражаемыми, в частности, сказками, фантастическими произведениями, мифами, легендами, преданиями и пр.? Где в этих случаях «демаркационная линия» между «фантазией» и «реальностью».

Полагаем, что и в отношении перечисленных феноменов нельзя полностью признавать власть стихии «фантазирующего сознания». Так, например, миф создавался как толкование именно действительности, в нём не было целенаправленного момента искажения реальности, что обусловлено синкретической формой архаического мышления. «Миф выработал и поддерживал в человеке веру во всеобщую связь явлений: “каждая вещь ... может превращаться в любую другую вещь, и каждая вещь может иметь свойства и особенности любой другой вещи”» [Иванюк 1998: 29].

Семиотика сказки в своей сущности максимально точно описывается пушкинской формулой: «Сказка – ложь, да в ней намёк...». «Намёк» опять же не на что иное, как на некое положение дел в узусе (причём, скорее всего, хорошо известное, повторяющееся и пр.). К подобной семиотической модели близка и фантастика.

Таким образом, очевидно, что семиотически художественный текст – это в любом случае подобие/антиподобие действительности, внешней по отношению к речедателю, «слепок» с неё, её отражение в «кривом зеркале» и пр. Так или иначе, вне соотношения с действительностью (универсумом) текст не мыслится и тем более не может оцениваться в рамках маркеров «достоверный» / «недостоверный».

То же относится и к метафоре: «Метафора всегда – прямо или косвенно соотнесена с действительным миром. Она может быть не только названа, но и изображена» [Аругюнова 1998: 236]. Иными словами, речь идёт о проявлении у художественного текста как знака «метафорообразных» отношений сходства/несходства, устанавливающихся с действительностью.

Таким образом, художественный текст – это своеобразная «метафора» действительности, её знак, её реконструкция, а метафора – это принцип мировосприятия посредством текста, инструмент семиотического освоения действительности. «Безусловным и основополагающим аргументом сближения произведения и метафоры является то, что каждый из них представляет собой относительно самостоятельное художественное целое, репродуцирующее идею мирового единства» [Иванюк 1998: 28-29].

Именно метафорический механизм художественного отражения действительности фокусирует в себе диалектику объективного и субъективного: «Дуалистичность противоречий внешнего (объективного) и внутреннего (субъективного) в метафорическом образе отражает двоичность структуры художественного произведения, которое одновременно моделирует действительность и личность автора» [Тимошенко 2001: 7].

Этому положению созвучна мысль Б. П. Иванюка, указывающего на то, что «тема как внутренний предмет произведения, с одной стороны, будучи обязанной своим происхождением внехудожественной реальности, является представителем «жизни в литературе» (Г. Гачев), выражает жизненную семантику, и в этом смысле относится к “внелитературному критерию” (С. Аверинцев), а с другой стороны, оказывается собственным фактором произведения, его художественной целостности. Такое двойственное положение темы позволяет соотнести ее с объектом метафорической рефлексии, который также, с одной стороны, принадлежит реальности субъекта, а с другой, – является предметной основой вполне самостоятельного художественного образа, одним из его структурных компонентов» [Иванюк 1998: 77].

Заключение

В качестве итогового методологического положения мы принимаем тезис об онтологической знаковости текста, выражающейся в диалектическом дуализме внетекстового и внутритекстового, объективного и субъективного, реального и вымышленного, что и наводит на мысль о метафороподобии текста. «Границу текста», исходя из предложенного подхода, всякий раз будет определять лишь опыт (в самом широком понимании) его реципиента как посредника между миром внешним и внутренним.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – 703 с.
2. Белозерова Н. Н. Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов): дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.20. – Тюмень, 2001. – 352 с.
3. Боронин А. А. О понятии «Граница» в лингвистике (к интерпретации художественного текста и его сегментов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. №4. С. 46-50.
4. Выготский Л. С. Психология искусства. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 480 с.
5. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Чернышова Л.А. Лимологические исследования: о слове «граница» и о термине «граница» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 6. С. 8–18.
6. Долинин К. А. Интерпретация текста (французский язык). – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
7. Задворная Е. Г. Граница текста // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001. – С. 183.
8. Иванюк Б. П. Метафора и литературное произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования). – Черновцы : Рута, 1998. – 252 с.
9. Кураш С.Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект. – Мозырь: УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2020. – 322 с.
10. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. – М. : Рефл-бук. – Киев : Ваклер, 2001. – 656 с.
11. Сапарина Е. В. «Ага!» и его секреты. – М. : Молодая гвардия, 1967. – 240 с.
12. Тимошенко Ю. В. Метафора в структурі художньої свідомості : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.06. – Київ, 2001. – 17 с.

References

1. Arutyunova N. D. Metaphor. *Russian language. Encyclopedia*. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya; Drofa, 1998, 703 p.
2. Belozerova N. N. *Semiolinguistic aspects of integrative poetics (based on the material of Russian, English and Irish literary texts)*: dissertation of the Doctor of Philology. Tyumen, 2001, 352 p.
3. Boronin A. A. On the concept of "Border" in linguistics (on the interpretation of a literary text and its segments). *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2011. №4. P. 46-50.
4. Vygotskij L. S. *Psychology of art*. Rostov-on-Don: Feniks, 1998, 480 p.
5. Grinev-Grinevich S.V., Sorokina E.A., Chernyshova L.A. Limological research: about the word "border" and the term "border". *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2018, № 6, P. 8–18.
6. Dolinin K. A. *Interpretation of the text (French)*. Moscow: Prosveshchenie, 1985, 288 p.
7. Zadvornaya E. G. Text border. *Postmodernism. Encyclopedia*. Minsk: Interpresservis ; Knizhnyj Dom, 2001, p. 183.
8. Ivanyuk B. P. *Metaphor and literary work (structural-typological, historical-typological and pragmatic aspects of the study)*. Chernivtsi: Ruta, 1998, 252 p.

9. Kurash S.B. *Metaphorics of Belarusian and Russian poetry: the text-discursive aspect*. Mazyr: UO MGPU im. I.P. Shamyakina, 2020, 322 p.
10. Pochepcov G. G. *Theory of communication*. Moscow: Refl-buk. Kiev: Vakler, 2001, 656 c.
11. Saparina E. V. *"Aha!" and his secrets*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1967, 240 p.
12. Timoshenko Yu.V. *Metaphor in the structure of the artistic freedom*: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Kiev, 2001, 17 p.

УДК 81'72

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Новикова Юлия Дмитриевна

студентка кафедры немецкого и французского языков
факультет иностранных языков педагогического института
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / novikovajulia250@mail.ru

Аннотация

Цветовое восприятие мира человеком играет важную роль на протяжении всей его жизни. Цвета могут по-разному переосмысливаться в культурах, передавать разные чувства, а также эмоциональные состояния людей. Они принимают участие в образовании множества метафорических и метонимических конструкций. Фразеологические единицы, которые имеют в своём составе наименование цвета, всегда мотивированы именно потому, что входящее в их состав название цвета передаёт определенные эмоции в зависимости от переосмысления этого цвета в данном языке. Многие учёные на протяжении нескольких веков изучали фразеологизмы с компонентом цвета. В статье рассматриваются возможности использования разных цветов во фразеологизмах.

Ключевые слова: фразеологизмы, цветочные прилагательные, белый цвет, чёрный цвет, красный цвет, синий цвет, жёлтый цвет.

THE USE OF ADJECTIVES OF COLOR IN PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE FRENCH LANGUAGE

Novikova Julia

Faculty of Foreign Languages
Belgorod State University

Belgorod, Russian Federation / novikovajulia250@mail.ru

Abstract

It is proved that the color perception of the world by a person plays an important role throughout his life. Colors can be reinterpreted in different ways in cultures, convey different feelings, as well as people's emotional states. They take part in the formation of many metaphorical and metonymic constructions. Phraseological units that have a color name in their composition are always motivated precisely because the color name, that is part of them, conveys certain emotions, depending on the reinterpretation of this color in a given language. Many scientists have been studying phraseological units with a color component for several centuries. The article discusses the possibilities of using different colors in phraseological units.

Key words: phraseologisms, color adjectives, white color, black color, red color, blue color, yellow color.

Фразеологические единицы отображают в своей семантике длинный процесс развития культуры народа и тем самым передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, являясь неотъемлемой частью идиоматической картины мира. Окружающий мир предстает перед нами не чёрно-белым, а в цвете.

Цвет является одним из свойств объектов материального мира, которое воспринимается как осознанное зрительно ощущение. В процессе зрительного восприятия человек «присваивает» какой-либо цвет различным объектам. Обычно, цвет мы обозначаем определенными цветовыми прилагательными, такими как: желтый, красный, синий, зеленый и другими.

Существуют фразеологизмы, в которых цветовые прилагательные соединяются с именным или с глагольным компонентами. Сочетание существительного с цветовым прилагательным – это и есть фразеологические единицы именного типа. С помощью таких фразеологизмов можно выразить в целом то или иное качество объекта или охарактеризовать его.

Следовательно, цвет обладает особенностями, благодаря которым мы можем рассмотреть фразеологию во взаимосвязи с культурой людей – носителя языка. Фразеологизмы с обозначением цвета придают нашей речи образность и окрашенность [1]. С их помощью мы раскрываем и передаём положительную или отрицательную оценку человеческой деятельности, и в первую очередь, в обиходно-бытовой среде.

Цветовые прилагательные применимы для обозначения различного рода предметов, например: «рабочая блуза» – *le bleu*, «помада» – *le rouge*. Также с помощью таких прилагательных, возможно например, передавать отрицательные коннотации: «злой взгляд»- *regard noir* или высокую степень эмоционального переживания: *passion rouge*. Говоря о незрелости или неопытности, мы также можем использовать фразеологические единицы, содержащие цвет, здесь примером служит: «незрелый фрукт» – *fruit vert* [4].

Черный цвет применяется для формирования значительного числа номинативных высказываний. Выражение «черная пасть» – *gueule noire* используется для обозначения рабочего, работающего на угольных шахтах и, соответственно, запачканного пылью. Точно так же «разливы нефти» – *marée noire* намекают на черноватые брызги нефтепродуктов с поврежденного судна на воде, а иногда и на береговой линии. «Черные рубашки» – *les chemises noires* так называли фашистских сторонников Муссолини в довоенной Италии, ведь они действительно носили такую одежду. Также существует выражение «черная куртка» – *un jeune voyou*. Так вот, по метонимии это имя, было дано молодому бандиту, приезжающему из пригородов и одетому именно в черное.

Интересен переход от белого к черному. Противопоставление этих двух цветов позволяет передать значение: «идти от одного мнения к противоположному, от одного конца к другому» [2]. В наши дни мы говорим о «черном поясе» – *la ceinture noire*, который носят дзюдоисты самого высокого ранга. «Черное золото» – *l'or noir* – это нефть, которая является источником богатства для тех, кто владеет ее месторождениями.

Белый цвет преимущественно используется для отображения черт характера человека и взаимоотношений между людьми. Так, например, выражение «белый Дрозд» – *merle blanc* – *personne possédant des qualités exceptionnelles, unique*, используют, когда говорят о человеке, обладающим исключительными, редкими качествами, или же уникальном человеке.

Этот цвет символизирует:

- человеческое упрямство: *c'est bonnet blanc et blanc bonnet* – «что в лоб, что по лбу»;

- человеческую трусость и глупость: *avoir les foies blancs* – «быть трусом», *ne connaitre ni le blanc ni le noir* – «ничего не знать; не смыслить»;

- недоброжелательность в отношениях между людьми: *sourir blanc* – «неестественная улыбка или натянутая улыбка», *d'un sac à charbon ne peut sortir blanche farine* – «из угольного мешка не посыплется белая мука; от осины яблочко не родится».

Белый цвет используется также, если речь идет о традициях и обрядах: *marquer d'une pierre blanche/d'un caillou blanc* – «отметить как радостное событие» – во время военной службы клали два камня в мешок (один черный и один белый), и назначенный должен был вытащить один, если он вытаскивал белый камень, он был свободен от

военной службы. В Древнем Риме также был обычай отмечать удачные дни белыми камнями, неудачные чёрными.

Красный цвет имеет довольно богатую историю [6]. Он считается цветом силы и насилия, веселья и страсти. Также прилагательное «красный» можно применять при описании отношений между людьми, а именно недоброжелательное отношение к кому-либо. Например: *marquer qn au fer rouge* – «наложить клеймо на кого-либо», «заклеймить кого-либо»; *être écrit sur le livre rouge* – «попасть на черную доску», «попасть в черные списки». Ещё один пример: *voir rouge* – «прийти в ярость, рассвирепеть», *il voit rouge* – «у него глаза налились кровью». Если мы говорим о стыде или смущении, то здесь уместно выражение: *rougir comme une tomate* – «покраснеть как рак», *le rouge lui montre au visage* – «кровь (краска) бросилась ему в лицо». С помощью красного цвета чаще всего отображаются наши эмоции, такие как ярость и гнев: *se fâcher tout rouge* – «рассвирепеть, рассердиться», *colère rouge* – «ярость»; *verser des larmes rouges* – «плакать от досады»; *avoir la crête rouge* – «быть очень вспыльчивым».

Уникальными являются фразеологические единицы, передающие манеру человека одеваться, во французской лингвокультуре красный – «цвет изысканности»: *faire le talon rouge* – «подчеркнуто изысканно одеваться», *être talon rouge* – «быть изысканным в одежде, в манерах».

Жёлтый цвет употребляется для описания цвета лица человека, вследствие, например, болезни: *jaune comme un cierge pascal* или *comme cire, comme de la cire* – «жёлтый как воск, воскового цвета» или *être jaune comme du safran* – «быть жёлтого цвета, страдать желтухой».

Жёлтый цвет когда-то считался цветом мошенников, предателей, преступников, лжи. Офицеры преследовали патриотически настроенных солдат и подвергали их репрессиям. При увольнении из армии они отпускали их с «волчьими билетами» – *cartouche jaune*, из-за которых им трудно было найти работу. Ещё один пример: *peindre en jaune* – «наставлять рога или изменять». Также жёлтый цвет ассоциируется с газетами, распространяющими сомнительные и непроверенные новости: *journal jaune* – «жёлтая газета».

Синий цвет является цветом почёта, отмечающий заслуги людей: *cordon bleu* – «голубая орденская лента» или «человек с большими заслугами», *ruban bleu* – «награда, получаемая теплоходом за скорость пересечения Атлантического океана». Синий цвет также употребляется для описания человеческой внешности для выражения синеватых оттенков цвета кожи, лица побледневшего или же озябшего человека, например: *être bleu de froid* – «посинеть от холода», *se faire un bleu* – «посадить синяк».

Одной из национальных особенностей французов является то, что синий цвет, в первую очередь, ассоциируется у них с яростью и страхом. Данный факт находит своё место в следующих фразеологизмах: *peur bleue* – «панический страх». *Je ne connais pas le besoin, mais j'en ai une peur bleue* – «Я не знаю, что такое нужда, но панически боюсь её»; *j'ai eu une peur bleue* – «у меня душа ушла впятки» [7]. Ещё один фразеологизм – *barbe bleue* – «Синяя борода» также обладает эмоциональным компонентом «страх», так как «Синяя борода» – это главный герой сказки Шарля Перро, который стал олицетворением злого и жестокого мужа-женоненавистника.

Артисты и поэты эпохи романтизма сделали синий цвет цветом меланхолии, мечты, бесконечности. Например: *être dans les bleu* – «витать в облаках» или *rêve bleu* – «светлая, чистая мечта; приятные видения». Символика синего цвета как образа сентиментальности, романтики проявляется в следующих фразеологизмах: *les diables bleus* – «меланхолия»; *fleur bleue* – «любовная интрижка»; *cultiver la petite fleur bleue* – «сентиментальничать» [8].

Таким образом, цвет выступает как выразитель универсальности, различности и уникальности в восприятии внешнего мира. Фразеологические единицы с номинацией цвета относятся к группе фразеологизмов, которые характеризуют внешность и чувства

человека, связаны с разнообразными сферами его деятельности. Разные цвета совершенно по-разному воздействуют на человеческую душу. Они вдохновляют или подавляют наши эмоции, рождают ощущение тепла или же прохлады. Это доказывает, что человеческий фактор играет огромную роль во фразеобразовании, так как человек стремится наделять человеческими чертами объекты внешнего мира, в том числе и неодушевленные.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Либроком, 2009. – 398 с.
2. Браэм Г. Психология цвета. – М.: Астрель, 2011. – 158 с.
3. Гак В.Г., Мурадова Л.А. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 1625 с.
4. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета. – М., 2001. – 169 с.
5. Назарян А.Г. Идиоматические выражения французского языка. Пособие для учителей франц. яз. сред. школы. – М.: Просвещение. 1978. – 159 с.
6. Пастуро М. Красный. История цвета. – Париж.: Новое литературное обозрение, 2021. – 625 с.
7. Седых А.П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки. Учебно-методическое пособие. Белгород, 2021. 252.
8. Черданцева Т.З. Язык и его образы: очерки по французской фразеологии. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 168 с.

References

1. Bally Sh. French stylistics. M.: Librocom, 2009. P. 398
2. Braham G. Psychology of color. M.: Astrel, 2011. P. 158
3. Gak V.G., Muradova L.A. A New Large French-Russian phraseological dictionary. M.: Russkij yazyk – Media, 2005. P. 1625.
4. Kulpina V.G. Linguistics of color. M., 2001. P. 169
5. Nazaryan A.G. Idiomatic expressions of the French language. Manual for teachers of the French language of secondary school. M.: Prosveshchenie, 1978. P. 159
6. Pasturo M. Red. The history of color. Paris.: New Literary Review, 2021. P. 625
7. Sedykh A.P., Marabini A. (2021) *Frazeologija i perevod: francuzskij, ital'janskij i russkij jazyki. Uchebno-metodicheskoe posobie* [Phraseology and translation: French, Italian and Russian. Study guide]. Belgorod. 252.
8. Cherdantseva T.Z. Language and its images: essays on French phraseology. M.: Izd-vo LKI, 1978. P. 168.

УДК 81'42

ПРОКСЕМНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «SHADOW» В ТЕКСТОВОМ ИНФОРМАТИВНОМ КОДЕ РОМАНА ДЖ. КОНРАДА «NOSTROMO»

Огнева Елена Анатольевна

заведующая кафедрой иностранных языков

доктор филологических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет Белгород,

Россия / ogneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается текстовый информативный код как один из параметров архитектоники литературно-художественных произведений. Акцентируется внимание на процесс декодирования текстового информативного кода посредством формирования оптимальной модели восприятия текстовых смыслов. Пополняется типология художественных концептов и вводится новый тип «проксемный художественный концепт».

Выявляется тот факт, что в проксемном художественном концепте SHADOW, репрезентированном в текстовом информативном коде романа Дж. Конрада “Nostromo: a

Tale of Seaboard” / «Ностромо», ядерная лексема «shadow» / «тень» номинирует как объект пространства, так и сегмент пространства. Эта двойственность параметров номинативного поля проксемного художественного концепта является отличительной чертой рассматриваемого концепта как текстовой проекции концептуализации пространства.

Ключевые слова: художественный текст, текстовый информативный код, когнитивно-герменевтический анализ, концепт, художественный концепт, проксемный художественный концепт, моделирование

PROXEMAL LITERARY CONCEPT «SHADOW» IN THE TEXT INFORMATIVE CODE OF J. KONRAD'S «NOSTROMO»

Ogneva Elena Anatolievna

Head of Department of Foreign Languages, Doctor of Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / ogneva@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with the text informative code as one of the parameters of literary architectonics. Attention is focused on the process of decoding of a textual informative code through the formation of an optimal model for the perception of textual meanings. The typology of literary concepts is replenished and a new type of “proxemic literary concept” is introduced. The fact is revealed that in the proxemic literary concept SHADOW, represented in the text informative code of J. Conrad's «Nostromo: a Tale of Seaboard», the kernal lexeme «shadow» nominates both an object of space and a segment of space. This duality of nominative field's parameters in the proxemic literary concept is a distinctive feature of the studying concept as a textual projection of the space conceptualization.

Keywords: literary text, informative text code, cognitive hermeneutical analysis, concept, literary concept, proxemic literary concept, modeling.

Введение

В современном языкознании эволюция проблемы интерпретации архитектоники текста позволяет рассматривать этот формат знания как информативный код, который представляет собой «совокупность взаимообусловленных репрезентантов как информантов проекции индивидуально-авторского мировидения писателя, мировидения, воплощенного в концептосфере литературно-художественного произведения» [Огнева, Даниленко 2021, 52].

Рассмотрение текста в виде информативного кода позволяет понимать текст в виде «объекта декодирования содержащейся в нем информации» [Федотова 2021, 28].

Текстовая информация многогранна и многокатегориальна, что осложняет в процессе декодирования «устранение непроходимой границы между понятиями «знание языка» и «знание мира» [Демьянков 2016, 32], но одновременно способствует явлению «компрессии оценочного смысла» [Голованова, Ковалёва 2017, 32]. Исследование компрессии оценочного смысла возможно в соответствии с принципом «индивидуальной многократной интерпретацией текста» [Kurochkina, Kushneruk 2020, 473] / “individual multiple interpretation of the text” [Kurochkina, Kushneruk 2020 473].

Так, интерпретация одного из типов текста, художественного текста, показывает, что этот формат художественного знания представляет собой «сокровище существующего национального сознания, отраженное в индивидуально-авторской концептосфере писателя» / «a treasure trove of national consciousness in author's individual conceptsphere retraction of a writer» [Ogneva et al 2014, 51]. В свете этого значим тот факт, что «текстология <...> переживает период своего «второго рождения» [Прюво, Седых, Бузинова 2018 23], поэтому и существуют различные концепции интерпретации художественного текста.

В процессе интерпретации декодирование текстового информативного кода основано на возможности «подразделения текста на смысловые части» [Даниленко 2016,

58], что позволяет, по мнению М.Н. Левченко, «установить значимые для текста персональные характеристики» [Левченко 2018, 169]. Эти характеристики способствуют существованию текста как «динамической системы, как когнитивного формата знания, эволюция которого обусловлена эволюцией социума» [Огнева 2016, 32].

Процесс декодирования текстового информативного кода осуществляется посредством формирования «оптимальной модели восприятия текстовых смыслов реципиентом» [Татару 2008, 24] и читателем-адресатом. Примечательно, что степень декодирования прямо пропорциональна статусу читателя, который может быть как читателем-реципиентом, так и читателем-адресатом.

Формирование модели декодирования текстового информативного кода «опирается на факты, полученные вследствие когнитивной и эмоциональной обработки информации» [Трофимова 2021, 284] соответственно, во-первых, идее о когнитивных параметрах моделирования мира [Карасик 2019], во-вторых, принципам интерпретации текста [Левченко 2013], в-третьих, «разнокачественным контекстам» [Кураш 2001, 5].

Модель декодирования текстового информативного кода может выстраиваться как в соответствии с принципами теории текста, так и в соответствии с принципами когнитивной поэтики. В данной статье изложены результаты моделирования на принципах когнитивной поэтики, для которой значим тот факт, что «концепт – это мыслительное образование, которое существует в человеческом сознании» / “the concept is such a thought-formation, which exists in the human mind” [Alefirenko 2019, 32].

Цель исследования заключается в выявлении специфики репрезентации проксемного художественного концепта SHADOW в текстовом информативном коде романа Дж. Конрада «Nostromo: a Tale of Seaboard» / «Ностромо», опубликованного в 1904 году.

Методы исследования направлены на достижение поставленной цели и представляют собой синергию когнитивно-герменевтического анализа, квантитативного анализа и интерпретативного анализа.

Результаты исследования

В соответствии с постулатами когнитивной поэтики художественный текст рассматривается в виде концептосферы, представляющей собой совокупность художественных концептов. Существуют различные художественные концепты, типология которых изложена в монографии «Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код» [Огнева, Даниленко 2021, 49-52].

Дальнейшее исследование художественных концептов позволяет обосновать существование проксемных художественных концептов, под которыми понимаются художественные концепты, номинативные поля которых выстраиваются посредством проксем, а ядром является сюжетно-маркированная проксема.

В данной статье впервые рассматривается проксемный художественный концепт SHADOW, в котором ядерная лексема «shadow» / «тьень» номинирует как объект пространства, так и сегмент пространства. Эта двойственность параметров номинативного поля художественного концепта является отличительной чертой рассматриваемого концепта как «текстовой проекции концептуализации пространства» [Кушнерук 2018, 114].

Примечательно, что исследование специфики проксемного художественного концепта SHADOW зиждется на том, что концептуализация пространства является «базовой единицей нарратива» [Жирова 2020, 35].

Проведенный когнитивно-герменевтический анализ концептосферы романа Дж. Конрада “Nostromo: a Tale of Seaboard” показал, что номинативное поле проксемного художественного концепта SHADOW реализует «невидимую нить текстового пространства» [Бузина 2018, 86] как один из компонентов информативного текстового кода.

В тексте романа выявлено 47 номинантов с ядром «shadow» и 7 номинантов с ядрами, которые являются производными от «shadow», а именно «shadowy», «shadowing»,

«overshadowed», которые в совокупности образуют номинативное поле проксемного художественного концепта SHADOW.

Квантитативный анализ показал преобладание номинантов, в которых ядерная лексема «shadow» / «тень» номинирует объект пространства.

Итак, когнитивно-герменевтический анализ материала показал следующую специфику номинативного поля проксемного художественного концепта SHADOW.

Номинанты, в которых ядерная лексема «shadow» / «тень» номинирует объект пространства:

Данная группа номинантов, выявленный в тексте романа, подразделяется на четыре подгруппы: (а) сочетание номинанта «тень» и колоратива, (б) поляризация света и тени, (в) размер тени, (г) переносное значение.

(А) сочетание номинанта «тень» и колоратива: «he threw a heavy black shadow in the torchlight» [p. 284],

(Б) поляризация света и тени: «where big white clouds seemed to fall slowly into the darkness of their own shadows [p. 105], «downstairs in the big kitchen a candle was burning, surrounded by the shadows of the walls» [p. 291], «the Avellanos's house appeared very sombre in its own shadow seen through the flood of light» [p. 421], «the declining sun had shifted the shadows from west to east amongst the houses of the town» [p. 440], «a darkling shadow seemed to fall upon him from the zenith. The sun had set» [p. 458], «the shadow of his pearly-white body, of his black-tipped wings, fell on the grass no more silently [p. 461], «I was running away from his shadow when we met.' 'His shadow?' 'Yes. His shadow in the lighted room'» [p. 474],

(В) размер тени: «everywhere there were long shadows lying on the hills, on the roads, on the enclosed fields of olive trees; the shadows of poplars, of wide chest-nuts, of farm buildings» [p. 78], «but every time he saw only the distorted shadow of broad shoulders and bowed head» [p. 272], «he had seen within the shadow of a man cast upon one of the walls. It was a shapeless, highshouldered shadow of somebody standing still, with lowered head, out of his line of sight» [p. 472], «He saw his shadow in the same place. Casting an enormous and distorted shadow upon the wall» [p. 476], «in the emptiness of the room the burly shadow of head and shoulders on the wall had an air of life» [p. 503], «by great masses of shadow» [p. 520], Ramirez runs away from the mere shadow of Captain Fidanza [p. 477];

(Г) переносное значение: «the shadow of the treasure may do just as well as the substance» [p. 458], «that he was dead he had not a shadow of a doubt» [p. 459] «the shore like a pursued shadow between the sombre palm-groves» [p. 469].

Номинанты, в которых ядерная лексема «shadow» / «тень» номинирует так и сегмент пространства.

Данная группа номинантов, выявленный в тексте романа, подразделяется на четыре подгруппы: (а) пейзажное пространство, (б) поляризация света и тени, (в) тени на небе, (г) сегмент тени.

(А) пейзажное пространство: «shadows of hills in the sunshine» [p. 5], «as the midday sun withdraws from the gulf the shadow of the mountains» [p. 16], «to enter the deeper shadow of the gulf» [p. 325], «He had slept in the shadow of the mountains» [p. 461];

(Б) поляризация света и тени: «the white Higuerota soared out of the shadows of rock and earth like a frozen bubble under the moon» [p. 56], «the shifting of light and shadow on the flagstones» [p. 65], «Mrs. Gould's face, very white within the shadow of the hood» [p. 620];

(В) проекцию тени на небе: «the shoulder of a steep hill at the back can be made out faintly like a shadow on the sky» [p. 13], «the shadow on the sky on one side with the round patch of blue haze blurring the bright skirt of the horizon on the other [p. 15];

(Г) сегмент тени: «the long open gallery was in shadow, with its screen of plants in vases along the balustrade» [p. 200], «from the deep trench of shadow between the houses» [p. 210].

Следовательно, специфика номинативного поля проксемного художественного концепта SHADOW заключается в том, что ядерная лексема «shadow» / «тень»,

номинируя как объект пространства, так и сегмент полевого пространства, входит в состав номинантов периферийной части поля. Будучи ядром периферийных номинантов, лексема «shadow» / «тьень» сопрягает периферийные номинанты с ядерным номинантом, вследствие чего, в модели номинативного поля этого концепта приядерная зона насыщеннее номинантами, чем ближняя периферия поля.

Установлено, что номинанты приядерной зоны репрезентируют: (а) поляризацию света и тени, (б) размер тени, (в) проекцию тени на небе, (г) пейзажное пространство, тогда как номинанты зоны ближайшей периферии репрезентируют: (а) сочетание номинанта «тьень» и колоратива, (б) переносное значение лексемы «тьень», (в) сегмент тени.

Заключение

Текстовый информативный код как совокупность различных компонентов, подверженный интерпретации исследователя или читателя-адресата / читателя-реципиента, моделируется в качестве динамичного формата знания.

В модели текстового информативного кода романа Дж. Конрада “Nostromo: a Tale of Seaboard” одним из значимых компонентов предстает проксемный художественный концепт SHADOW, специфика которого заключается, во-первых, в корреляции двух типов репрезентантов: «тьень как объект пространства» и «тьень как сегмент полевого пространства», во-вторых, в сопряжении ядерной лексемы «shadow» / «тьень» с периферийными номинантами поля.

Литература

1. Бузина Е.И. Специфика выражения динамики текстового пространства в произведении «Ребесса» Дафны Дюморье // Лексикография и коммуникация – 2018: сб. мат-лов IV Международной научной конференции / А. П. Седых (отв. ред.). Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – С. 86-89.
2. Голованова Е.И. Когнитивные механизмы компрессии оценочного смысла в художественном тексте / Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3 (52). – С. 31-36.
3. Даниленко И.А. Категория завершенности художественного текста в творчестве Френсиса С. Фитцджеральда // Филологический аспект. 2016. № 12. – С. 57-61.
4. Демьянков В.З. Когнитивные техники трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 29-33.
5. Жирова И.Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6. № 3. – С. 85-98. URL: <http://rllinguistics.ru/journal/annotation/2115/> (дата обращения: 07.12.2020).
6. Карасик В.И. Языковые мосты понимания. – М.: ООО «Исследовательская компания «Дискурс», 2019. – 524 с.
7. Кураш С. Б. Метафора и ее пределы: микроконтекст – текст – интертекст. – Мозырь: МозГПИ им. Н. К. Крупской, 2001.
8. Кушнерук С.Л. Развитие теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования за рубежом и в России // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 115-125.
9. Левченко М.Н. и др. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект) моногр. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – 240 с.
10. Левченко М.Н. Вербальная репрезентация категории персональности в текстах различных языков и функциональных стилей // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Августа Шлейхера. Сб. ст. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. Т. Хухуни. 2018. – С. 166-177.
11. Огнева Е.А. Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди митр. Антония Сурожского «Sunday before Pentecost») // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. Т. 2. № 1 (7). – С. 31-38.

12. Огнева Е.А. Даниленко И.А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. – М.: Эдитус, 2021. – 208 с.
13. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т.4. № 3. – С. 21-35.
14. Татару Л.В. Композиционный ритм и когнитивная логика нарративного текста (сборник Дж. Джойса “Дублинцы”) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 75. – С. 23-37.
15. Трофимова Н.А. Эмотив как компонент архитектоники публицистического дискурса Дена Билефски (на материале “The New York Times”) // Язык, культура, ментальность. Проблемы и перспективы филологических исследований. Курск, 2021. – С. 284-288.
16. Федотова О.С. Принципы конструирования англоязычного художественного нарратива (к проблеме дискурса и метадискурса художественной прозы). – М.: Перспектива, 2021. – 306 с.

References

1. Buzina E.I. The specifics of expressing the dynamics of text space in the work “Rebecca” by Daphne Du Maurier. *Lexicography and communication – 2018: Materials of the IV International Scientific Conference*. A.P. Sedykh (editor-in-chief). Belgorod: Publishing House “Belgorod” NRU “BelSU”, 2018: 86-89.
2. Golovanova E.I., Kovaleva O.N. Cognitive mechanisms of evaluative meaning compression in a literary text. *Problems of Cognitive Linguistics*. 2017. No. 3 (52): 31-36.
3. Danilenko I.A. The category of completeness of a literary text in the work of Francis S. Fitzgerald. *Philological aspect*. 2016. No. 12: 57-61.
4. Demyankov V.Z. Cognitive techniques of knowledge transfer. *Cognitive Language Studies*. 2016. Vol. 36: 29-33.
5. Zhirova I.G. The structure of the utterance and the system of language communicative means: based on the material of modern works of art. *Research Result. Issues of theoretical and applied linguistics*. 2020. Vol.6. No: 85-98. URL: <http://rllinguistics.ru/journal/annotation/2115/> (accessed 07.12.2020).
6. Karasik V.I. *Linguistic bridges of understanding*. M.: LLC “Research company” Diskurs”, 2019. 524 pages.
7. Kurash S.B. *Metaphor and its limits: microcontext – text – intertext*. Mozyr: MozGPI im. N. K. Krupskaya, 2001.
8. Kushneruk S.L. Development of the theory of cognitive-discursive world modeling abroad and in Russia. *Issues of cognitive linguistics*. 2018. No 4: 115-125.
9. Levchenko M.N. et al. *Interpretation of the text and its grammatical models (typological aspect)*. M.: Publishing House of MGOU, 2013. 240 pages.
10. Levchenko M.N. Verbal representation of the category of personality in texts of various languages and functional styles. *Significant personalities in language and culture: the scientific legacy of August Schleicher*. Sat. Art. according to the materials of the Intern. scientific-practical. conf. / resp. ed. G. T. Khukhuni. 2018: 166-177.
11. Oгнева Е.А. Cognitive scene as a format for the representation of religious knowledge (on the material of Metropolitan Anthony of Surozh’s sermon “Sunday before Pentecost”). *Research Result. Series: Issues of Theoretical and Applied Linguistics*. 2016. T. 2. No. 1 (7): 31-38.
12. Oгнева Е.А., Даниленко И.А. *The duality of an artistic concept as a textual informative code*. M.: Editus, 2021. 208 pages.
13. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2018) *Tekst, kontekst, intertekst: sintez smysloporozhdenija // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki* [Text, context, intertext: synthesis of the generation of meaning // Scientific Result. Theoretical and Applied Linguistics]. T. 4. No 3: 21-35.
14. Tataru L. V. Compositional rhythm and cognitive logic of the narrative text (collection of J. Joyce “Dubliners”). *Bulletin of Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen*. 2008. No. 75: 23-37.

15. Trofimova N. A. Emotive as a component of the architectonics of Dan Bilefsky's journalistic discourse (on the material of The New York Times). *Language, culture, mentality. Problems and prospects of philological research*. Kursk, 2021: 284-288.

16. Fedotova O. S. *Principles of constructing an English literary narrative (on the problem of discourse and meta-discourse of artistic prose)*. M.: Prospect, 2021. 306 p.

УДК 347'77

ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО КОММЕРЧЕСКОГО ПИСЬМА

Осипова Валерия Александровна
студент кафедры немецкого и
французского языков
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
Белгород, Россия / 1251869@bsu.edu.ru

Кривчикова Нэля Леонидовна
Кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
Белгород, Россия / krivchikova@bsu.edu.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрены и проанализированы текстовые особенности французского коммерческого письма. А также выявлены их особенности и стилевые черты, сформулированы основные элементы деловой корреспонденции.

Ключевые слова: письмо, адресованность, точность, лаконичность, недвусмысленность.

FEATURES OF FRENCH COMMERCIAL WRITING

Osipova Valeria
Student of German and French department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 1251869@bsu.edu.ru

Krivchikova Nelya Leonidovna
Associate Professor, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / krivchikova@bsu.edu

Abstract

This article discusses and analyzes the textual features of the French commercial letter. Also, the features and style features of a commercial letter, as well as the main elements of business correspondence are formulated.

Key words: writing, concern, accuracy, conciseness, unambiguity.

Говоря об оформлении коммерческой корреспонденции стоит отметить, что стилевое своеобразие данного жанра и специфика требует присутствия ряда характерных компонентов, или стиливых черт. На сегодняшний день не было выработано единого подхода к подбору этих компонентов, или стиливых черт [Седых, Марабини 2021].

Характерные языку делового общения стилевые черты проявляются в специфике организации текста (будь то жанровой или стилевой), отражают особенности конкретной сферы человеческой деятельности.

Изучив работы ученых М.Н. Кожина [Кожина, 1984: 32], А.Т. Королева [Королева, 2012: 62], Л.В. Рахманина [Рахманин, 1988], исследовавших официально-деловой стиль речи, было установлено, что в большинстве случаев выделяется от семи до десяти различных стиливых черт, среди которых можно выделить конкретность и стандартизированность, лаконичность и официальность выражения, обезличенность и безэмоциональность, предписывающий или долженствующий характер, недвусмысленность.

В рамках проведенного исследования установлено, что в большинстве из перечисленных стиливых черт, правомерность их выделения для коммерческой корреспонденции вполне очевидна. Между тем, некоторые из них одновременно присущи целому ряду жанров, а, значит, должны рассматриваться не как стилистические, но как

жанровые черты. Например, долженствующий и предписывающий характер также свойственен правовой документации, а в коммерческой корреспонденции присутствует только тогда, когда в тексте письма содержатся строгие требования по условиям сделки, то есть, в коммуникации нисходящего типа (напоминание о приближении срока оплаты, рекламации и т.д.):

- *Nous vous mettons en demeure de régler la somme de ...le plus tôt possible, sinon nous serons dans l'obligation d'entamer la procédure de recouvrement.*
- *Au cas où vous ne respecteriez pas ce délai, nous nous verrons dans l'obligation d'annuler notre commande...*

Стоит отметить, что в случае если текст коммерческого письма включает в себя предложение или просьбу, вежливый характер данной корреспонденции может передаваться посредством вопросительных предложений, оборота *bien vouloir*, *Conditionnel* либо же императива *Veillez*.

- *Veillez nous faire savoir si nous devons prendre note de votre commande pour le mois septembre...*
- *Nous serions heureux de poursuivre nos relations d'affaires avec vous...*

В статье сформулированы основные элементы деловой корреспонденции. Рассмотрим их более подробно.

1 Адресованность конкретного коммерческого письма обуславливает его официальность, вежливость и дипломатичность, посредством которых одновременно несколько ограничивается свобода выражения, и акцентируется деловая основа отношений. Так, можно выделить следующие ограничения, которые вытекают из специфики адресата коммерческого письма:

а) куртуазность изложения (то есть, его подчеркнутая вежливость) в коммерческой корреспонденции подчеркивает официальность последней. Это сильно проявляется в начальной (*formule d'attaque*) и заключительной (*formule de politesse*) формулах вежливости, а также в обращении (*formule d'appellation*).

- *Daignez agréer, Monsieur, l'expression de ma respectueuse considération.*
- *Nous vous signalons que nous avons expédié ce jour la marchandise...*

2. Строгое следование правилам и нормам. Если говорить о содержании текста такого рода писем (*corps de lettre*), то здесь это проявляется за счет одновременного использования и увязки воедино модели содержания коммерческих писем и всего того, что используется для ее заполнения: специальной терминологии (дипломатической, экономической и т.д.), фразеологических и лексических клишированных единиц, устойчивых выражений.

Частое и широкое употребление общеупотребительных и терминологических лексических единиц отражает клишированность текста письма на лексическом уровне:

- *tarif, m*
- *franco*
- *livreur, m*
- *marchandise, f*
- *livraison, f*

Кроме того, для коммерческого письма характерно употребление в тексте лексических единиц, характеризующихся своей широкой семантикой. Стоит отметить, что по своему количеству они превосходят термины. Посредством таких слов помимо общеречевого значения в тексте происходит реализация принципиально нового значения – терминологического. Многозначность и двусмысленность терминологических единиц исключается благодаря прагмалингвистическому контексту и специфике текста письма.

- *article, m* (вид товара);
- *montant, m* (сумма, стоимость);
- *versement, m* (внесение денег на счет);
- *fiche, f* (марка);

- *promotion, f* (стимулирование сбыта).
Общеупотребительные слова:
- Существительные: *condition, disposition, f; courrier, m*
- Глаголы: *recevoir, signaler, choisir, trouver, annoncer, proposer, informer.*

Сложные терминологические единицы по своему содержанию и форме соответственно относятся к лексической и синтаксической сферам. Ввиду своей многокомпонентности, они относятся к клишированным единицам.

3. Точность коммерческого письма.

Когда речь заходит о точности коммерческой корреспонденции, имеется в виду ее недвусмысленность, детальность описания и обстоятельность, а не легкость восприятия содержания текста как таковая. Для обеспечения точности в такого рода письмах необходимо исключение образности, адекватное использование специальных языковых средств. Конкретность содержания письма требует точности употребления формулировок, понятного и логичного изложения передаваемого в тексте письма сообщения, что в совокупности позволяет увязать в письме воедино ясность, понятность и точность.

Точность является одной из стилевых черт. Она проявляется в специфике организации самого текста:

1. В большинстве случаев, каждое отдельно взятое коммерческое письмо подразумевает один, указанный в реквизитах, предмет сообщения:

- *Objet: Commande*
- *Objet: Demande de renseignement*
- *Objet: Réclamation*
- *Objet: Réclamation concernant des livraisons défectueuses*

Таким образом, в реквизитах указывается предмет самого письма, а в тексте последнего представлено логическое развитие обозначенного предмета.

2. Информативная полноценность и логичность изложения текста письма. Текст коммерческого письма должен быть выстроен в полном соответствии с содержательной моделью, включать в себя все обязательные блоки. В случае, если составитель письма (адресант) убежден, что получателю письма (адресату) уже известна та или иная информация, то в тексте письма на последнюю делаются отсылки к конкретным документам и референциям, событиям. Данный прием обеспечивает сохранение традиционной модели, исключает возникновение лакун:

- *Votre commande ci-dessus référencée nous est bien parvenue.*
- *Nous nous référons à notre entretien téléphonique d'hier 17 novembre 2018 et vous confirmons notre accord pour ...*
- *Faisant suite à votre demande de prix (tél. réf. 9630 A du 3.3.98) nous vous communiquons ci-après nos meilleurs prix pour ...*

3. На лексическом уровне точность и однозначность обеспечивается включением в текст терминов и терминологических единиц. Последние исключают двусмысленное толкование, обеспечивают доступность, ясность и четкость содержания текста.

Ранее мы уже упоминали о том, что у коммерческой корреспонденции отсутствует собственная терминология, а, значит, в такого рода письма включается специальная лексика других подъязыков (правового, торгового, банковского, экономического, коммерческого и т.д.): Например:

- коммерческо-торговая:	<i>tarification, f</i> <i>franco</i> <i>bon (m) de commande</i>
- банковская:	<i>lettre (f) de change domiciliée, f</i>
- юридическая	<i>clause (f) pénale requête, f</i> <i>procédure (f) judiciaire.</i>

Итак, точность коммерческой корреспонденции, ясность последней обеспечиваются не только употреблением в содержании текста моносемных терминологических единиц, но и включением в текст терминованных единиц, однозначность значения которых варьируется в зависимости от контекста (например: *versement, article*).

Вывод: Стилистические характеристики французского коммерческого письма находят свое отражение в следующих главных стилеобразующих чертах данного жанра: официальность, стандартизованность, точность и нейтральность.

Официальность коммерческой корреспонденции проявляется:

- а) в подчеркнуто вежливой манере изложения;
- б) наличии избыточных выражений, придающих ей официальный характер;
- в) использовании аналитических эквивалентов глаголов;
- г) строгом отборе лексических средств.

Стандартизованность коммерческого письма складывается как результат объединения в единое целое модели содержания данного типа текста и, с другой стороны, терминологии некоторых областей (юриспруденция, финансы), стандартных клишированных лексических и фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний.

Точность как стилевая черта находит свое отражение в строгом соблюдении логики изложения и употреблении коммерческих, банковских и юридических терминов (*tarification, f; lettre de change; clause pénale*).

Литература

1. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–87.
2. Королева Т. А. Англоязычный чат. Комплексный лингвистический анализ (монография). – Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 217 с.
3. Седых А.П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки. Учебно-методическое пособие. Белгород, 2021. 252.

References

1. Vinogradov V. V. Results of the discussion of stylistics // Questions of Linguistics. – 1955. – No. 1. – S. 60–87.
2. Koroleva T. A. English chat. Complex linguistic analysis (monograph). – Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 217 p.
3. Sedykh A.P., Marabini A. (2021) *Frazeologija i perevod: francuzskij, ital'janskij i russkij jazyki. Uchebno-metodicheskoe posobie* [Phraseology and translation: French, Italian and Russian. Study guide]. Belgorod. 252.

УДК 81'233

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ФИЛОСОФА: СОКРАТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Седых Аркадий Петрович

доктор филол. наук, профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Когнитивно-философские параметры текста представляют собой неисчерпаемый материал для инновационных исследований. Философия языка является неотъемлемой частью национальной культуры, в частности – лингвокультуры. В коллективном сознании носителей национального языка философский аспект текста генерируют лингвокогнитивную картину мира, свойственную каждому языковому сообществу. В статье рассматриваются некоторые аспекты персонологической коммуникации и философской картины мира с учетом дискурсных факторов текста и языковой личности древнегреческого философа. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что философский текст обладает высокой степенью лингвокультурной активности в современном дискурсе и

соответственно в языковой картине мира. Намечаются перспективы исследования философского творчества и концептуальной картины мира.

Ключевые слова: языковая личность, философский дискурс, лингвофилософская картина мира, лингвокультура, языковая картина мира.

PHILOSOPHER'S LANGUAGE PERSONALITY: SOCRATES AND MODERNITY

Sedykh Arkadiy

Dr. filol. sciences, professor

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

The cognitive-philosophical parameters of the text are inexhaustible material for innovative research. The philosophy of language is an integral part of the national culture, in particular, linguistic culture. In the collective consciousness of the native speakers of the national language, the philosophical aspect of the text generates a linguo-cognitive picture of the world, characteristic of each language community. The article deals with some aspects of personological communication and the philosophical picture of the world, taking into account the discursive factors of the text and the linguistic personality of the ancient Greek philosopher. A working hypothesis is put forward that a philosophical text has a high degree of linguocultural activity in modern discourse and, accordingly, in the linguistic picture of the world. Prospects for the study of philosophical creativity and the conceptual picture of the world are outlined.

Keywords: linguistic personality, philosophical discourse, linguo-philosophical picture of the world, linguistic culture, linguistic picture of the world.

Человек познаёт мир через язык. Кем бы был человек без языка? Без этой способности задавать вопросы, рассказывать анекдоты, что же определяет форму человеческой жизни? Язык везде. Но как это понимают философия и лингвистика?

В нашей жизни нет времени, когда мы не были бы заняты одним из филологических видов деятельности: чтением, письмом, слушанием, разговором с собой или с другими. Мы погружены в язык! Но чем он является в действительности? От Платона до Руссо, через концепцию Лейбница, который первым представил проект универсального языка, философия регулярно стремилась дать ему определение, уловить его различные функции, до того момента, когда в начале 20 века Фердинанд де Соссюр занялся изучением язык «в себе и для себя», тем самым основав новую дисциплину: лингвистику.

С философской точки зрения язык – это способность передавать мысли с помощью системы знаков (ср. язык жестов) и, в частности, с помощью языка (набора конвенций, принятых социальным телом), связанного с речью (вербальные средства коммуникации).

Приведем несколько цитат философов, лингвистов и писателей о языке и речи, тезисно отражающих эпистемологические аспекты различных концепций:

- Сократ: «Скажи что-нибудь, чтобы я тебя увидел», «Каков человек, таков и язык его» [470-399 до н.э.].

- Платон: «Мышление это язык, который душа ведёт с собой» [427-347 до н.э.].

- Аристотель: «Ясность – главное достоинство речи», «Риторика – это способность возможные способы убеждения относительно каждого предмета» [384-322 до н.э.].

- Маркс и Энгельс: «Язык – это реальное практическое сознание, существующее для других людей» [«Немецкая идеология» 1845-1846, первая публикация 1932 год, Москва].

- Ги де Мопассан: «Какой бы не была вещь, которую мы хотим назвать, существует лишь одно слово, чтобы её передать, глагол чтобы вдохнуть жизнь и прилагательное, чтобы её квалифицировать» (*Quelle que soit la chose qu'on veut dire, il n'y a qu'un mot pour l'exprimer, qu'un verbe pour l'animer et qu'un adjectif pour la qualifier*) [Предисловие к «Пьер и Жан» 1887].

- Бергсон: «Язык предоставляет сознанию нематериальное тело, в которое можно воплотиться» [«Творческая эволюция» 1907. Нобелевская премия по литературе 1927].

- Соссюр: «Для нас язык (*langue*) – это языковая способность (*langage*) минус речь (*parole*)» [«Курс общего языкознания» 1916. Издан после смерти лингвиста как реконструкция курса лекций Шарлем Балли и Альбером Сеше].

- Витгенштейн: «Совокупность предложений – это язык» [«Логико-философский трактат» 1921].

- Сартр: «Под языком мы подразумеваем все феномены выражения, а не артикулированную речь, которая является производным и вторичным способом» [«Бытие и Ничто» 1943].

- Леви-Стросс: «Характеристика языка – быть системой знаков без материальных отношений, знаков предназначенных для обозначения» [«Структурная антропология» 1958. Перевод на русский язык – 1983].

Область философии языка, так как именно об этой парадигме идёт речь, не имеет чётко выраженных границ: она значительно колеблется от одного автора к другому.

Первое различие существенно: философию языка не следует смешивать с философией лингвистики. Это не что иное, как его эпистемология: он определяет возложенные на него цели, методологию, которая там практикуется, теоретические варианты, которые можно там принять. Наш подход – эпистемологический, даже если эпистемология, в классическом смысле относится к философско-методологическим дисциплинам, изучающим необходимые и достаточные условия знания. В русле нашей концепции эпистемология принадлежит как к области философии, так и к области лингвистики. Однако точка зрения обоих не совсем одинакова: *философ* смотрит на лингвистику более общим взглядом, помещая ее в число «наук о языке» (самой лингвистики, но также и психолингвистики, социолингвистики, нейролингвистики, семиологии, коммуникативных наук), среди так называемых «когнитивных» наук (лингвистика, а также логика, психология, нейронауки, информатика и т. д.) и среди гуманитарных наук; *лингвист* предпочитает скорее технический анализ или инструментальный подход с целью выявления типологии языковых явлений в диахронии или синхронии (лексических единиц, текстов, дискурса и пр.).

Рассмотрим некоторые элементы языковой личности античного мыслителя Сократа, который, пожалуй, является самой загадочной фигурой в западной философии. Он одновременно и самый знаменитый из философов, и тот, о ком мы почти ничего не знаем. Наставник Платона, он занимает центральное место в его диалогах, особенно в «Государстве».

Напомним, что он родился в Аттике в – 470 г. и умер в Афинах в – 399 г. после вынесения ему смертного приговора. Его отец был скульптором, а мать повивальной бабкой. Он ничего не написал, его мысли передал нам его ученик Платон. Сократа всегда изображают болтающим, одетым в грубый плащ, идущим по улицам босиком. По его телосложению мы знаем, что он был чрезвычайно крепким и, мягко говоря, некрасивым. По сравнению с софистами, как правило, богатыми, или с классическими мудрецами, часто занимающими важные должности в городах, Сократ предстает маргиналом, без званий и титулов и внешней привлекательности.

В жизни Сократ появляется везде, где собираются граждане, представляя себя тем, «кто ничего не знает», расспрашивая людей о том, что, по их мнению, они знают, и, разрушая их иллюзии и ложные знания, заставляет их думать самостоятельно. Например, он демонстрирует герою, что он не знает, что такое мужество, или политику, что он неправильно понимает суть политики. В этом смысле мы говорим о сократовской иронии, поскольку Сократ стремится пробудить или «родить» души людей, как он сам утверждает при помощи уникальной риторики.

Но его учение будет непринято современниками, которые осудили его и подтолкнули к употреблению яда. Но в этом испытании (о котором свидетельствует Платон в «Апологии Сократа») Сократ принимает свое осуждение и приговор, продолжая рассуждать и ведя философские беседы, и умирает в безмятежности. Эта образцовая смерть заставит Гегеля сказать, что Сократ – «герой человечества».

Сократ основывает свою философию на безжалостной критике человеческих мнений, которая станет образцом для всей западной мысли. В рамках нашей концепции нас интересует, прежде всего, его отношение к человеческому языку, иными словами языковая ипостась легендарного философа, ибо он является первым великим учёным, обратившимся к изучению человека как такового, придав ему статус полноценного объекта исследования, наряду с природой и миром.

Оригинальный и филологически аргументированный взгляд на языковую личность Сократа представляет французский учёный Николя Гримальди, который размышляет о парадоксах сократовской мысли¹. Представим тезисно концепцию учёного, который начинает свою лекцию со слов: *Que Socrate soit un sorcier, un ensorceleur, un mage, cela revient vingt fois dans le premier Dialogue de Platon, pour la première fois dans le «Menon»²: Tu m'as ensorcelé, tu m'as jeté un sort, tu m'as drogué. D'une façon prodigieuse tu m'as paralysé par des paroles magiques* (Сократ – колдун, очарователь, маг, данные определения используются много раз в первом Диалоге Платона «Менон»: Ты меня околдовал, сглазил, одурманил. Чудесным образом ты парализовал меня своими волшебными словами). Речь идёт о риторических способностях Сократа, магические возможности которого, отмечались его современниками.

В одном из ранних диалогов³ Платона Сократ говорит о том, что большинство слов, которые поражают тело недугом, исходят в реальности из души, но душа может быть вылечена только речью (дискурсом), действующей подобно колдовству (очарованию). В большинстве диалогов с завидной настойчивостью говорится о волшебной силе речи, которая сравнивается с колдовскими заклинаниями или заговорами, вылечивающими душу от тревог, страхов и фобий и в конечном итоге от смерти. Предсмертные слова Сократа сводятся к тому, что людям придётся искать другого колдуна или мага, который должен занять место философа после его смерти.

Николя Гаримальди называет Сократа Знахарем, который лечит только своей речью или дискурсом, по сути дела колдовскими заклинаниями, основанными на философской мудрости. В философском смысле Сократ вылечивает собеседника от двух зол (болезней, ран): ран отрицания и врождённого увечья, носящего имя «меланхолия», грусти от незавершённого поступка или действия, иными словами сожаления от неудачи начатого дела.

По его мысли все недостатки этого мира порождены его несовершенством, которое происходит от неверного понимания человеком самого феномена и отражающего его слова «добродетель». Выдвигаются пять главных добродетелей: мужество (*andrea*), умеренность (*sophrosynè*); справедливость (*dikaiosynè*), мудрость (*sophia*) – более или менее тождественная проницательности (*phronèsis*) – и, наконец, благочестие (*hosiotès*). Совершенство человека измеряется его добродетелями.

Согласно Сократу добродетель – это способность жить в повседневной жизни по определенному ряду принципов и ценностей, следование которым позволяет вести нравственную жизнь, то есть действовать в соответствии с тем, что мы думаем и как мы говорим. Это практическое знание, состоящее из пяти качеств, расположенных крестообразно, подобно четырем сторонам света, вокруг центра, занятого мудростью: мужество, воздержание или умеренность, справедливость или честность, благочестие или преданность.

Сократ считает, что отсутствие профессии «учитель» добродетели доказывает, что добродетель не является наукой, потому что ей нельзя научить; тогда добродетелью

---

¹ Le langage, Socrate: La parole de Socrate, par Nicolas Grimaldi 2022 : <https://www4.ac-nancy-metz.fr/philosophie/spip.php?article67>

² «Менон» – диалог Платона, в котором Менон и Сократ пытаются найти определение добродетели, ее природу, чтобы узнать, учат ли добродетели, а если нет, то как ее приобретают. Сначала рассматривается вопрос о сущности добродетели. Тем не менее, после нескольких бесплодных попыток найти ответ, Сократ и Менон исследуют еще более общий вопрос: возможно ли вообще познание? И как? Вопрос о добродетели продолжается на третьем этапе беседы, когда исследуется вопрос, первоначально поставленный Меноном, – вопрос об учении о добродетели. «Менон» – один из диалогов Платона, посвященный учению о Реминисценции (Воспоминании). URL: [https://philo-labo.fr/fichiers/Platon%20-%20M%C3%A9non%20\(trad.%20Cousin\).pdf](https://philo-labo.fr/fichiers/Platon%20-%20M%C3%A9non%20(trad.%20Cousin).pdf)

³ «Хармида» (на древнегреческом: Харμίδης) или «О мудрости» – диалог Платона.

должна считаться истина, выраженная точным языком. В этом смысле добродетель исходит от своего рода божественной благодати, от вдохновения, которое позволяет действовать и говорить добродетельно, то есть, используя адекватные языковые средства.

Нельзя не упомянуть о сократовском методе «повивальной бабки» (по-гречески «майевтики»). Мудрец считал, что истина уже находится в сознании индивида и её надо только оттуда извлечь, помочь ей родиться. В этом и состоит, в конечном счете, коммуникативная прагматика Сократа, которого мы и воспринимаем именно как языковую личность, дошедшую к нам в форме платоновских диалогов-интеррогативов.

Кроме того, техника направляющих вопросов является чрезвычайно полезным рычагом для снятия блокировок. Когда мы «блокируемся», это происходит не обязательно потому, что мы не знаем, а скорее потому, что наш ум слишком «забит» и мы не можем в нем разобраться. Задавать вопросы «блокировщику» – значит направлять его к мысли, которая становится более ясной по мере продвижения вопросов. Это естественный метод поддержки, который заставляет всех исследовать свои ресурсы и находить решения. Чем более утонченной и ясной становится мысль, тем легче будет определить или переопределить перспективные задачи. То, что казалось первостепенным, может благодаря диалогу-интеррогатику оказаться второстепенным и привести к возникновению новой иерархии конструктивных вопросов. Это приводит как к контролю затрат любого типа, так и к экономии времени.

Сократ использовал иронию (сократовскую иронию), чтобы заставить собеседников понять, что то, что они думали, что знали, на самом деле было только верой. Майевтика, в отличие от иронии, основана на теории воспоминаний, которая претендует на возвращение забытых в прошлой жизни знаний.

Первым текстом Платона (в хронологическом порядке), в котором понятие майевтики связано с персонажем Сократа, является «Пир». Сократ, повторяя слова жрицы Диотимы, утверждает, что душа каждого человека беременна и желает родить. Однако эти роды могут происходить только в Красоте. Роль философа как раз и состоит в том, чтобы рождал души в Красоте, чтобы она рождала прекрасные речи (по-гречески *logoi*) и прекрасные произведения.

Для понимания основных положений учения Сократа, следует принимать во внимание четыре типа отношения к «знанию»:

- *то, что мы знаем, что мы знаем – или утверждается как таковое.* Здесь Сократ продолжает свою иронию, когда хочет донести до своих собеседников, что то, что они утверждают, что знают, основано только на предрассудках и других беспочвенных идеях; здесь может идти речь о ложном знании...

- *что мы знаем, чего мы не знаем – применение иронии.*

- *то, что мы не знаем, что мы знаем:* и в этом случае применяется майевтическое искусство философа;

- *чего мы не знаем, того мы не знаем –* целое поле «невообразимого» всеми и оправдывающее вмешательство философа, иллюстрируемое аллегорией пещеры (*Книга VII Республики Платона: майевтика*).

Первые два типа вызывают сомнения в том, что:

- то, что мы думаем, мы думаем, что мы действительно знаем, это просто вера,

- и то, что мы знаем, чего мы не знаем, также оставляет дверь открытой для обмана и заблуждения.

Сократовские сомнения откроют позднее дверь сомнениям Декарта и философов новейшего времени.

Приведём пример сократической майевтики по версии сайта Анны Кигай: «В отрывке из диалога «Менон», Сократ и его собеседник рассуждают о природе добродетели. Обратите внимание на соотношение длины вопросов и ответов: иногда, кажется, что Сократ делает всю работу за собеседника.

Сократ: *Теперь, видимо, нам и надо исследовать, что такое добродетель – знание или нечто иное.*

Менон: *По-моему, разобравшись в одном, надо исследовать и это.*

Сократ: *Так что же, разве, по нашим словам, добродетель не благо? Разве не остается в силе наша предпосылка, что она – благо?*

Менон: *Остается, конечно.*

Сократ: *Значит, если есть какое-либо благо, непричастное к знанию, то, может быть, и добродетель не есть какое-то знание; если же нет такого блага, которое не охватывалось бы знанием, то мы, предположив, что добродетель – это некое знание, сделаем верное предположение.*

Менон: *Так оно и есть.*

Сократ: *А разве не добродетель делает нас хорошими людьми?»* [<https://levelvan.ru/pcontent/socrates-6/method-majevtika>].

Таким образом, Сократа с полным основанием можно отнести к **риторическому** типу языковой личности. Данный тип личности включает в себя следующие параметры: а) владение риторическими механизмами воздействия на собеседника; б) обладание коммуникативной харизмой характера и нрава; в) наличие образования (мудрец глубоко знал математику, физику, грамматику, музыку, поэзию, философские науки). В современном мире его можно было бы квалифицировать в качестве интервьюера, взявшего на вооружение систему наводящих вопросов для стимуляции мышления и психологического консультирования, что широко практикуется психологами в настоящее время.

Литература

1. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I. М.: Мысль, 1990. 860 с.
2. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.
3. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: БГУ, 1998. 160.
4. Седых А.П., Багана Ж. Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации языковой личности // Вопросы филологии. 2008. № 3 (30). 31-37.

References

1. Platon. *Sobranie sochinenij* [Collected works in 4 volumes.] 4 t.: T. I. M.: Mysl', 1990. 860.
2. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2018) *Tekst, kontekst, intertekst: sintez smyslopороzhdениja* // *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki* [Text, context, intertext: synthesis of the generation of meaning // Scientific Result. Theoretical and Applied Linguistics]. T. 4. № 3, 21-35.
3. Sedykh A.P. *Kontekst. Znak. Obraz* [Context. Sign. Image]. Belgorod: BGU, 1998. 160.
4. Sedykh A.P., Bagana Zh. *Lingvisticheskie osnovy idiojetnicheskoy interpretacii jazykovoj lichnosti* [Linguistic foundations of the idioethnic interpretation of a linguistic personality] // *Questions of Philology*. 2008. No. 3 (30). 31-37.

УДК 81'42

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ КОГНИТИВНЫХ СЦЕН (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г. ДЖЕЙМСА «КРЫЛЬЯ ГОЛУБКИ»)

Тугуз Тамара Руслановна

аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / tuguzt@yandex.ru

Аннотация

Данная работа посвящена исследованию текста как лингвистического объекта. В рамках исследования рассматривается один из форматов текста – художественный текст, в котором обращается внимание на художественный концепт «пространство». Отмечается,

что данный концепт часто репрезентируется в художественном тексте в рамках когнитивной сцены. Выделяются основные особенности репрезентации данного концепта в когнитивных сценах в произведении Г. Джеймса «Крылья голубки». Посредством применения когнитивно-герменевтического анализа определяются основные тенденции при построении фонового терминала и информационного терминала когнитивной сцены. Рассмотрены различные типы когнитивных сцен. Согласно исследованию, в произведении Г. Джеймса «Крылья голубки» присутствуют как трехтерминальные, так и четырехтерминальные когнитивные сцены. Отмечается, что преобладающим типом сцены является четырехтерминальная когнитивная сцена. В ходе исследования также выделяются следующие типы когнитивных сцен: линейные и нелинейные когнитивные сцены, одновекторные и двухвекторные когнитивные сцены.

Ключевые слова: текст, художественное пространство, коммуникант, информационный терминал, фоновый терминал, когнитивная сцена, линейная когнитивная сцена, одновекторная когнитивная сцена

SPECIFIC FEATURES OF USING DIFFERENT TYPES OF COGNITIVE SCENES IN H. JAMES'S «THE WINGS OF THE DOVE»

Tuguz Tamara Ruslanovna
postgraduate student

Department of Romance and Germanic Philology and Cross-Cultural Communication
Belgorod National Research University
Russia, Belgorod / tuguzt@yandex.ru

Abstract

This work is devoted to the study of a text as a linguistic object. The main object of research is a literary text, in which attention is drawn to the literary concept of “space”. It is noted that this concept is often represented in a literary text in a cognitive scene. Specific features of the representation of a literary concept “space” in cognitive scenes in H. James’s “The Wings of the Dove” are considered. Through the use of cognitive-hermeneutic analysis, the main tendencies of forming of background and information terminals of cognitive scenes were identified. Various types of cognitive scenes are considered. According to the study, both three-terminal and four-terminal cognitive scenes are represented in H. James’s “The Wings of the Dove”. It is noted that the prevailing type of cognitive scene is the four-terminal cognitive scene. During the study, different types of cognitive scenes are identified: linear and non-linear cognitive scenes, single-vectorial and multi-vectorial cognitive scenes.

Keywords: text, literary space, communicant, information terminal, background terminal, cognitive scene, linear cognitive scene, single-vectorial cognitive scene

Проблема исследования текста является одним из актуальных вопросов современного языкознания. Текст изучается различными учеными как проявление языка в действии, как объект лингвистики, как отражение авторского стиля, как образец национальной культуры. В своих работах текст исследовали такие ученые, как Н.Ф. Алефиренко, И.Р. Гальперин, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Ю.М. Лотман и др.

В настоящее время не существует единого определения данного термина. Например, Е.С. Кубрякова трактует текст как «информационно-самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на своего адресата» [Кубрякова 2001: 72-81].

В свою очередь, И.Р. Гальперин определяет текст как «сообщение, объективированное в виде письменного документа». По его мнению, текст состоит из «ряда высказываний», которые объединены «разными типами лексической, грамматической и логической связи» [Гальперин 2020: 18-19].

В отличие от И.Р. Гальперина, Н.Ф. Алефиренко считает, что текст – это «объединенная смысловой связью последовательность языковых знаков» [Алефиренко 2007: 3-7].

О.И. Москальская понимает под текстом «любое высказывание, состоящее из одного или нескольких предложений», которое несет в себе законченный смысл [Москальская 1981: 12].

Согласно определению Е.А. Огневой и Ю.А. Кузьминых, текст – это «комплексное, целостное когнитивно-дискурсивное образование линейного характера» [Огнева, Кузьминых 2014: 5].

Данная работа посвящена исследованию художественного текста как одного из форматов текста. По мнению Ю.М. Лотмана, художественный текст – это «сообщение на языке искусства», которое способно «превращаться в моделирующие системы» [Лотман 1992: 129-132]. По мнению Б.Л. Борухова, художественный текст представляет собой «модель, обладающую духовным измерением», он «моделирует окружающую действительность» и «отражает все виды реальности» – как объективной, так и субъективной. Поэтому «идеальным объектом моделирования в художественном тексте является сознание» [Борухов 1992: 5]. С помощью художественного текста автор выражает свой взгляд на мир.

В рамках исследования художественного текста лингвистами выделяются смысловые элементы текста – художественные концепты. З.Д. Попова и И.А. Стернин понимают под концептом «дискретное ментальное образование», которое является результатом познавательной деятельности и несет в себе «комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении», а также об «интерпретации данной информации общественным сознанием» и отношении к нему общественного сознания [Попова, Стернин 2001: 34]. Концепты, свойственные определенному автору, выражают взгляд автора на мир и формируют авторскую концептосферу. Одной из главных составляющих концептосферы является художественный концепт «пространство».

Согласно проведенному нами исследованию, художественный концепт «пространство» часто бывает представлен в художественном тексте в рамках когнитивной сцены. Под когнитивной сценой в данной работе подразумевается «исследовательский конструкт, который описывает взаимодействие двух и более коммуникантов» [Тугуз 2021: 107].

Существует 2 типа когнитивных сцен: четырехтерминальные и трехтерминальные. Четырехтерминальная когнитивная сцена состоит из четырех компонентов: (1) два и более коммуникантов (адресат и адресант), а также (2) информационный терминал и (3) фоновый терминал. Когнитивная сцена, в которой «отсутствует фоновый терминал, называется трехтерминальной» [Огнева, Кузьминых 2014: 6].

Также существует типология когнитивных сцен, согласно которой когнитивные сцены делятся на линейные и нелинейные. Под линейной когнитивной сценой подразумевается «модель, представляющая собой сочетание трех или четырех терминалов и репрезентирующая передачу информации как коммуникативный процесс между двумя субъектами» [Огнева 2016: 34]. Соответственно, если передача информации репрезентируется как коммуникативный процесс между несколькими субъектами, то такая сцена называется нелинейной.

Когнитивные сцены могут быть одновекторными и двухвекторными. Одновекторной когнитивной сценой называется «модель, в которой информация передается от адресанта к адресату посредством одного или нескольких коммуникативных безответных импульсов» [Огнева 2016: 34]. Таким образом, в двухвекторной когнитивной сцене адресант становится адресатом вследствие ответного коммуникативного импульса.

Цель данной работы заключается в классификации когнитивных сцен в романе Г. Джеймса «Крылья голубки» по различным типам, а также в выявлении преобладающего типа когнитивных сцен.

В качестве материала данного исследования был использован текст романа Генри Джеймса «Крылья голубки». В качестве метода исследования был использован

когнитивно-герменевтический анализ, который заключается в «осмыслении и истолковании исследуемых лексических единиц и концептов» [Даниленко 2021: 28].

Исследование выявило высокую частотность когнитивных сцен в романе Г. Джеймса «Крылья голубки». Когнитивно-герменевтический анализ текста выявил преобладание четырехтерминальных сцен.

В примерах приняты следующие условные обозначения: ИИ – информационный импульс, римские цифры обозначают очередность информационных импульсов.

Пример 1. Двухвекторная линейная когнитивная сцена

(ИИ I) «*Yes – even now I'm willing to go with you. <...> Things have happened, and I've only waited, for seeing you, till I should be quite sure. I am quite sure. I'll go with you.*

<...>

(ИИ II) «*Go with me where?»*

(ИИ III) «*Anywhere. I'll stay with you. Even here.*

(фондовый терминал) *She had taken off her gloves and, as if she had arrived with her plan, she sat down.* [James 2017: 35].

В номинативном поле данной когнитивной сцены два коммуниканта: Кейт Крой, главная героиня произведения, и Лайонел Крой, ее отец. Следовательно, данная когнитивная сцена является линейной. Корреляция терминалов «адресант↔адресат» выражена антропонимами «Кейт» и «Лайонел». Информационный терминал состоит из трех коммуникативных импульсов. В первом коммуникативном импульсе адресантом является Кейт, а адресатом – Лайонел, проксема “*I'm willing to go with you*” выражает динамику в пространстве. Во втором коммуникативном импульсе адресантом является Лайонел, а адресатом Кейт. Семантика второго коммуникативного импульса, являющегося проксемой, выражает динамику в пространстве. Третий коммуникативный импульс также является проксемой «*Anywhere. I'll stay with you. Even here.*» Таким образом, данная когнитивная сцена является двухвекторной, поскольку вследствие получения информации адресант становится адресатом.

Пример 2. Одновекторная линейная когнитивная сцена

(ИИ I) «*You can describe yourself–to yourself–as, in a fine flight, giving up your aunt for me; but what good, I should like to know, would your fine flight do me?»*

(фондовый терминал) *As she still said nothing he developed a little.*

(ИИ II) «*We're not possessed of so much, at this charming pass, please to remember, as that we can afford not to take hold of any perch held out to us. I like the way you talk, my dear, about 'giving up!' One doesn't give up the use of a spoon because one's reduced to living on broth. And your spoon, that is your aunt, please consider, is partly mine as well.*

(фондовый терминал) *She rose now, as if in sight of the term of her effort, in sight of the futility and the weariness of many things, and moved back to the poor little glass with which she had communed before* [James 2017: 40].

В номинативном поле данной когнитивной сцены два коммуниканта: Кейт Крой и Лайонел Крой, о которых было сказано в предыдущем примере. Данная когнитивная сцена состоит из двух коммуникативных импульсов, которые исходят от адресанта, Лайонела. Соответственно, адресатом является Кейт. Фондовый терминал, который следует за вторым коммуникативным импульсом, является проксемой «*She rose now*». Таким образом, данная когнитивная сцена является одновекторной линейной, поскольку информация передается от адресанта посредством безответных коммуникативных импульсов.

Пример 3. Нелинейная многовекторная когнитивная сцена

(фондовый терминал) *She took now but a glance at the picture, though it was enough to make her question to her friends not too straight.*

(ИИ I) «*Isn't she superb?»*

(ИИ II) «*I brought Miss Theale», Lord Mark explained to the latter, «quite off my own bat».*

(ИИ III) «*I wanted Lady Aldershaw*», Kate continued to Milly, «*to see for herself*».

(ИИ IV) «*Les grands esprits se rencontrent!*» (**фондовый терминал**) *laughed her attendant gentleman, a high, but slightly stooping, shambling and wavering person, who represented urbanity by the liberal aid of certain prominent front teeth and whom Milly vaguely took for some sort of great man.*

(фондовый терминал) *Lady Aldershaw meanwhile looked at Milly quite as if Milly had been the Bronzino and the Bronzino only Milly.*

(ИИ V) «*Superb, superb. Of course I had noticed you. It is wonderful*» [James 2017: 40].

В номинативном поле данной когнитивной сцены четыре коммуниканта: Кейт Крой, лорд Марк, лорд Олдершо и леди Олдершо. Данная когнитивная сцена состоит из пяти коммуникативных импульсов. Первый и третий коммуникативный импульс исходят от адресанта, Кейт, при этом адресатами являются лорд Марк, лорд Олдершо и леди Олдершо. В свою очередь, во втором коммуникативном импульсе адресантом является лорд Марк, а остальные участники когнитивной сцены – адресатами. В четвёртом коммуникативном импульсе адресантом является лорд Олдершо, в пятом – леди Олдершо. Фондовый терминал, который предшествует первому коммуникативному импульсу, является проксемой «*She took now but a glance at the picture*». Когнитивная сцена является нелинейной многовекторной, поскольку коммуникативный процесс осуществляется между несколькими субъектами, которые меняют коммуникативный статус с «адресата» на «адресанта».

Таким образом, художественный концепт «пространство» часто репрезентируется в романе Г. Джеймса «Крылья голубки» в рамках когнитивных сцен. Исследование архитектоники когнитивных сцен показало преобладание четырехтерминальных сцен. Исследование показало, что автор использует различные типы когнитивных сцен: линейные и нелинейные, двухвекторные и одновекторные. Преобладающим типом текстовых когнитивных сцен является линейная двухвекторная когнитивная сцена.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Текст – дискурс – язык // Русская филология. Украинский Вестник: Республиканский научно-методический журнал. – Харьков. 2007. – № 2-3. – С. 3-7.
2. Борухов Б.Л. Онтология художественного текста // Художественный текст: онтология и интерпретация. – Саратов: СГПИ, 1992. – С. 4-16.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: URSS, 2020. – 144 с.
4. Даниленко И.А. Когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э.М. Ремарка «*Der Funke Leben*») // Гуманитарные исследования. – 2021. – №1 (77). – С. 26-32.
5. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения. // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72-81.
6. Лотман, Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллин: Александра, 1992. – С. 129-132.
7. Москальская О.И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.) [Текст]: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
8. Огнева Е.А., Кузьминых Ю.А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации. – М.: Эдитус, 2014. – 202 с.
9. Огнева Е.А. Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди митр. Антония Сурожского «*Sunday Before Pentecost*») // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». – Т. 2. №1 (7). – 2016. – С. 31-38.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

11. Тугуз Т.Р. Особенности репрезентации проксем в фоновом терминале когнитивных сцен (на материале произведения Генри Джеймса «Крылья голубки») // Филологический аспект. – 2021. – № 11(79). – С. 105-112.
12. James H. The Wings of the Dove. – М.: Т8 RUGRAM, 2017. – 292 p.

References

1. Alefirenko N.F. Tekst – diskurs – yazik // Russkaya filologiya. Ukrainskiy Vestnik. – Kharkov. 2007. – № 2-3. – Pp. 3-7.
2. Boruhov B.L. Ontologiya hudozhestvennogo teksta // Hudozhestvennyj tekst: ontologiya i interpretaciya. – Saratov: SGPI, 1992. – Pp. 4-16.
3. Gal'perin I.R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. – М.: URSS, 2020. – 144 p.
4. Danilenko I.A. Kognitivno-germenevticheskoe modelirovanie hudozhestvennogo koncepta (na materiale romana E.M. Remarka «Der Funke Leben») // Gumanitarnye issledovaniya. – 2021. – №1 (77). – Pp. 26–32.
5. Kubryakova E.S. O tekste i kriteriyah ego opredeleniya. // Tekst. Struktura i semantika. T. 1. – М., 2001. – Pp. 72-81.
6. Lotman, Yu. M. Izbrannye stat'i. T. 1. – Tallin: Aleksandra, 1992. – Pp. 129-132.
7. Moskal'skaya O.I. Grammatika teksta (posobie po grammatike nemeckogo yazyka dlya in-tov i fak. inostr. yaz.) [Tekst]: Uchebnoe posobie. – М.: Vysshaya shkola, 1981. – 183 p.
8. Ogneva E.A., Kuz'minyh Yu.A. Arhitektonika tekstovoj kognitivnoj sceny: problemy modelirovaniya i interpretacii. – М.: Editus, 2014. – 202 p.
9. Ogneva E.A. Kognitivnaya scena kak format reprezentacii religioznogo znaniya (na materiale propovedi mitr. Antoniya Surozhskogo «Sunday Before Pentecost») // Setevoj zhurnal «Nauchnyj rezul'tat». Seriya «Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki». – T. 2. №1 (7). – 2016. – Pp. 31-38.
10. Popova Z.D., Sternin I.A. Ocherki po kognitivnoj lingvistike. – Voronezh: Istoki, 2001. – 191 p.
11. Tuguz T.R. Osobennosti reprezentacii proksem v fonovom terminale kognitivnyh sцен (na materiale proizvedeniya Genri Dzhejmса «Kryl'ja golubki») // Filologicheskij aspekt. – 2021. – № 11(79). 105-112.
12. James, H. The Wings of the Dove. – М.: Т8 RUGRAM, 2017. – 292 p.

УДК 811.111

О СРЕДСТВАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *CLOTHES*

Ющенко Валерия Ивановна

магистрант

Белгородский государственный

национальный исследовательский

университет

Белгород, Россия / valerykontakt@mail.ru

Федотова Ольга Владимировна

доцент кафедры английского языка и

методики преподавания, к.филол.н.

Белгородский государственный

национальный исследовательский

университет

Белгород, Россия / fedotova@bsu.edu.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются варианты лексических средств репрезентации концепта *CLOTHES* в английском языке. Авторы статьи выделяют лексические единицы, обладающие достаточно широкой семантикой и способные репрезентировать концепт *CLOTHES* в английском языке: *clothes* и *dress*. В данной статье сравниваются словарные дефиниции указанных лексических единиц, представленные в различных современных толковых словарях английского языка (Oxford Learner's Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English). В статье также анализируются коллокации лексических единиц, полученные из Британского национального корпуса английского языка (BNC), а также анализ контекстов, в которых исследуемые лексические единицы употребляются. Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что

лексическая единица *dress* обладает более широкой семантикой, чем лексическая единица *clothes*, однако спектр её значений выходит за рамки изучаемого концепта. Лексическая единица *dress* имеет выраженную гендерную принадлежность, указывающую на предмет женского гардероба. Лексическая единица *clothes*, напротив, обладает узконаправленной семантикой, предполагающей использование в контексте процесса ношения и описания одежды, а также является более универсальной, поскольку не обладает выраженной гендерной принадлежностью.

Ключевые слова: концепт, языковая репрезентация, лексическая единица, коллокат, лингвистический корпус

MEANS OF REPRESENTATION OF THE *CLOTHES* CONCEPT

Ushchenko Valeriya Ivanovna

student master's degree
Belgorod State University
Belgorod, Russia /
valerykontakt@mail.ru

Fedotova Olga Vladimirovna

Associate Professor of the Department of English
language and Teaching Methods, Candidate of
Philology
Belgorod State University
Belgorod, Russia / fedotova@bsu.edu.ru

Abstract

This article discusses the variants of lexical means of representation of the *CLOTHES* concept in English. The authors identify lexical units that have broad semantics and are able to represent the concept *CLOTHES* in English: *clothes* and *dress*. This article compares the dictionary definitions of these lexical units which are given in various modern English dictionaries, such as Oxford Learner's Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English). The authors also examine the collocates of lexical units which can be found in the British National Corpus of English (BNC) in order to analyze the contexts in which these lexical units are used. According to the results of the study, it was revealed that the lexical unit *dress* has a wider semantics than the lexical unit *clothes*, however, the range of meanings goes beyond the concept under study. The lexical unit *dress* has a pronounced gender identity, indicating an item of women's wardrobe. The lexical unit *clothes*, on the contrary, has a narrowly focused semantics, which implies use in the context of the process of wearing and describing clothes, and is more universal, since it does not have a pronounced gender identity.

Keywords: concept, language representation, lexical unit, collocate, linguistic corpus

Концепт *CLOTHES* является одной из важнейших ментальных, культурных, языковых составляющих в различных концептосферах, в том числе, и в концептосфере носителей английского языка. Исследование данного концепта с позиций лингвокультурологии и анализ его роли в обыденной жизни представителей различных социумов является актуальным, поскольку с древних времён одежда была одним из средств выражения и осмысления мира. Крой, цвет, орнамент предметов одежды отражали особенности окружающей среды и социальный статус людей, носивших эту одежду. В настоящее время одежда имеет эстетическое, духовное значение, выражает внутренний мир человека.

Некоторые предметы одежды имеют символическое значение, поскольку их можно использовать для характеристики пространства и времени, для обозначения определённых социальных групп. Представляется возможным предположить, что значение одежды в разных культурах имеет отличия, которые затрагивают глубинные слои сознания и отражают национальные, культурно обусловленные особенности восприятия мира и его отражения в языке.

Изучение словарных дефиниций средств репрезентации концепта *CLOTHES* в английском языке, а также анализ результатов исследований в данной области позволили сделать следующие выводы. Исследователи расходятся во мнениях относительно того,

какое именно средство лексической репрезентации считать основным для данного концепта: *clothes* или *dress*. Рассмотрим внимательнее некоторые словарные дефиниции, чтобы получить обоснование каждой из двух точек зрения.

Oxford Learner's Dictionary дает следующее толкование лексической единицы *clothes*: "the things that you wear, such as trousers, dresses and jackets (*I bought some new clothes for the trip*)" [Oxford Learner's Dictionary]. Данный словарь также предлагает ряд примеров использования этого слова в предложениях и конкретных ситуациях в значении «надевать/снимать одежду», например "*to put on/take off your clothes, work clothes*" [Oxford Learner's Dictionary].

В словаре **Merriam-Webster Dictionary** можно встретить три значения для лексической единицы *clothes* от более узкого (то, что относится к предметам одежды человека) до более широкого (то, что относится к постельному белью или вообще ко всему, что может быть постирано). Например,

“1: **CLOTHING**: *I need new clothes for the winter.*

2: **BEDCLOTHES**: *I have been awake ever since 5 and sooner, I fancy I had too much clothes over my stomach— Jane Austen*

3: all the cloth articles of personal and household use that can be washed: *I always wash clothes on Mondays*" [MWD].

Словарь **Longman Dictionary of Contemporary English** определяет *clothes* следующим образом: "the things that people wear to cover their body or keep warm" [LDCE].

Следует отметить, что в приведенном определении присутствует функциональный аспект – одежду носят, чтобы прикрыть тело и защититься от холода.

Результаты анализа словарных дефиниций лексической единицы *clothes*, приведенных в толковых словарях английского языка, позволяют сделать вывод о том, что в каждом из представленных словарей значение «то, что человек надевает на себя, носит» приводится первым.

Можно предположить, что значение лексической единицы *dress* является более широким в сравнении со значением *clothes*, поскольку обладает большим количеством значений, которые покрывают различные сферы жизнедеятельности человека. Стоит также отметить, что, в отличие от слова *clothes*, являющегося именем существительным, слово *dress* может выступать как в качестве имени существительного, так и других частей речи, в частности, глагола и имени прилагательного, что также обуславливает разнообразие и большое количество значений.

Толковый словарь **Oxford Learner's Dictionary** определяет существительное *dress* следующим образом:

1: "a piece of women's clothing that is made in one piece and covers the body down to the legs, sometimes reaching to below the knees, or to the ankles (*a long white dress*);

2: clothes for either men or women (*to wear casual/formal dress*)" [OLD].

Важно отметить, что в первом значении рассматривается именно одежда для женщин, а уже после одежда в целом.

Данный словарь предлагает восемь определений для слова *dress* в качестве глагола. А именно:

1: "to put clothes on yourself/somebody: *I dressed quickly. Get up and get dressed!*

2: to wear a particular type or style of clothes: *to dress smartly/casually*

3: to put on formal clothes: *Do they expect us to dress for dinner?*

4: dress somebody – to provide clothes for somebody famous: *He dresses many of Hollywood's most famous young stars.*

5: dress something to clean, treat and cover a wound: *The nurse will dress that cut for you.*

6: dress something to prepare food for cooking or eating: *to dress a salad* (= put oil or vinegar, etc. on it)

7: dress something (formal) to decorate or arrange something: *to dress a shop window*

8: dress something to prepare a material such as stone, wood, leather, etc. for use)” [OLD].

Данные примеры показывают, что значения для глагола *dress* не сводятся к процессу надевания или ношения какой-либо одежды, они также связаны с совершенно другими сферами жизнедеятельности человека, например, с медициной (5) или процессом декорирования (7).

Merriam Webster Dictionary содержит следующие дефиниции для лексической единицы *dress* в качестве существительного:

“1: APPAREL, CLOTHING;

2: an outer garment (as for a woman or girl) usually consisting of a one-piece bodice and skirt;

3: covering, adornment, or appearance appropriate or peculiar to a particular time;

4: a particular form of presentation” [MWD].

В данном словаре первое значение связано с одеждой в целом, однако упоминается и предмет женской одежды (платье). В качестве прилагательного *dress* определяется следующим образом:

“1: suitable for a formal occasion: *dress* clothes, *dress* shoes;

2: requiring or permitting formal dress: a *dress* affair;

3: relating to or used for a dress: *dress* material” [MWD].

Необходимо отметить, что первые два значения связаны с ситуациями, требующими определенного стиля в одежде (торжественного, парадного, строгого).

Рассмотрим значения, предлагаемые данным словарем для глагола *dress*:

“1. a: to make or set straight;

b: to arrange (troops, equipment, etc.) in a straight line and at proper intervals;

2. to prepare for use or service, specifically: to prepare for cooking or for the table:
dress a salad;

3. to add decorative details or accessories to;

4a. to put clothes on: dress a child;

b: to provide with clothing feed: dress a growing family;

5: archaic: DRESS DOWN;

6a: to apply dressings or medicaments to: dress a wound;

b (1): to arrange (the hair) by combing, brushing, or curling;

(2): to groom and curry (an animal);

c: to kill and prepare for market or for consumption –often used with *out*;

d: CULTIVATE, TEND especially: to apply manure or fertilizer to: dress a field;

e: to put through a finishing process, especially: to trim and smooth the surface of (a material, such as lumber or stone).

intransitive verb

1a: to put on clothing;

b: to put on or wear formal, elaborate, or fancy clothes: dress for dinner;

2 *of a food animal: to weigh after being dressed* – often used with *out*;

3: to align oneself with the next soldier in a line to make the line straight” [MWD].

В первом значении данный глагол не связан с процессом надевания или ношения одежды. Данные словаря свидетельствуют о том, что анализируемый глагол может употребляться для описания таких процессов, как причесывание; уход за внешним видом животного; удобрение полей; обработка поверхности какого-либо материала; взвешивание туши животного, употребляемого в пищу; построение солдат.

В словаре **Longman Dictionary of Contemporary English** для существительного *dress* приводятся следующие дефиниции:

“1. a piece of clothing worn by a woman or girl that covers the top of her body and part or all of her legs → skirt

2. clothes for men or women of a particular type or for a particular occasion” [LDCE].

В том же словаре для глагола *dress* даются следующие значения:

- “1. to put clothes on yourself or someone else
2. to wear a particular kind of clothes
3. to make or choose clothes for someone
4. to clean, treat, and cover a wound
5. to clean and prepare meat or fish so that it is ready to cook or eat dressed crab
6. to put oil, vinegar, salt etc onto a salad
7. to put an attractive arrangement in a shop window → window dresser
8. technical to stand in a straight line, or to make soldiers do this
9. to arrange someone’s hair into a special style
10. to prepare or put special surface onto wood, stone, leather etc.” [LDCE].

Результаты анализа словарных дефиниций лексической единицы *dress* свидетельствуют о том, что в первом значении, которое приводится в словарях для существительного *dress*, оно обозначает предмет женского гардероба. Значение *dress* как имени прилагательного в словаре не указано, но отдельно вынесены примеры из корпуса для выражения *dress code*, где слово *dress* выступает в качестве прилагательного. В качестве глагола *dress* указано ранее не упоминавшееся значение, касающееся особенностей работы с деревом, кожей, печью – использование *dress* в этом случае предполагает подготовку рабочей поверхности и нанесение необходимого покрытия.

Обобщая результаты анализа словарных дефиниций, можно сделать вывод о том, что лексическая единица *dress* действительно обладает достаточно широкой семантикой. Значения данной лексической единицы затрагивают различные стороны жизни человека и предполагают использование ее в ситуациях, которые между собой не связаны (приготовление пищи, перевязка ран, выстраивание солдат, украшение витрины в магазине). Среди них есть указание на процессы одевания, выбора одежды для различных случаев, наличие необходимости иметь одежду. Стоит также отметить, что во всех рассмотренных нами случаях значения, связанные с тематикой одежды, были указаны в словарях в числе первых.

В ходе контекстуального анализа, необходимого для выявления особенностей употребления в контексте и комбинаторики лексических единиц *clothes* и *dress*, мы обратились к данным Британского национального корпуса английского языка («BNC»). На основе результатов анализа коллокатов, т.е. слов, стоящих в предложении непосредственно перед изучаемой лексической единицей представляется возможным сделать выводы о том, что список ближайших коллокатов лексической единицы *dress* включает в себя такие лексические единицы, как *her, fancy, wedding*; различные цветовые характеристики, например, *black, white, blue*; а так же характеристики материала, такие как *silk, cotton*. На наш взгляд, данные коллокаты свидетельствуют о том, что наиболее часто существительное *dress* употребляется в значении «платье» (предмет женского гардероба).

Согласно результатам проведенного анализа, список ближайших коллокатов лексической единицы *clothes* включает в себя такие единицы, как *his, her, my, your, their*, указывающие на принадлежность одежды кому-либо, а также различные качественные характеристики: *old, new, plain*. Анализ представленных единиц позволяет сделать вывод о том, что понятие *clothes*, в отличие от понятия *dress*, не предполагает какой-либо гендерной принадлежности, а потому является более универсальным.

Суммируя результаты анализа словарных дефиниций и контекстов употребления лексических единиц *dress* и *clothes*, можно сделать выводы о том, что лексическая единица *clothes* имеет более узкое значение, касающееся преимущественно взаимодействия человека с предметами одежды, в то время как лексическая единица *dress* передает более широкое понятие, охватывающее различные сферы жизнедеятельности, не всегда связанные с процессом ношения одежды. Также необходимо отметить, что для слова *dress* первым значением является указание на предмет именно женского гардероба, что зафиксировано в нескольких толковых словарях английского языка. Анализ

коллокатов данных лексических единиц подтвердил предположение о большей универсальности значения существительного *clothes* и приоритетность гендерной принадлежности в значении лексической единицы *dress*. На наш взгляд, результаты проведенного анализа позволяют сделать заключение о том, что основным средством репрезентации исследуемого концепта в английском языке следует считать лексическую единицу *clothes*.

Литература

1. Пророкова Н.П., Иванова Н.К. Концепт «Одежда» в русской и английской концептосферах: опыт изучения // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. – 2009. – №4. – С. 262-268.
2. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 11.03.2022)
3. MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 11.03.2022)
4. OLD – Oxford Learner’s Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 11.03.2022)

References

1. Prorokova N.P., Ivanova N.K. Koncept «Odezhda» v russkoj i anglijskoj konceptosferah: opyt izucheniya // Vestnik gumanitarnogo fakul'teta IGHTU. – 2009. – №4. – S. 262-268.
2. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com> (Accessed 11.04.2022)
3. MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 11.04.2022)
4. OLD – Oxford Learner’s Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Accessed 11.04.2022)

Раздел 3. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ, ПЕРЕВОД И СЛОВАРИ

УДК 81

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОМАНОВ ДЖ. РОУЛИНГ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ

**Ермакова Ольга
Александровна**
учитель иностранного
языка МБОУ ЦО №15
«Луч»
Белгород, Россия /
olga.tsyshko@yandex.ru

Ермаков Антон Игоревич
учитель иностранного
языка МБОУ ЦО №15
«Луч»
Белгород, Россия /
ai.ermakov.93@yandex.ru

**Носова Марина
Валериевна**
учитель иностранного языка
МБОУ «Лицей №32»
Белгород, Россия /
nosovamarina302@gmail.com

Аннотация

Использование аутентичных материалов на уроках иностранного языка является обязательным на современном этапе развития методики преподавания иностранного языка. Данная статья посвящена вопросам применения цикла романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере в дидактических целях. В статье рассматривается методический потенциал данных произведений с точки зрения соответствия требованиям ФГОС к предметным результатам по предмету «Иностранный язык». Авторами был обоснован выбор данного цикла произведения как обучающего материала, обозначена целевая аудитория произведений, описаны особенности трансформации сюжета и сложности языковой составляющей, рассмотрены возможности применения цикла романов о Гарри Поттере в учебном процессе при развитии коммуникативной компетенции, а именно её речевой, языковой, компенсаторной, социокультурной и межпредметной составляющих, предложены способы применения произведений в учебном процессе. Также в статье рассматривается воспитательный потенциал произведений Дж. Роулинг.

Ключевые слова: методический потенциал, воспитательный потенциал, ФГОС, коммуникативная компетенция, Дж. Роулинг, Гарри Поттер

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE CYCLE OF NOVELS ABOUT HARRY POTTER BY J.K. ROWLING

**Ermakova Olga
Aleksandrovna**
foreign languages teacher,
Education Centre No. 15
“Luch”,
Belgorod, Russia /
olga.tsyshko@yandex.ru

Ermakov Anton Igorevich
foreign languages teacher,
Education Centre No. 15
“Luch”,
Belgorod, Russia /
ai.ermakov.93@yandex.ru

Nosova Marina Valerievna
foreign language teacher,
Lyceum 32,
Belgorod, Russia /
nosovamarina302@gmail.com

Abstract

The use of authentic materials in foreign language lessons is mandatory at the present stage of the development of foreign language teaching methods. This article is devoted to the application of J. K. Rowling's Harry Potter series of novels for didactic purposes. The article examines the methodological potential of these works in terms of compliance with the requirements of the Federal State Educational Standard for subject results on the subject "Foreign language". The authors justified the choice of this cycle of the work as a teaching material, identified the target audience of the works, described the peculiarities of the transformation of the plot and the complexity of the language component, considered the possibilities of using the cycle of Harry Potter novels in the educational process when developing communicative competence, i.e. its speech, language, compensatory, socio-cultural and interdisciplinary components, suggested ways of using the works in the educational process. The article also examines the educational potential of J. K. Rowling's works.

Keywords: methodological potential, educational potential, FGOS, communicative competence, J. K. Rowling, Harry Potter

В современных учебно-методических комплексах по иностранному (английскому) языку на всех уровнях образования так или иначе упоминаются произведения о Гарри Поттере. Выбор данного литературного произведения в качестве учебного материала не случаен: романы выступают мощным стимулом в изучении иностранного языка. В первую очередь, романы Дж. Роулинг повествуют о жизни ребенка, что близко для обучающихся, и о фантастическом мире магии, что также интересует детей. Кроме того, к моменту изучения данного произведения практически все учащиеся уже в определенной степени знакомы с ним: они смотрели фильмы, читали книги, или как минимум знакомы с героями произведений из массовой культуры. Этот факт позволяет организовать учебный процесс, используя фоновые знания учащихся, что является важнейшим условием современного обучения.

Целью данной работы является выявление методического потенциала цикла романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере.

Под методическим потенциалом литературного произведения мы понимаем совокупность характеристик произведения, позволяющих достичь результатов обучения. [Корзун, 2015: 87] Согласно ФГОС, предметные результаты по учебному предмету «Иностранный язык» должны отражать сформированность иноязычной коммуникативной компетенции в совокупности ее составляющих – речевой, языковой, социокультурной, компенсаторной и метапредметной. Именно с точки зрения соответствия требованиям к достижению предметных результатов, указанных в ФГОС, мы и рассмотрим методический потенциал цикла романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере.

Современная культура в полной мере обладает материалами о Гарри Поттере, необходимыми для формирования иноязычной коммуникативной компетенции: учитель может пользоваться самыми разнообразными текстовыми, аудио- и видеоматериалами, а также интерактивными платформами. Данными материалами учитель может дополнять занятия по иностранному языку, основанные на используемом УМК, а также выносить изучение произведения в рамки раздела внеклассного чтения, либо использовать их в рамках элективного курса «Домашнее чтение» или кружка. Следует отметить, что сложность непосредственно языкового материала, а также сложность сюжетной линии возрастает от первой к седьмой книге. Несмотря на то, что Дж. Роулинг утверждает, что она не имела целевой аудитории для романов, эта аудитория была определена возрастом главного героя, которому в первой книге исполняется одиннадцать лет. Соответственно проблемы, которые затрагиваются в первой книге, носят достаточно поверхностный характер, а лексика и грамматические структуры, с помощью которой они описываются, соответствует возрасту 11-летнего носителя языка. Однако в седьмой, последней, книге, где главному герою исполняется 17 лет, затрагиваются более серьезные проблемы, например, проблемы выбора, ответственности, а также политические вопросы, которые требуют более глубокого анализа. Более сложному сюжету соответствует и языковое оформление книги. Такое усложнение позволяет учителю подобрать для своих учеников подходящую по уровню языка и возрасту книгу, или же если класс проходит всю серию книга за книгой, поддерживать необходимый уровень языка и сложности сюжета, чтобы учащиеся не теряли интерес и мотивацию.

При составлении комплекса упражнений к романам о Гарри Поттере учителю имеет возможность учесть все необходимые предметные результаты. Так, речевая составляющая коммуникативной компетенции включает в себя четыре вида речевой деятельности: аудирование, чтение, письмо и говорение. В рамках работы с романами о Гарри Поттере представляется возможным активизировать все виды речевой деятельности. Самое очевидное: материалом для чтения являются сами романы о Гарри Поттере. Упражнения для обучения и развития навыков чтения могут быть совершенно любыми на усмотрение учителя. При обучении аудированию можно использовать

аудиокниги или фильмы. Учитель может предложить учащимся сравнить книги и фильмы, и выяснить, что отражено точно, что искажено или упущено, а также что учащиеся представляли иначе, когда читали книгу. Здесь рецептивные виды речевой деятельности переходят в продуктивные: говорение и письмо. При обучении говорению учитель может предложить учащимся обобщить прочитанное, описать персонажа, его отношение к окружающим, поделиться своим мнением о какой-либо проблеме, высказаться о сюжете с точки зрения учащегося какого-либо факультета и т.д. Обучение письму может осуществляться с помощью классических упражнений, а также можно предложить учащимся написать фанфик на заданную тему, либо написать сообщение на фан-сайте. На этапе обучения продуктивным видам речевой деятельности учащиеся получают возможность для развития компенсаторной компетенции.

Развитие языковой составляющей коммуникативной компетенции включает в себя обучение лексике, грамматике и фонетике [Щербакова, 2008: 107]. Первые два аспекта можно реализовать с помощью классических упражнений с новыми словами и наиболее примечательными грамматическими конструкциями в каждой главе. Обучение фонетическим навыкам можно разнообразить благодаря тому, что существуют две версии аудиокниг – это аудиокниги, озвученные Джимом Дейлом и Стивеном Фраем. Несмотря на то, что оба актера имеют британское происхождение, аудиокниги в их исполнении предназначены для разных аудиторий: Джим Дейл как голос книг о Гарри Поттере приобрел популярность в США, Стивен Фрай – в Великобритании. В исполнении двух книг имеются существенные различия в плане фонетики, что позволяет работать с американским и британским вариантами английского языка. Также Дж. Роулинг одарила некоторых персонажей романов, например, Рубеуса Хагрида, фонетическими особенностями, а именно Хагрид говорит на West Country English (*"Can't tell yeh that," said Hagrid mysteriously. "Very secret. Hogwarts business. Dumbledore's trusted me. More'n my job's worth ter tell yeh that."* (Harry Potter and the Philosopher's Stone, 1995), что также представляет особый интерес с точки зрения фонетики и стилистики.

Социокультурная составляющая компенсаторной компетенции включает в себя знания о реалиях страны изучаемого языка и её культурном наследии, а также умение проявлять уважение к иной культуре. Изображая мир магглов, т.е. людей не обладающих магическими способностями, Дж. Роулинг рисует картины типичной жизни в Англии. Учитель может предложить учащимся познакомиться с местами и достопримечательностями, упомянутыми в книге или показанными в фильме, например, вокзал Кингс Кросс или вид реки Темзы с её достопримечательностями. Сам Хогвартс является аллюзией на классическую британскую школу-интернат. Например, учащиеся могут сравнить вымышленный Хогвартс с реальными Итоном или Харроу. Тема толерантности затрагивается в книге «Гарри Поттер и Кубок огня», где изображаются студенты из других стран.

Метапредметная составляющая в изучении серии романов о Гарри Поттере раскрывается при обнаружении аллюзий. Например, различные предметы, изучаемые в Хогвартсе, имеют аналоги в реальном мире, например, зельеварение – это аллюзия на химию, а большая часть заклинаний образованы от латинских слов (Например, заклинание *«Expelliarmus»*, обезоруживающее оппонента, образовано из двух латинских слов: *expello* – выслать, выгонять и *arma* – оружие, а заклинание *«Protego»* образовано от латинского глагола первого лица единственного числа *protego*). Для наиболее полного понимания событий, происходящих в последних частях саги, читателю необходимы знания из области истории, обществознания и психологии.

Отдельно стоит отметить воспитательный потенциал произведения. На протяжении семи книг читатель наблюдает развитие главных и второстепенных персонажей – детей и узнает подробности судьбы главного злодея – Волдеморта, а в последней части профессоров Дамблдора и Снейпа, которые оказываются одними из ключевых персонажей для развития истории. Учащиеся могут проанализировать становление героев

и факторы, влияющие на это. Особого внимания заслуживают взаимоотношения между героями – это отношения между друзьями, родственниками, соперниками, учениками и педагогами, детьми и взрослыми [Ястремская, 2021: 63].

Таким образом, серия романов о Гарри Поттере представляет обширное поле для исследования и преподавания, а учебное пособие, которое можно составить на основе данного произведения, может соответствовать требованиям к предметным результатам по учебному предмету «Иностранный язык».

Литература

1. Изотова К.Е. Методический потенциал анимационных сериалов в обучении английскому языку в 7 классе (на примере «Adventure time») // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. 2019. – С. 170-172.
2. Казакова О.П. Потенциал типов иноязычных текстов в проектировании методических задач // Эмиховские чтения. Материалы V международной научно-практической конференции. 2018. – С. 36-43.
3. Корзун О.О., Семенова А.И. Методический потенциал коммуникативно-познавательных задач при обучении диалогическому общению учащихся основной общеобразовательной школы // Наука и образование: проблемы и стратегии развития. 2015. № 1. – С. 87-96.
4. Кочетков В. В., Соколов А.Н. Этимологические и структурные особенности заклинаний в сеттинге Гарри Поттера // Научный поиск. 2020. № 2. – С. 38-41.
5. Соколова Е.В. Информационная структура художественного текста малых прозаических форм. Особенности строения. Методический потенциал // Мир русского слова. 2019. №1. – С. 57-63.
6. Цепкова А.В. Принципы описания методического потенциала художественного текста на иностранном языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. №4. Том 7. – С. 52-70.
7. Щербакова В.В. Коммуникативная компетенция как синтез речевой и языковой способности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. №3. – С. 106-108.
8. Ястремская Ю.А., Никитина В.А. Воспитательная составляющая романов о Гарри Поттере при изучении литературы в основной школе // Мир науки, культуры, образования. 2021. №6. – С. 62-64.
9. Anatol, Giselle Liza Reading Harry Potter. Critical Essays. Westport: Praeger Publishers. – 2003. – 254 p.

References

1. Isotova K.E. Methodological potential of animation series in teaching English in the 7th form (on the material of «Adventure times») // Molodezh XXI veka: obrazovanie, nauka, innovacii. 2019. – P. 170-172.
2. Kazakova O.P. Potential of types of foreign texts in stating of methodological aims // Emihovskie chteniya. Materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. – P. 36-43.
3. Korzun O.O., Semenova A.I. Methodological potential of communicative-kognitive aims in teaching dialogue speech of middle school students // Nauka i obrazovanie: problemy i strategii razvitiya. 2015. № 1. – P. 87-96.
4. Kochetkov V.V., Sokolov A.N. Etymological and structural characteristics of spells in Harry Potter setting // Nauchnyj poisk. 2020. № 2. – P. 38-41.
5. Sokolova E.V. Information structure of the literary text of small prose forms: features of its structure and methodological potential // Mir russkogo slova. 2019. №1. – P. 57-63.
6. Tsepikova A.V. Rules of description of methodological potential of literary text in foreign language // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. №4. Vol. 7. – P. 52-70.
7. Shcherbakova V.V. Communicative competence as a synthesis of speech and language ability // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2008. №3. – P. 106-108.

8. Yastremskaya Yu.A., Nikitina V.A. The educational component of the Harry Potter novels in the study of literature in primary school // *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2021. №6. – P. 62-64.
9. Anatol, Giselle Liza Reading Harry Potter. Critical Essays. Westport: Praeger Publishers. – 2003. – 254 p.

УДК 37

О ВЗАИМОСВЯЗИ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ В ЭКОСИСТЕМЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Мацькив София Романовна

студентка 4 курса
направление подготовки «Лингвистика»
Московский Международный университет
Москва, Россия /*sofiamatckiv@gmail.com*

Пашковская Наталья Дмитриевна

кандидат педагогических наук
доцент кафедры иностранных языков и
речевой коммуникации
Московский Международный университет
Москва, Россия / *n.pashkovskaia@mmu.ru*

Аннотация

Современная экосистема образования предполагает такую модель обучения иностранному языку, при которой участники образовательного процесса взаимодействуя друг с другом и с новыми методиками и технологиями учатся самостоятельно приобретать знания и применять их на практике. С целью повышения мотивации и развития интереса к предмету «Иностранный язык» важную роль в системе иноязычного образования важная роль отводится взаимосвязи и взаимодействию языка и культуры в процессе обучения. Язык и культура – это те понятия, которые неразрывно связаны между собой и влияют на развитие личности, ее способности участвовать в межкультурной коммуникации. Учебный предмет «Иностранный язык» формирует мировоззрение учащихся, обогащает их знания о мире, культуре, традициях. Обучение языку и культуре в учебном процессе должно основываться на концепции диалога культур. Использование лингвострановедческого и культурологического подходов в обучении, способствуют более полному знакомству не только с изучаемым языком, но и с культурой данной страны.

Ключевые слова: экосистема иноязычного образования, иностранный язык, язык, культура, коммуникативная компетенция, межкультурная коммуникация, личность.

TEACHING LANGUAGE AND CULTURE IN THE ECOSYSTEM OF FOREIGN LANGUAGE LESSONS

Matskiv Sofia Romanovna

4th year student of linguistics course
Moscow International University
Moscow, Russia /*sofiamatckiv@gmail.com*

Pashkovskaia Natalia Dmitrievna

PhD in Pedagogic sciences,
Associate Professor of the department of Foreign
Languages
Moscow International University
Moscow, Russia / *n.pashkovskaia@mmu.ru*

Abstract

The modern ecosystem of education assumes such a model of teaching a foreign language, in which participants of the educational process, interacting with each other and with new methods and technologies, learn to acquire knowledge independently and apply it in practice. In order to increase motivation and develop interest in the subject "Foreign language", an important role in the system of foreign language education is given to the relationship and interaction of language and culture in the learning process. Language and culture are those concepts that are inextricably linked and affect the development of personality, its ability to participate in intercultural communication. The academic subject "Foreign language" forms the worldview of students, enriches their knowledge about the world, culture, traditions. Language

and culture teaching in the educational process should be based on the concept of a dialogue of cultures. The use of linguistic and cultural approaches in teaching contributes to a more complete acquaintance not only with the language being studied, but also with the culture of this country.

Keywords: ecosystem of foreign language education, foreign language, language, culture, communicative competence, intercultural communication, personality.

Современный термин «экосистема», который был предложен английским экологом А. Тенсли в 1935 году, нашел свое применение в педагогической науке. Экосистема образования представляет собой такую систему, в которой все субъекты (учителя, ученики и их родители, администрация образовательного учреждения) взаимодействуют друг с другом и образовательными элементами, которые представлены новыми методиками, инновациями и технологиями. Субъекты образовательной системы обмениваются между собой знаниями и информацией, являются источниками развития друг для друга подобно тому, как существует в природе круговорот веществ и взаимообмен энергиями, при этом система самостоятельно регулирует все эти процессы. Происходящие изменения в экосистеме иноязычного образования, смена образовательного вектора в соответствии с реализацией требований Федерального государственного образовательного стандарта, подразумевает переход от традиционной системы обучения к модели самостоятельного приобретения и применения знаний. Предмет «Иностранный язык», не является исключением. И для достижения образовательной цели, методика преподавания уделяет особое внимание взаимосвязи языка и культуры при изучении этого предмета, что и определяет актуальность данной темы.

Целью данного исследования является изучение взаимосвязи языка и культуры при овладении иностранным языком в современной экосистеме иноязычного образования.

Для достижения цели исследования была изучена методическая литература, проведен анализ учебно-методических комплексов.

Иностранный язык – явление многогранное, он раскрывает не только культуру чужой страны, но и философию, историю, традиции, особенности мышления народа, при этом человек одновременно углубляет знание о своей собственной культуре.

Каждый преподаватель знает, что главная цель обучения иностранному языку – это формирование иноязычной коммуникативной компетенции. Это значит, что в последующем личность, которая обладает знаниями иностранного языка, может осуществить межкультурную коммуникацию на иностранном языке с носителем языка. Ученик должен обладать умениями и навыками, необходимыми для понимания иноязычной речи и способности вести диалог, отвечающий сферам, целям и ситуациям данного общения [Тютюкова, 2016: 105].

С другой стороны, любое обучение есть передача поколению культуры в определенном объеме (И.Я. Лернер). Только культура в самых разнообразных ее проявлениях, способствует формированию личности учащегося. Приобщение учеников к культуре страны изучаемого языка и выделяя культурный компонент в содержании обучения, тем самым открывается доступ к культуре другого народа, обеспечиваемый уже в процессе обучения «диалог культур» и дает способность к воспитанию, образованию и развитию обучаемого [Тер-Минасова, 2000: 211]. Именно диалог культур способствует развитию в обществе социокультурного понимания принадлежности к национальному и мировому сообществу, готовности к межличностному, межклассовому и межнациональному общению. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова: «Каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием (опять же иностранным, если слово иностранное) представление о мире» [Тер-Минасова, 2000: 25].

Метод диалога культур используется на уроках иностранного языка для создания аутентичной среды, где формируются такие умения как изучение и сравнение различных

культур, поиск информации, сравнение полученной информации и их применение в реальных ситуациях общения в виде диалога и т.д. Этот метод был представлен в работах В. С. Библера, М.С. Кагана, К. Ясперса, О. Шпенглера, М. Бубера, М. Бахтина.

Что же такое «язык» и «культура»? В методической литературе имеется достаточное количество определений для этих понятий. Например, язык – это система знаков, служащая средством осуществления человеческого общения и мышления [Советский энциклопедический словарь, 1989: 648]. Язык – система знаков, служащих средством человеческого общения, мыслительной деятельности, способом передачи информации и ее хранения [Тютюкова, 2016: 134]. То есть можно сказать, что язык – это система знаков, служащая средством общения, взаимопонимания и т.д. между людьми. Определению культуры в научной литературе насчитывается более 600 понятий. Так Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров понимают культуру, как определенное общество или цивилизация, особенно та, которая воспринимается в связи с ее идеями, искусством, образом жизни, также она состоит из идей, обычаев, и искусства, которые распределены в определенном обществе [Салиева, 2018: 59]. Или, Культура – это устойчивая форма коллективного бытия (поведения) [Мильруд, 2012: 136]. То есть, Культура – это определение, описывающее взаимоотношение между разными народами, воспринимаемая с ее обычаями и историей. Нас интересует иноязычная культура, под которой понимается все, что «способен принести учащимся процесс овладения иностранным языком в учебном, познавательном, развивающем и воспитательном аспекте».

«Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова, 2000: 13]. Культура, в свою очередь, являясь важным компонентом языкового образования и предметным ее содержанием, трансформирует процесс овладения иностранным языком в подлинно мотивированный: культура в многоликости, разнообразии и новизне интересна каждому, кто с ней соприкасается, и в этом ее неисчерпаемый мотивационный потенциал, при котором выполняется одна из основных функций культуры – коммуникативная, которая роднит ее с языком. Построенная на аутентичном лингвострановедческом материале коммуникативная деятельность является звеном, в котором пересекаются и взаимодействуют язык как система элементов разных уровней и культура, в которой он существует.

С другой стороны, «связь языка и культуры проявляется не только на уровне функций, но и на уровне структуры. Их объединяет семиотический характер, позволяющий в знаковой форме получать и передавать любую негенетическую информацию» [Пашковская, 2015: 556].

При обучении иностранному языку и культуре, преподаватели используют лингвострановедческий и культурологический подходы в обучении иностранным языкам, которым были посвящены работы таких ученых как: Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Л. Блумфилд, В.А. Маслова, В.В. Сафонова, М.А. Суворова, Г.В. Елизарова, В.М. Шаклеин, А.Т. Хроленко, В.П. Фурманова, В.Н. Телия [Сафонова, 2011:174]. Использование данных подходов в процессе обучения иностранным языкам создают условия, которые направлены на общекультурную подготовку, а также отвечают принципу взаимосвязи компонентов учебной деятельности на основе объединения обучения иностранному языку с индивидуальными потребностями и ценностными ориентациями обучаемых.

Изучив учебно-методические комплексы на наличие взаимосвязи языка и культуры, применяемые в образовательных учреждениях, хотелось бы подробно остановиться на УМК «Spotlight» для 9 классов. На уроках используются разные задания, чтобы заинтересовать учащихся в процесс обучения. Если преподаватель будет давать «сухой» материал, то у учащегося пропадет мотивация и интерес в изучении данного предмета, наличие которых является обязательным в образовательном процессе, особенно

при изучении иностранного языка. Уже с первых страниц учебника можно увидеть, что культурный компонент входит в разделы лексики, фонетики, грамматики представленный национально-окрашенной, фоновой лексикой, реалиями, фоновой лексикой и т.д. Но, несмотря на то, что учащиеся уже изучают культуру и язык во всех видах речевой деятельности, культурная или историческая справка часто выносятся в конце каждого тематического раздела. Так, учащиеся обогащают свои знания по пройденной теме, с использованием активного словаря по пройденному уроку и закрепляют свои полученные знания с помощью разных контрольных заданий. Например, тема, которая начинается с космоса, людей, которым на определённый период нужно жить в новом «доме», подводит к общей теме «Дом». В конце данного раздела дается культурологическая справка про дом премьер-министра в Британии и то, как он обустроен и т.д.

Для более эффективного обучения иностранному языку и культуре изучаемого языка, преподаватели используют на уроках образовательные платформы, социальные сети, Интернет ресурсы. Например, образовательная платформа для обучения английскому языку, как «KhanAcademy». Эта платформа предлагает различные сферы интереса, которые организованы в форме лекций и видео материалов. Там можно отправлять сделанные задания преподавателям и общаться с ними в режиме реального времени.

Таким образом, можно подвести итог, что язык и культура неразделимы, язык – важнейший компонент культуры, культура – обязательный компонент языка. Включение культуры в процесс обучения иностранным языкам ориентирует на изучение страноведческой информации, национально-культурной специфики речевой коммуникации и усвоение культурных фоновых знаний, раскрывающих особенности речевого и неречевого поведения субъекта. Использование лингвострановедческого и культурологического подходов в обучении иностранному языку показывает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка и представляет этот процесс в виде целостной структуры единиц, в единстве их языкового и внеязыкового содержания.

Литература:

1. Мильруд, Р. П. Обучение культуре и культура обучения языку. Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2012 – №4 (108). – С. 136-143.
2. Пашковская, Н.Д. Сукроева, Н.С. О роли культурно-страноведческого компонента в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Научный альманах – Тамбов, 2015 – №9 – с. 555-559
3. Салиева, С. М. Взаимосвязь языка и культуры при обучении иностранным языкам. Наука и образование сегодня. – 2018. – №5 (28). – С. 59-60.
4. Сафонова, В. В. Социокультурный подход к обучению иностранного языка – М.: «Высшая школа», 2011 – 174-176 с.
5. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М.Прохорова. – Изд.4. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 678 с.
6. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово. – 2000. – С. 264.
7. Тютюкова, И. А. Педагогический тезаурус: учеб. справ. пособие. – М.: В. Секачев. – 2016. – С. 160.

References

1. Mil'rud, R. P. *Culture teaching and language learning culture*. Vestnik Tambovskogo universiteta. – Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2012 №4 (108). – P. 136-143.
2. Pashkovskaia, N.D., Sukroeva N.S. *On the role of the cultural and regional component in teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties* // Nauchny al'manah Tambov, 2015. -№9 – P. 555-559.
3. Salieva, S. M. *The relationship of language and culture in teaching foreign languages. Science and education today* – 2018. – №5 (28). – P. 59-60.
4. Safonova, V. V. *Sociocultural approach to teaching a foreign language* – М.: «Vysshaya shkola», 2011 – 174-176 s.

5. *Sovetskij enciklopedicheskij slovar'* / Pod red. A.M.Prohorova. – Izd.4. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1989. – P. 678.
6. Ter-Minasova, S. G. *Language and intercultural communication*. – M.: Slovo. – 2000. – P. 624.
7. Tyut'kova, I. A. *Pedagogical Thesaurus: ucheb. sprav. posobie*. – M.: V. Sekachev. – 2016. – P. 160.

УДК 372.881.111.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Янутик Стелла Яновна

Старший преподаватель
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / yanutik@bsu.edu.ru

Клян Мария Алексеевна

студентка 4 курса факультета
иностраннных языков
педагогического института НИУ
«БелГУ»
Белгород, Россия / 1257113@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассмотрена роль лексических средств в процессе овладения речевыми навыками на английском языке, а также подходы к обучению учеников средней школы речевой деятельности на английском языке с применением лексических средств. Изучены особенности использования лексических средств на уроках английского языка. Проанализированы основные требования к системе лексических упражнений. Изучены методические приемы работы с лексическим материалом на уроках английского языка. Исследованы современные способы ее активизации, которые применяют методисты и практики. Рассмотрена важность активизации лексики, которая способствует эффективности усвоения учебного материала, повышению познавательной активности, успешному формированию коммуникативных навыков ученика и росту мотивации к изучению английского языка. Рассмотрены приемы и системы упражнений для более эффективного обучения лексике у учащихся при овладении речевой деятельностью и стимулировании познавательной активности на уроках английского языка в общеобразовательной школе.

Ключевые слова: лексическое средство, речевая деятельность, лексическая единица, метод.

THE USE OF LEXICAL MEANS IN THE PROCESS OF MASTERING SPEECH ACTIVITY IN ENGLISH IN SECONDARY SCHOOL

Yanutik Stella Yanovna

Senior Lecturer,
Department of the English language and
Methodology of Teaching
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / yanutik@bsu.edu.ru

Klyan Maria

4th year student of the Faculty of Foreign
Languages
of the Pedagogical Institute of the National
Research University "BelSU"
1257113@bsu.edu.ru

Abstract

The article examines the role of lexical means in the process of mastering speech skills in English, as well as approaches to teaching secondary school students speech activity in English using lexical means. The features of the use of lexical means in English lessons are studied. The basic requirements for the system of lexical exercises are analyzed. Methodical methods of working with lexical material in English lessons have been studied. The modern ways of its activation, which are used by methodologists and practitioners, are investigated. The importance

of vocabulary activation is considered, which contributes to the efficiency of learning educational material, increased cognitive activity, successful formation of student's communication skills and increased motivation to learn English. The techniques and systems of exercises for more effective vocabulary teaching in students when mastering speech activity and stimulating cognitive activity in English lessons at a secondary school are considered.

Keywords: lexical means, speech activity, lexical unit, method.

В настоящее время в основу межкультурного общения положено знание иностранного языка. Можно утверждать, что признаком образованности является владение иностранным языком. Изучение иностранного языка способствует интеллектуальному, речевому и эмоциональному развитию, благотворно влияет на формирование речевого аппарата, способствует развитию фонематического и интонационного слуха. Благодаря изучению иностранного языка у детей расширяется кругозор, развивается умение сравнивать, наблюдать и устанавливать связи. Кроме того процесс овладения иностранным языком способствует формированию теоретического мышления, развитию воображения, творческой способности, удовлетворению познавательной потребности человека и тренирует все виды памяти. Немалую роль играет тот факт, что иностранный язык способствует развитию обще учебных умений.

Употребление лексического словаря является одним из самых простых и общеизвестных средств выразительности языка, то есть умение выбрать из огромного разнообразия слов то, которое будет более уместно в определенном контексте.

Ведущую роль при овладении иностранным языком играет лексика, так как именно она имеет возможность передавать смысл сказанного. Практически во время каждого урока иностранного языка на приходится работать над улучшением качества речи, расширением словарного запаса. Существует алгоритм действий, о котором необходимо помнить как учителю, так и ученику в процессе овладения речевой деятельностью на английском языке. К примерам работы с лексикой можно также отнести работу с текстом с целью поиска новых или необходимых слов, написание слов и использование слов в коммуникативной сфере.

Существует три основных этапа работы над лексикой:

- Этап ознакомления с новой лексической единицы;
- Этап первичного закрепления изученных слов.
- Развитие способности употребления изученного материала в какой-либо сфере речевой деятельности.

Как правило, первые два этапа объединяют и называют этапом презентации. В процессе овладения языком данный этап играет очень важную роль. От того, насколько эффективен этот этап, зависит последующая работа с лексикой. Учитель должен выбрать наиболее эффективный способ презентации лексического материала, в соответствии с уровнем владения материалом, характеристикой слова и со степенью обучения.

В процесс ознакомления входит работа с формой, значением и употреблением самого слова:

Работа на основе слухового восприятия:

- первичное звуковое представление слова.
- воспроизведение слова учащимися.
- вторичное представление слова и его семантизация (Чаще всего это представление нового слова с помощью картинки, игрушки и другого привычного для учащихся объекта).

- контроль понимания.

- проверка навыка употребления нового слова в каком-либо контексте.

«Работа на основе графического восприятия:

- написание слова;
- упражнения по чтению;

- упражнения письма» [Соловова, 2019: 7].

Под знанием слова понимается знание и понимание его значения, его формы и его употребления. Форма слова – это звуковая форма данного слова, без которой невозможно правильно понимать слово и правильно и уместно его употреблять в различных видах речевой деятельности. Немало важно иметь представление о графической форме слова, так как без этого невозможно узнавание слова на письме и правильное его написание. Более того, учащиеся должны на стадии ознакомления со словом знать об особенностях графических форм слова, чтобы избежать ошибок при дальнейшем использовании этого слова. В английском языке, как и во многих других языках, одно слово может иметь множество значений. Однако учащимся необходимо знать не все значения слова, а наиболее часто употребляемые значения данного слова. Также необходимо выявить ассоциации, которые данное слово вызывает, выяснить, какой социальный подтекст передает слово, что сочетается с ним и благодаря чему появится способность составлять словосочетания.

Самым сложным процессом в изучении языка является запоминание большого количества слов. На самом деле какие-то слова запоминаются легче, какие-то сложнее, поэтому трудно запомнить сразу все новые слова. Сколько не смотри в словаре, слова все равно не остаются в памяти, поэтому учителю необходимо сделать так, чтобы слово крепко отложилось в памяти ученика.

В методике существуют некоторые приемы и методы, которые помогают освоить и запомнить новые слова. Так, большими помощниками в этом деле являются песни, скороговорки, рифмовки, которые содержат новые слова. На начальном этапе обучения языку принято использовать прием проговаривания слова с разной интонацией и громкостью, а также ритмичное проговаривание слова, используя знакомый мотив. Немалую роль играют упражнения по разгадыванию кроссвордов и разного рода ребусов. «Все эти задания и упражнения помогают учащимся понять и усвоить лексический материал, расширить свой словарный запас, запомнить написание слова, а благодаря зрительной опоре научиться правильному чтению и произношению слова» [Стародубцева, 2013: 8].

Упражнения по построению словосочетаний также являются эффективными помощниками при запоминании новых слов. В процессе овладения речевой деятельностью важно умение владеть связями слова и образовывать словосочетания.

Существует метод мнемотехники, в основе которого лежит умение создавать ассоциации. Во время урока учитель вместе с учениками придумывает разного рода запоминалки, которые рифмуются и являются понятными ассоциациям для ученика. В родном языке подбирают и запоминают такое слово, которое похоже на изучаемое английское слово. В качестве примера можно привести слово sleep (спать), которое очень просто запоминается в таком предложении: когда хочется спать, слипаются глаза.

Look – смотреть. На лук смотреть невозможно без слез.

I – я. Ай! Я получил травму. Я сказал ай, когда получил травму.

Существует большое количество целых словарей, в которых подобрано великое множество примеров. С помощью таких словарей даже самый слабый ученик сможет запомнить слово и употреблять его в речи без ошибок.

Эмоции, с которыми передается новое слово, играют немаловажную роль при запоминании, а если оно будет сопровождаться картинками, которые создадут какую-то эмоцию, то есть шанс, что оно отложится в пассивный словарный запас ученика. Для запоминания сложных понятий, которые сложно связать с конкретным предметом, отлично подойдет метод, когда называют запахи и вкусы, а также связывают картинку с музыкальным произведением или наполняют ее цветом.

Игровой метод обучения языку является одним из самых эффективных методов работы с лексикой, особенно в младшем школьном возрасте. Благодаря использованию этого метода дети будут меньше уставать и лучше сконцентрироваться на изучаемом материале. Чтобы обучение лексике было менее изнуряющим для школьников, существует огромное количество лексических игр. Для более эффективного хода игры

используют разного рода раздаточный материал, например карточки с изображением новых слов (покажи и назови; разложи в заданном порядке; поменяй местами, What is missing?) а также диктанты в картинках. Помимо этого широко используют рисунки и тексты из художественной литературы, для создания игровой ситуации.

Лексические игры помогают сосредоточить внимание ученика на изучаемом материале, помогают увеличить словарный запас и попрактиковать изученные слова в коммуникативных ситуациях.

Использование компьютера на уроке иностранного языка также играет важную роль. Современные технологии помогают иллюстрировать графический образ слова вместе со звуковым. Во время показа слова на экране вместе со словом появляются картинки и аудиозапись, так учащиеся имеют возможность увидеть графическое исполнение слова и услышать его произношение. Написание слов позволяет лучше запомнить слова, так как способствует укреплению связей слов.

При изучении новой темы с использованием новых слов необходимо использовать презентации, так как она обладает ярким и красочным наглядным элементом. «Использование ресурсов Интернета имеет место быть не только на уроке, но и при самостоятельном изучении материала дома» [Арбекова, 2019: 1].

Ментальные карты (Mind Maps) служат достаточно эффективным средством при презентации и освоении лексического материала. В центре карты помещается ключевое понятие, а от него ответвляются остальные элементы. Ключевые термины, несущие в себе главный смысл, дополняются фотографиями и рисунками. Ментальные карты дают возможность понять материал как единое целое. Кроме того, карты можно легко и в короткий срок обновить и усовершенствовать.

Таким образом, можно сказать следующее:

Использование лексических средств на уроках иностранного языка является целесообразным в том случае, если наблюдается развитие речевого и языкового лексических навыков. При обретении этих навыков ученик имеет возможность овладеть не только навыком использования иноязычной лексики вне контекста или ситуации общения, но и может успешно использовать свой активный, пассивный и потенциальный лексические минимумы в ситуациях общения в соответствии с целями такой коммуникации.

Для эффективности усвоение учебного материала, повышения познавательной активности и роста мотивации к изучению английского языка, для успешного формирования коммуникативных навыков ученика необходима активизация лексики, которая также служит предварительным этапом на пути к выбору будущей профессии.

Литература

1. Арбекова, Т. И. Английский без ошибок. Correct English for everyday use: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Т. И. Арбекова. – М.: Высш. шк., 2019. – 222 с.
2. Богданович, Г. Ю. Ассоциативный эксперимент как приём интерпретации дискурса / Г. Ю. Богданович / Дискурс-Пи. – 2018. – № 1 (30). – С. 10–16.
3. Гацкевич, М. А. Английский без переводчика. Dismiss your Interpreter! 200 useful daily dialogues / М. А. Гацкевич, Д. Уильямс. – СПб.: КАРО, 2017. – 216 с.
4. Колкер, Я. М. Практическая методика обучения иностранному языку: учеб. пособие / Я. М. Колкер, Е. С. Устинова, Т. М. Еналиева. – М.: Издательский центр «Академия», 2018. – 264 с.
5. Леонтьев, А. А. Принцип коммуникативности и психологические основы интенсификации обучения иностранным языкам / А. А. Леонтьев // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных трудов / Ред.-сост. А. Н. Щукин. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина; Филоматис, 2016. – 288 с.
6. Опарина, Е. А. Методика обучения иностранным языкам в схемах и таблицах: Конспекты лекций / Е. А. Опарина. – Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2015. – 40 с.

7. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей / Соловова Е. Н. – М.: Просвещение, 2019. – 239 с.
8. Стародубцева, О. Г. Типы упражнений для формирования лексических навыков устной речи в неязыковом вузе / Научнопедагогическое обозрение – 2013. – №2. – С 45-48.

References

1. Arbekova, T. I. English without mistakes. Correct English for everyday use: studies. Manual for in-tov and fac. Foreign language / T. I. Arbekova. – М.: Higher School, 2019. – 222 p.
2. Bogdanovich, G. Y. Associative experiment as a method of interpreting discourse/ G. Y. Bogdanovich / Discourse-Pi. – 2018. – № 1 (30). – Pp. 10-16.
3. Gatskevich, M. A. English without an interpreter. Fire your translator! 200 useful daily dialogues / M. A. Gatskevich, D. Williams. – St. Petersburg: KARO, 2017. – 216 p.
4. Kolker, Ya. M. Practical methods of teaching a foreign language: textbook. Manual / Ya. M. Kolker, E. S. Ustinova, T. M. Enalieva. – М.: Publishing Center “Academy”, 2018. – 264 p.
5. Leontiev, A. A. The principle of communication and psychological foundations of the intensification of teaching foreign languages / A. A. Leontiev // Language and culture in a philological university. Actual problems of studying and teaching: A collection of scientific papers / Ed.-comp. A. N. Shchukin. – М.: State. IRYA named after A.C. Pushkin; Philomatis, 2016. – 288 p.
6. Oparina, E. A. Methods of teaching foreign languages in diagrams and tables: Lecture notes / E. A. Oparina. – Ryazan State Pedagogical University. S.A. Yesenin University. – Ryazan, 2015. – 40 p.
7. Solovova, E. N. Methods of teaching foreign languages: a basic course of lectures: a manual for students of pedagogical universities and teachers / Solovova E. N. – М.: Enlightenment, 2019. – 239 p.
8. Starodubtseva, O. G. Types of exercises for the formation of lexical skills of oral speech in a non-linguistic university / Scientific and Pedagogical Review – 2013. – No. 2. – From 45-48.

УДК 372.881.111.1

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ НАВЫКОВ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОВЫМ МАТЕРИАЛОМ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Янутик Стелла Яновна

старший преподаватель
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / yanutik@bsu.edu.ru

Мирошниченко Ангелина Николаевна

студентка 4 курса факультета
иностраннных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»
Белгород, Россия
/AngelinaMiroshnichenko@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается необходимость углубленного изучения формирования и развития языковых навыков с использованием интерактивных средств общения на английском языке учащимися общеобразовательной школы, а также подчеркнута необходимость развития говорения как одного из основных средств формирования коммуникативных компетенций. Описывается организация процесса обучения навыкам диалогической и монологической речи с использованием интерактивных средств общения на уроке. Среди необходимых условий успешного взаимодействия с людьми – умение вступать в речевой контакт, поэтому формирование диалогических и монологических умений занимает важное место как при овладении родной речи, так и при обучении иностранному языку. Проанализировано развитие умений в англоязычном говорении у

учащихся среднего звена с применением ментальных. Рассматривается такое понятие как «культурная компетенция», а также выявлены ее основные признаки, такие как знание коммуникативных средств и правил их употребления, готовность к познанию чужой культуры, соблюдение норм этикета в процессе общения, способность преодолевать социальные и этнические стереотипы.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, интерактивное обучение, интеллект-карта, ментальная карта.

FORMATION OF AUTOMATED SKILLS PROFICIENCY IN LANGUAGE MATERIAL AT THE MIDDLE STAGE TEACHING ENGLISH

Yanutik Stella Yanovna

Senior Lecturer,
Department of the English language and
Methodology of Teaching
Belgorod State National Research
University
Belgorod, Russia / yanutik@bsu.edu.ru

Miroshnichenko Angelina

4th year student of the Faculty of Foreign
Languages
of the Pedagogical Institute of the National
Research University "BelSU"
Belgorod, Russia /
AngelinaMiroshnichenko@yandex.ru

Abstract:

The paper considers the need for in-depth study of the formation and development of language skills using interactive means of communication in English by secondary school students, and also emphasizes the need for the development of speaking as one of the main means of forming communicative competencies. The organization of the process of teaching dialogic and monological speech skills using interactive means of communication in the classroom is described. Among the necessary conditions for successful interaction with people is the ability to enter into speech contact, therefore, the formation of dialogic and monological skills occupies an important place both in mastering native speech and in teaching a foreign language. The development of skills in English speaking among middle-level students with the use of mental skills is analyzed. Such a concept as "cultural competence" is considered, and its main features are revealed, such as knowledge of communicative means and rules of their use, readiness to learn someone else's culture, compliance with etiquette norms in the process of communication, the ability to overcome social and ethnic stereotypes.

Keywords: intercultural competence, interactive learning, intelligence map, mental map.

Изучение иностранных языков было и остается составной частью процесса обучения. В настоящее время изучению иностранных языков отводится особое место в образовательном процессе, что связано с процессами глобализации, которые переживает современное общество.

В средней школе обучение иностранному языку преследует цель дальнейшее развитие иноязычной коммуникативной компетенции.

Зачем нужно изучать иностранные языки? На этот вопрос нельзя ответить однозначно: у каждого из нас свои мотивы изучения языков. На сегодняшний день знание иностранных языков носит особый характер. Для успешного изучения иностранного языка учитель должен привить детям интерес к изучению языка, чтобы донести до них необходимость его изучения в современном мире.

Особое внимание на формирование навыков владения языковым материалом следует обратить именно на среднем этапе обучения в общеобразовательной школе. Именно в этом возрасте учитель должен научить ребенка выразить свои мысли и мнения, а также общаться на иностранном языке.

Все люди должны уметь вступать в речевой контакт с окружающими, для этого необходимо сформировать монологические и диалогические умения как на родном, так и на иностранном языке.

Для более продуктивного формирования и развития языковых навыков на уроках в общеобразовательной школе необходимо использовать интерактивные средства общения на английском языке. Развитие умения говорения является необходимым средством для развития коммуникативных компетенций.

Мы можем уверенно говорить, что у нас есть языковое лингвистическое образование только после того как полностью овладеем фонетикой, лексикой и грамматикой изучаемого языка. Наличие огромного множества форм коммуникаций является важным аспектом развития человека.

Таким образом, есть необходимость акцентировать особое внимание на эту культурной компетенции. Городецкая Л.А. дает следующее толкование данного понятия «лингвокультурная компетентность». Филолог считает: «Разница междукультурной и лингвокультурной компетентностью – это различие части и целого: лингвокультурная компетентность – это та часть культурной компетентности, определяющая коммуникационное поведение человека в рамках одной или иной культуры» [Городецкая, 2009: 49].

Ученые лингвисты и социологи пришли к выводу, что это невозможно осуществить без культурологических знаний о стране изучаемого языка и знаний особенностей межкультурного общения. Таким образом, достижению данной цели будет в первую очередь способствовать формирование межкультурной коммуникативной компетенции в условиях школьного обучения.

Межкультурная компетенция – это компетенция, базирующаяся на знаниях и способности совершать межкультурное общение и достигать положительных результатов данной коммуникации [Елизарова, 2001: 218].

Основными признаками межкультурной компетенции являются не только знания коммуникативных средств и правил их употребления, но и готовность к познанию чужой культуры, соблюдение норм этикета в процессе общения, а также позитивный настрой на сотрудничество. Кроме того, к этим признакам относится способность преодолевать социальные и этнические стереотипы [Гусева, 2002: 133].

Для успешного общения на иностранном языке, учащимся необходимо не только овладеть коммуникативными навыками, но и познакомиться с культурой страны изучаемого языка, а также овладеть ментальностью носителей изучаемого языка и особенностями коммуникации жителей этого государства.

Для преодоления трудностей в процессе обучения иностранному языку учитель должен стараться использовать интерактивные средства обучения на уроке.

Интерактивное обучение является способом познания на основе диалоговой формы взаимодействия учащихся. Это обучение, которое погружено в общение, при котором дети формируют навыки взаимодействия. [Давыдов, 1986: 135].

Интерактивное обучение – это, прежде всего, обучение, опирающееся на диалоговое взаимодействие, в ходе которого осуществляется коммуникация.

Существует множество методов, которые учитель использует в образовательных целях при интерактивном взаимодействии на разных этапах уроков. Использование данных методов носит положительный результат. Рассмотрим некоторые из них.

Ю. Н. Неудахина обращает внимание на преимущества использования метода интеллект-карт в школьном образовании и приходит к выводу, что «изображения информации в интеллект-картах безграничны: учителя могут увеличить практическую полезность преподаваемого материала путем составления плана урока с помощью ментальных карт, а учащиеся могут эффективнее запоминать полученную информацию в соответствии с их конкретными потребностями» [Неудахина, 2021:114].

Интеллект-карта может быть является универсальной формой работы, ее можно использовать на всех этапах урока: при объясни новой темы, систематизации информации, организации контроля, обобщении знаний, а также с помощью этого метода учитель может создать алгоритм действий на уроке. Ученики сами могут систематизировать свои знания при использовании интеллект-карт на уроках английского языка.

Как правило при составлении интеллект-карты учитель использует слова, а также можно вставлять картинки, которые привлекают внимание учащихся, а также облегчает работу на уроке. Интеллект-карта – вспомогательный элемент на уроке для учителя.

Интеллект-карты воспринимаются детьми с удовольствием и интересом, так как при составлении таких карт учитель старается составить их так, чтобы обучающиеся фантазировали, включали логику.

В современных условиях с большим количеством информации, использование интеллект-карт для обучения дает большие позитивные результаты, так как дети умеют выбирать, строить и запомнить ключевые данные и воспроизвести их впоследствии.

Интерактивные приемы на занятиях по английскому языку способствуют экономии времени, что дает возможность обратить внимание на каждого ученика, проработать речевой материал на практике, так учитель добивается усвоения материала всеми ребятами и решает различные задачи обучения.

Для развития умений в англоязычном говорении у учащихся среднего звена чаще всего применяют ментальные карты.

Учащиеся на средней ступени обучения должны уметь запрашивать и сообщать информацию, использовать в речи различные средства выражения информации, описывать картинки, а также вести диалог с собеседником.

Однако на практике учащиеся сталкиваются с проблемами. Учащиеся зачастую не знают, что сказать, так как не владеют предметом разговора, у них не хватает жизненного опыта, чтобы рассуждать о каких-либо объектах, процессах, явлениях, событиях, а тем более сравнивать их. Они не знают, как сказать, так как не владеют теми языковыми средствами, с помощью которых могли бы выразить свои мысли. Бывает и так, что из-за большого объема информации учащиеся не могут передать ее в правильной последовательности, начинают сбиваться и путаться. Есть учащиеся, которые не хотят говорить из-за боязни совершить ошибки и получить низкую отметку.

Поэтому педагогу необходимо искать такие методы и приемы формирования коммуникативной компетенции учащихся при обучении иностранному языку, которые бы способствовали их эффективному решению.

Одним из основных принципов обучения является принцип наглядности, его можно использовать при изучении любого предмета, в том числе и иностранного языка. Это дает основание считать, что применение наглядных опор является действенным способом повышения знаний учащихся и активизации их деятельности на уроке.

Овладение учащимися новыми лексическими средствами всегда является первостепенной задачей. Давно на практике проверено, что если учащиеся совсем не владеют лексическими единицами или владеют ими недостаточно, то процесс общения либо очень затруднен, либо вообще невозможен. Поэтому ментальные карты могут служить опорами для составления высказывания. С. В. Колядко делит ментальные карты на несколько типов: объективные, частично объективные и субъективные [Колядко, 2017: 75].

Объективные ментальные карты можно предоставить учащимся в готовом виде и добавление какой-либо новой информации не предполагается. Частично объективные ментальные карты содержат пропуски для заполнения учащимися, что способствует развитию аналитических умений. Субъективные карты разрабатывается учащимися самостоятельно, что позволяет им развивать умение выделять ключевую информацию.

Ментальная карта отражает ключевые слова и понятия, она позволяет отражать в высказывании все необходимые аспекты и сделать высказывание полноценным и завершенным. Анализ эффективности применения логико-коммуникативных опорных схем на практике показывает, что их использование на уроках английского языка способствует формированию мотивации к овладению английским языком, помогает преодолеть трудности при обучении говорению, развивает логическое мышление, снимает языковые трудности, активизирует самостоятельную работу учащихся. Интеллект-карты – это хороший способ для обучения языковым конструкциям. Создание интеллект-карт

хорошо заинтересовывает и мотивирует учащихся, что в свою очередь повышает эффективность обучения.

Процесс подготовки в современном образовательном процессе подразумевает взаимодействие учителя и ученика, чтобы получить обучающимся определенные знания, навыки, умения, воспитать личностные качества и приобщить их к культурным ценностям. Поскольку процессы глобализации оказывают неоспоримое влияние на общественную жизнь, учителю важно подготовить своих учеников к общению с представителями других государств в соответствии с нормами, принятыми в иностранной культуре.

Итак, интерактивное обучение предполагает постоянное взаимодействие учеников и учителя, используя при этом различные виды работ: диалоговая, групповая форма работы, а также самостоятельная работа учащихся. Учитель иностранного языка может создавать на уроке ситуацию реального общения различными способами. Одним из них является работа с логико-коммуникативными опорами. Цель их применения – научить младшего школьника составлять собственные речевые высказывания на иностранном языке в процессе коммуникации на знакомые и интересные ему темы. Использование логико-коммуникативных опор способствует активизации познавательных процессов учащихся, развитию креативности и самостоятельности в выборе решений коммуникативных задач. Кроме того, включение логико-коммуникативных опор в процесс обучения говорению на иностранном языке отвечает принципу дифференциации обучения.

Литература

1. Городецкая, Л. А. Лингвокультурная компетентность и лингвокультурные коммуникативные компетенции: разграничение понятий / Л. А. Городецкая // Вопросы культурологии. – 2009. – № 1. – С. 48 – 51.
2. Гусева, А. В. Формирование социокультурной компетенции в процессе обучения устному иноязычному общению / А. В. Гусева: дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. – Москва: МГЛУ, 2002. – 235 с.
3. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения / В. В. Давыдов. – М.: Педагогика, 1986. – 230 с.
4. Елизарова, Г. В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб.: Союз, 2001. – 291 с.
5. Колядко, С. В. Компьютерная лингводидактика: учебное пособие для магистрантов направления подготовки «Педагогическое образование» / С. В. Колядко. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. – 111 с.
6. Неудахина, Ю. Н. Использование метода интеллект-карт в школьном образовании / Ю.Н. Неудахина, Я. В. Сидненко // Научный альманах. – 2021. – №2 -2 (76). – С. 113 – 116.
7. Lado, Robert. Language teaching: a scientific approach / R. Lado. – Bombay: McGraw-Hill, 1983. – 345 p.
8. Nunan, David. Language Teaching Methodology / D. Nunan. – Prentice hall: New York, 1991. – 247 p.

References

1. Gorodetskaya, L. A. Linguocultural competence and linguocultural communicative competencies: differentiation of concepts / L. A. Gorodetskaya // Questions of cultural studies. – 2009. – No. 1. – pp. 48-51.
2. Guseva, A.V. Formation of socio-cultural competence in the process of teaching oral foreign language communication / A.V. Guseva: dis. on the job. learned. step. Candidate of Pedagogical Sciences. –Moscow: MGLU, 2002. – 235 p.
3. Davydov, V. V. Problems of developing learning / V. V. Davydov. – M.: Pedagogika, 1986. – 230 p.
4. Elizarova, G. V. Culture and teaching foreign languages / G.V. Elizarova. – St. Petersburg: Soyuz, 2001. – 291 p.

5. Kolyadko, S. V. Computational linguodidactics: a textbook for undergraduates of the direction of training "Pedagogical education" / S. V. Kolyadko. – St. Petersburg: Publishing House of A. I. Herzen RSPU, 2017. – 111 p.
6. Neudakhina, Yu. N. The use of the method of intelligence maps in school education / Yu. N. Neudakhina, Ya. V. Sidnenkova // Scientific Almanac. – 2021. – №2 -2 (76). – Pp. 113 – 116.
7. Lado, Robert. Language teaching: a scientific approach / R. Lado. – Bombay: McGraw-Hill, 1983. – 345 p.
8. Nunan, David. Language Teaching Methodology / D. Nunan. – Prentice hall: New York, 1991. – 247 p.

УДК 372.881.111.1

ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Янутик Стелла Яновна

старший преподаватель

Белгородский государственный
национальный

исследовательский университет

Белгород, Россия / yanutik@bsu.edu.ru

Щукина Алина Олеговна

студентка 4 курса факультета иностранных

языков педагогического института НИУ
«БелГУ»

Белгород, Россия / ao.shchukina@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена вопросам процесса обучения и методики преподавания аудирования в начальной школе. Выделены особенности аудирования как вида речевой деятельности. В статье рассмотрены основные виды аудирования. Исследованы индивидуально-возрастные особенности учащихся младших классов. Обоснованы характеристики процесса обучения аудированию в младшем школьном возрасте. Выделены отличительные черты коммуникативного и учебного аудирования. Рассмотрены психологические условия формирования речевых навыков и умений на иностранном языке у детей младшего школьного возраста. Установлены основные особенности первичных познавательных психологических процессов у учащихся начальной школы. Были выделены первостепенные цели занятия на первой ступени обучения иностранному языку. Проведен анализ фонетических, лексических, грамматических трудностей восприятия и понимания аудиоречи. Приведены эффективные приемы решения основных трудностей при обучении аудированию.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, аудирование, английский язык, коммуникативные умения.

METHODS OF TEACHING LISTENING IN ENGLISH LESSONS IN ELEMENTARY SCHOOL

Yanutik Stella Yanovna

Senior Lecturer,

Department of the English language and
Methodology of Teaching

Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / yanutik@bsu.edu.ru

Shchukina Alina

4th year student of the Faculty of Foreign

Languages

of the Pedagogical Institute of the

National Research University Belgorod,
Russia / ao.shchukina@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the issues of the learning process and the methodology of teaching listening in primary school. The features of listening as a type of speech activity are highlighted. The article discusses the main types of listening. The individual age characteristics of primary school students are investigated. The characteristics of the process of learning listening at primary school

age are substantiated. The distinctive features of communicative and educational listening are highlighted. The psychological conditions of the formation of speech skills and abilities in a foreign language in children of primary school age are considered. The main features of primary cognitive psychological processes in primary school students are established. The primary objectives of the lesson at the first stage of foreign language teaching were highlighted. The analysis of phonetic, lexical, grammatical difficulties of perception and understanding of audio speech is carried out. Effective methods of solving the main difficulties in teaching listening are given.

Keywords: intercultural competence, listening, English, communication skills.

Формирование у младших школьников умений понимания воспринятой на слух иноязычной речи составляет одно из первоочередных задач начального этапа обучения детей английскому языку. Поэтому аудирование составляет основу иноязычного общения, поскольку является первой ступенью овладения устной коммуникацией.

Аудирование – способность различать и понимать то, что говорят, относительно учебного процесса на уроках английского языка – это понимание английской речи на слух во время ее воспроизведения. Под этим подразумевается понимание грамматических структур, акцента говорящего, словарного запаса, который использует говорящий. Одной из главных проблем общения на английском языке является восприятие аутентичной речи на слух, поэтому разработка методик обучения аудированию, отвечающих требованиям современности, крайне важна.

Главная задача образования подрастающего поколения в современном обществе – формирование коммуникативных умений. Решение коммуникативной задачи при обучении английскому языку помогает сформировать всесторонне развитую личность, использующую английский язык как средство общения в диалоге культур.

Основная цель обучения английскому языку в школе – «развитие способности школьника к общению на иностранном языке» [Колкова, 2007: 37].

В результате обучения учащиеся должны уметь использовать иностранный язык в устной и письменной речи.

Аудирование – это комплексный процесс, состоящий из восприятия информации и подготовки к ответной реакции на услышанное. «Понимание формируется в процессе говорения, а говорение – в процессе понимания» [Жинкин, 1982: 73].

В английском языке, «термин аудирование используется редко: понятие «listening comprehension» наиболее точно передает сущность этого вида речевой деятельности» [Соловова, 2006: 124].

Аудирование дает учащимся возможность понимать высказывания на английском языке, способствует усвоению фонетической стороны языка, его фонемного состава и интонации. «Аудирование помогает усвоить лексический состав языка и его грамматические структуры. Контроль понимания текста происходит, когда учащийся отвечает на поставленные вопросы. Стоит отметить, что аудирование облегчает овладение такими видами речевой деятельности как: говорение, чтение и письмо» [Никитина, 2002: 221].

Таким образом, аудирование является эффективным средством обучения английскому языку на начальном этапе и играет важную роль в достижении практических, образовательных и воспитательных целей.

Отличительными чертами текста для аудирования являются языковые, содержательные, композиционные особенности.

И.Л. Бим характеризует три вида аудирования:

1. Аудирование с полным пониманием содержания аудиотекста предполагает, что учащиеся точно усвоили информацию, полученную из прослушанного текста. Для усвоения данного вида аудирования учащимся необходимо уметь синтезировать аудирование с логико-смысловой деятельностью, а также оценивать и анализировать полученную информацию;

2. Аудирование с пониманием главного содержания (примером является прослушивание с целью определения главной мысли текста). Ученику следует вычлнить ключевую информацию и сконцентрировать свое внимание на дальнейшем более глубоком понимании содержания текста. Данный вид аудирования подразумевает способность ориентироваться в логикосмысловой структуре аудиотекста, объединять в логическое целое полученную из нескольких аудиоисточников информацию для решения конкретных задач;

3. «с частичным пониманием (прослушивание прогноза погоды для понимания информации необходимой конкретному слушателю)» [Ветехов, 2015: 52].

Выделяют также коммуникативное и учебное аудирование.

«Коммуникативное аудирование (Communicative Listening) представляет собой рецептивный вид речевой деятельности, нацеленный на восприятие и понимание устной речи на слух при ее одноразовом прослушивании.

Учебное аудирование (Guided Listening) служит способом введения языкового материала, создания прочных слуховых образов языковых единиц, составляет предпосылку для овладения устной речью, становления и развития коммуникативных умений аудирования» [Витин, 1997: 154].

Стоит отметить, что аудирование является целью и средством обучения иностранному языку. В школьной практике эти функции неразрывно связаны друг с другом. Аудирование как способ обучения предполагает знакомство учащихся с новым грамматическим и лексическим материалом, развитие навыков и умений во всех видах речевой деятельности, а также поддерживает достигнутый уровень владения языком.

Подводя итог, следует отметить: аудирование – это самостоятельный вид речевой деятельности. Данный вид речевой деятельности обладает уникальной спецификой. На уроке английского языка предполагается комплексно формировать речевые навыки. Работая с аудиотекстами, видеоматериалами, мы параллельно отработываем лексические, грамматические и фонетические структуры.

Понимание иностранной речи зависит от следующих факторов: жизненный и речевой опыт, умение концентрировать внимание, степень развития зрительной памяти, заинтересованность и эмоциональное состояние. Данные факторы являются ключевыми при формировании навыков аудирования у младших школьников. Следует отдельно выделить «сложности, определяющиеся критериями материалов для аудирования (внешние шумы, помехи, плохая акустика, качество звукозаписи и т.д.)» [Рогова, 2000: 25].

Следует выделить, что фонетические и лексические трудности обусловлены особенностями английского языка. На фонетическом уровне трудности связаны с: ассимиляцией; несовпадением темпоральных характеристик гласных, согласных звуков, слогов, синтагм; отличием звуков в английском и родном языках.

Для более легкого восприятия можно проводить артикуляционные гимнастики.

Исламова Э.М. отмечает, что «на фонетическом уровне трудности связаны с расхождением в написании и произношении слов; несовпадением в членении текста; ассимилятивными явлениями в речевом потоке» [Исламова, 2015: 110].

Для решения данной проблемы можно использовать прием имитации, когда учитель или оратор произносит слово или фразу, а дети повторяют за ним, стараясь передать все фонетические особенности речи. При этом учитель контролирует процесс артикуляции и правильности произнесения звуков.

Основными лексическими трудностями аудирования являются многозначные слова, омонимы и омофоны, большое количество незнакомой лексики.

Для предупреждения этих трудностей используются следующие задания:

1. Подчеркнуть слоги, на которые падают ударения;
2. Подчеркнуть ударные слова в выражениях;
3. Зачеркнуть слово, звучание которого отличается от образца;
4. Распределить слова в соответствии с тематическими группами;

5. Распределить слова на группы по ключевым звукам;
6. Продемонстрировать интонационный рисунок выражения» [Козлова, 2006: 49].

Также эффективным приемом предупреждения будет регулярное чтение книг, в том числе и словарей.

Длина предложения вызывает затруднения для понимания текста. Объем кратковременной памяти, где хранится фраза, невелик. Потому часто слушатель забывает начало фразы и не может синтезировать ее содержание. Решение заключается в следующем: необходимо показать ученику важные слова, на которые он должен опираться при прослушивании аудиотекста.

Часто ученики теряют ход повествования текста и пытаются понять смысл одного слова из контекста или найти похожее в родном языке. Для решения данной проблемы необходимо активизировать лексику по пройденной теме перед прослушиванием текста. Можно просмотреть пройденный лексический и грамматический материал.

Восприятие акцентов может стать проблемой для понимания текста. В современном мире людям приходится иметь дело с различными акцентами, такими как индийский или французский и другие. Поэтому необходимо учиться понимать разные диалекты иностранного языка. Чтобы помочь ученику в данной ситуации, необходимо просто слушать записи с разными акцентами, радио всемирной службы BBC; смотреть передачи без дубляжа. Изучение интонационных конструкций способствует лучшему пониманию текста, правильной градации смысловых высказываний.

Грамотное сочетание индивидуальной, фронтальной и групповой работы, учет индивидуальных особенностей учащихся будет способствовать активизации умственной деятельности, повышению интереса к учебе.

Также проблемой аудиофайлов является фоновый шум. Чтобы решить данную проблему, нужно выбирать записи хорошего качества, а также сократить шум внутри класса.

Н.И. Гез выделяет еще «одну группу трудностей при аудировании, связанную с индивидуально-возрастными особенностями учащихся» [Гез, 1991: 32].

Главным способом изучения и запоминания лексических единиц иностранного языка у детей с 6 до 10 лет является подражание.

В данный возрастной период у учащихся закладываются основы коммуникативной компетенции, поэтому необходимо отметить важность обучения аудированию в начальных классах. Необходимо с первых занятий дать понять учащимся важность внимательно вслушиваться в речь говорящего, чтобы формировать и развивать культуру слушания.

Младший школьный возраст (6-10 лет) является наиболее благоприятным для изучения английского языка. В этом возрасте ребенок обладает пластичностью механизма усвоения языка, развитыми подражающими способностями, любознательностью и потребностью в познании окружающего его мира. Кроме того, у детей в этом возрасте отсутствует так называемый «языковой барьер». Важной особенностью процесса обучения аудированию на английском языке является приобщение младшего школьника к другой культуре, что позволяет ребенку примерять на себе различные роли, приобщиться к социокультурной общности людей, воспитать уважение и терпимость к другой культуре.

А.Н. Шукин отмечает, что «на первой ступени обучения иностранному языку занятия имеют своей целью:

- формирование элементарных коммуникативных умений;
- формирование некоторых универсальных лингвистических понятий, наблюдаемых в родном и иностранном языках;
- ознакомление с зарубежным фольклорным миром;
- создание условий для ранней коммуникативно-психологической адаптации к новому языковому миру, отличному от мира родного языка и культуры» [Шукин, 2006: 82].

Успех обучения аудированию на английском языке зависит от компетентности учителя и особенностей развития учащихся.

В младшем школьном возрасте познавательная деятельность происходит через эмоциональную составляющую явлений. Следовательно, задачей учителя является вызвать реакцию у детей, поэтому необходимо использовать такие средства как наглядные пособия, видеоматериалы, книги, шутки.

Психологические условия формирования речевых навыков и умений на иностранном языке у детей младшего школьного возраста исследованы в работе Е.И. Негневицкой. Доказано, что врождённая речевая функция синтезирует все необходимые психические свойства для обработки речевого потока и обладает специфическими особенностями: её эффективность ограничена, к 9-11 годам она завершает свою работу; на базе речевой функции и при наличии разноязычных средств ребёнок способен овладеть несколькими языками, не смешивая их друг с другом.

В соответствии с психофизиологическими возрастными особенностями детей и должно быть организовано обучение английскому языку. Было доказано, что уже с 3 лет ребенок способен эффективно усваивать лексику и структуры языка.

Наиболее благоприятным является возраст 6-8 лет. В это время родной язык ребёнком уже достаточно освоен, что позволяет научиться выражать свои мысли и на иностранном языке и облегчает коммуникацию с носителями иностранного языка. В этом возрасте игра, ведущий вид деятельности, сменяется на другой вид деятельности – учебу. Однако, игра занимает ведущую позицию до 10-12 лет, опираясь на игровую деятельность можно обеспечить естественную мотивацию речи на английском языке и способность к осмысленным высказываниям.

Дети младшего школьного возраста любознательны, но внимание характеризуется неустойчивостью. Любое объяснение должно проходить в форме беседы, так как они могут воспринимать монологическую речь на английском языке не более 2-5 минут.

Большое значение при обучении младших школьников аудированию имеет использование различных типов текстов: сказки, стихи, рассказы, песни, диалоги, описания. Нужно убедить учащихся в их способности понимать смысл воспроизводимого текста.

Понимание речи учащимися зависит от факторов, которые зависят от аудиоматериала и «особенностей проведения аудирования:

1. Продолжительность текстов. Чем короче текст, тем проще выделить в нем главное и удержать его в памяти.

2. Наличие незнакомых слов. В основном для аудирования предлагают материалы, содержащие 3-5% новой лексики.

3. Способ предъявления текста. Текст, который был прочитан учителем считается легким, а тяжелым – аудиозапись без предварительных объяснений.

4. Аудирование с опорой. Предполагается запись с демонстрацией картин, фильма, и т.д. Наличие зрительных опор облегчает понимание аудирования.

5. Многократное прослушивание записи. Повторение аудиозаписи позволяет ученикам привыкнуть к голосу и темпу речи.

У учащихся младших классов преобладает произвольное запоминание. Оно характеризуется быстрым запоминанием того, что вызвало эмоциональный отклик. Воображение у младших школьников хорошо развито и носит творческий характер. В этом возрасте мышление характеризуется переходом от наглядно-действенного к наглядно-образному.

Дети в возрасте от 6 до 10 лет уже могут анализировать речь. Речь может носить как описательный, так и объяснительный характер. Например, дети объясняют правила игры.

Таким образом, при обучении аудированию мы сталкиваемся со значительным многообразием трудностей. Для успешного освоения навыка аудирования нужна методическая система, позволяющая эффективно разрешать эти трудности. Чтобы овладеть навыком восприятия иностранной речи на слух, необходимо систематически слушать записи на иностранном языке, в которых присутствуют различные акценты и диалекты. Учителю следует уделять внимание индивидуальным особенностям учащихся

и оперативно решать возникающие проблемы. Наличие такого подхода позволит быстро достичь успеха в обучении аудированию.

Литература

1. Ветохов А.Н. Наслушаться иностранного языка / А. Н. Ветохов // Иностранные языки в школе. – 2015. – № 1. – С. 74-82.
2. Витин Ж.Л. Современные методы преподавания и изучения иностранных языков. СПб.: КАРО, 1997. 108 с
3. Гез, Н.И. Роль условий общения при обучении слушанию и говорению / Н.И. Гез // ИЯШ – 1991 – №5 – С. 32
4. Жинкин Н. И., Речь как проводник информации. – М., «Наука» 1982. – 453 с.
5. Исламова Э.М. Трудности при обучении аудированию на занятиях английским языком и пути их преодоления // Инновационная наука. 2015. – №10 – 3. – С. 107 – 110.
6. Козлова, И.Г. Некоторые способы повышения эффективности обучения аудированию // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество» / И.Г. Козлова. – Т.11. – 2006. – С. 48-57
7. Колкова М.К. Традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам / Под ред. М. К. Колковой. – СПб.: КАРО, 2007. – 288 с.
8. Никитина Ю.А. Речеведческий подход к формированию умений аудирования как средство повышения профессиональной компетенции студентов факультетов иностранных языков (на материале жанров англоязычной новостной информации): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08: – Тольятти: ТГУ, 2002. – 238 с.
9. Рогова Г.В., Верещагина И.Н. Методика обучения иностранному языку / Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина. М.: Просвещение. – 2000. – С. 218
10. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей – М.: Просвещение, 2006. – 239 с
11. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Филоматис, 2006. – 480 с.

References

1. Vetokhov A.N. To listen to a foreign language / A. N. Vetokhov // Foreign languages at school. – 2015. – No. 1. – pp. 74-82.
2. Vitin Zh.L. Modern methods of teaching and learning foreign languages. – St. Petersburg: KARO, 1997. – 108 p.
3. Gez, N.I. The role of communication conditions in teaching listening and speaking / N.I. Gez // IYASH – 1991 – No. 5 – p. 32
4. Zhinkin N. I., Speech as a conductor of information. – M., "Science" 1982. – 453 p.
5. Islamova E.M. Difficulties in teaching listening in English classes and ways to overcome them // Innovative science. 2015. – No. 10 – 3. – pp. 107 – 110.
6. Kozlova, I.G. Some ways to improve the effectiveness of listening training // Proceedings of the International Symposium "Reliability and Quality" / I.G. Kozlova. – Vol.11. – 2006. – pp. 48-57
7. Kolkova M.K. Traditions and innovations in the methodology of teaching foreign languages / Edited by M. K. Kolkova. – St. Petersburg: KARO, 2007. – 288 p.
8. Nikitina Yu.A. Speech-learning approach to the formation of listening skills as a means of improving the professional competence of students of foreign language faculties (based on the material of genres of English-language news information): dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.08: – Togliatti: TSU, 2002. – 238 p
9. Rogova G.V., Vereshchagina I.N. Methods of teaching a foreign language / G.V. Rogova, I.N. Vereshchagina. M.: Enlightenment. – 2000. – p. 18
10. Solovova E.N. Methods of teaching foreign languages: a basic course of lectures: a manual for students of pedagogical universities and teachers – M.: Enlightenment, 2006. – 239 p.
11. Shchukin A. N. Teaching foreign languages. Theory and Practice: A textbook for teachers and students. 2nd ed. – M.: Philomatis, 2006. – 480 p.

Научное издание

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2022

Сборник материалов
VIII Международной научной конференции

(г. Белгород, 14–15 апреля 2022 г.)

Публикуется в авторской редакции

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: В.С. Берегова

Выпускающий редактор: В.С. Берегова

Подписано в печать 15.06.2022. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 9,9. Тираж 100 экз. Заказ 153
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48